ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2020 № 17

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko (Saint Petersburg, Russia)
Andrey N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт **http://journals.tsu.ru/lex/**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Громенко Е.С. К проблеме отбора терминов в неологический словарь (на материале современной научно-популярной периодики) ……..... 5
Майоров А.П. Источниковедческая и этимологическая справка в региональном историческом словаре 26
Передриенко Ю.Т., Баландина Е.С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе 51
Сергеев М.Л., Фивейская Е.А. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале «Словаря русского языка XXI века») 74

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Герасимова М.В. Культурологическое сопровождение словарных статей в цифровом «Полиязычном словаре метафор» 90
Го Лицзюнь, Сюй Хун. История создания двуязычных русско-китайских словарей в Китае 111
Зыкова И.В. Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии 131
Новикова Э.Г., Шиляев К.С. «300 крылатых»: проект мультимедийного латинско-русского словаря крылатых фраз 161
Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) 178
Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н.С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии 195

Сведения об авторах ……...…… 213

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Gromenko E.S. The Problem of Term Selection for a Dictionary of Neologisms (Based on the Material of Contemporary Periodical Popular Science Publications) 5
Mayorov A.P. Source Study and Etymological Information in a Regional Historical Dictionary 26
Peredrienko T.Yu., Balandina E.S. *Obshchestvo* and *Society*: Concept Representation in Lexicographic Discourse 51
Sergeev M.L., Fiveiskaya E.A. On the Purposes of Etymological Information in a General-Purpose Dictionary (On the Example of the *Dictionary of the Russian Language of the 21st Century*) 74

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Gerasimova M.V. Culturological Support of Dictionary Entries in the Digital *Multilingual Dictionary of Metaphors* 90
Guo Lijun, Xu Hong. The History of Russian-Chinese Bilingual Dictionaries Compilation in China 111
Zykova I.V. General Conception, Methodology and Topical Issues of the Dictionary of a New Type *Idiomatics of Russian Avant-Garde* in the Context of Modern Trends of Authorial Lexicography 131
Novikova E.G., Shilyaev K.S. "300 Alati": A Multimedia Latin-Russian Dictionary of Popular Latin Quotations 161
Pimenova M.V. Lexicographic Description of Old Russian Set Combinations of Words (On the Material of Verb Phrases) 178
Priemysheva M.N., Stukova E.G. The Academic *Dictionary of the Russian Language* (1929–1937) Edited by N.S. Derzhavin in the History of Russian Explanatory Lexicography 195

Information About the Authors in Russian 213

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81.33
DOI: 10.17223/22274200/17/1

Е.С. Громенко

К ПРОБЛЕМЕ ОТБОРА ТЕРМИНОВ В НЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ПЕРИОДИКИ)

Рассматривается ряд актуальных проблем современной неографии, связанных с поиском и отбором новой терминологической лексики для неологических словарей. Для данной работы важен тезис-гипотеза: термин становится неологизмом общеупотребительного языка с момента активизации в научно-популярном дискурсе. В связи с этим подробно описываются способы ввода терминов-неологизмов, индикаторы новизны, процесс и критерии поиска и отбора терминов для неологических словарей.
Ключевые слова: *неология, лексикография, неография, неологизм, термин.*

В настоящее время, благодаря всё увеличивающейся доступности достижений науки и техники, происходят стремительные изменения во многих сферах человеческой деятельности. Русский язык в течение последних нескольких десятилетий находится в состоянии так называемого терминологического взрыва [1. С. 5], специальная лексика становится основным ресурсом пополнения словарного состава. В связи с этим включение новой для литературного языка терминологической лексики в неологический словарь – логичное и объективное следствие, сопряженное с рядом трудностей, часть из которых связана с процессом отбора и критериями включения специальных единиц в неотраслевой словарь новых слов.

Актуальность исследования определяется местом, занимаемым новой специальной лексикой в словарном составе русского языка, неоднозначностью ряда теоретических вопросов терминоведения, а также важностью корректной оценки специальной лексики для описания процессов неологизации русского языка. Актуальность работы для неографии обусловливается необходимостью выработки точных кри-

териев отбора и параметров включения специальной лексики в словник проектируемых неологических словарей разных типов.

Среди немногочисленных современных работ, посвященных вопросам терминологической лексики в лексикографическом аспекте, назовём исследования И.С. Кудашева [2], А.Э. Цумарева [3], С.Д. Шелова [4, 5]. Учёные обращаются к проблемам описания и маркирования специальной лексики в общих словарях, разработке терминологических словарей разных типов. Также стоит перечислить работы, в которых разрабатывается область неологии и неографии (Т.Н. Буцева [6, 7], И.Я. Нечаева [8], Л.В. Рацибурская [9]). В настоящей статье вхождения из специальной лексики впервые рассматриваются в русле проблем теоретической неологии и неографии. Также новизна исследования обусловливается неизученностью анализируемого в работе материала.

Объект изучения – терминологическая лексика первых двух десятилетий XXI в., извлеченная из современной научно-популярной периодики (изданий 2010-х гг.).

Целью исследования является выработка критериев отбора терминологической лексики для неологических словарей разных типов.

Для достижения поставленной цели на разных этапах работы с материалом (поиском, отбором, отсевом терминологической лексики) применялись метод анализа и синтеза, описания, методики наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации. Также работа с материалом проводилась в рамках метода прикладного описания, ориентированного «на конкретные подъязыки, а не на весь язык в целом» [10. С. 628], включающего, в частности: составление технического задания (определение принципов поиска и критериев отбора терминологической лексики для словарей новых слов), анализ проблемной области, формирование метаязыка, способов описания проблемной области, представление модели работы с проблемной областью, проверка полученной модели [Там же].

Процесс отбора лексических новшеств для неологического словаря состоит из последовательности действий: поиск – отбор – отсев – описание. Первый этап работы, предоставляющий материал для последующего анализа, находится в прямой зависимости от первоначально обследуемого набора источников, в связи с чем крайне необходимо важным уточнить издания, в которых можно найти терминологическую лексику, подходящую для словарей новых слов.

Поскольку неологические словари фиксируют новые единицы общелитературного языка, период функционирования термина в языке для специальных целей (научных статьях, справочниках и т.п.) в настоящей статье не рассматривается.

Как нам кажется, путь проникновения терминологической лексики в общеупотребительный язык включает переходный пункт функционирования – научно-популярный дискурс – на этапе которого терминологическая номинация формирует усреднённое значение с ключевыми признаками явления. По нашим наблюдениям, в рамках работы над неологическим словарём следует разграничивать научно-популярный дискурс в научно-популярных и массовых источниках, так как они представляют неодинаковую возможность замены слова внутри сообщения (научно-популярные ресурсы допускают замещение терминами из другой терминосистемы, профессионализмами, жаргонизмами, массовые также не исключают и перифразы), реализуют различную степень специализации контекста и, как следствие, формируют разный потенциал дальнейшего использования.

В качестве иллюстрации последнего положения рассмотрим употребление термина *CAR-клетка* в текстах трёх типов изданий: специальном, научно-популярном и массовом. В первой разновидности источника термин *CAR-клетка* приводится без объяснений, текст содержит другие лексические единицы, понятные только профессионалам: «*В формировании ниши принимают участие многие типы клеток, включая остеобласты, клетки эндотелия, экспрессирующие CXCL12, ретикулярные клетки* (*CAR-клетки*)*, полипотентные мезенхимные стромальные клетки* (*ПМСК*)*, симпатические нервные волокна*» (cyberleninka.ru. 2014).

В научно-популярных источниках даётся пояснение: «*Один из них – использование мультиспецифичных CAR-клеток. Они экспрессируют не один химерный рецептор, а два или более, которые связываются с разными антигенами опухоли*» (nplus1.ru. 20.04.2016).

В ресурсах, предназначенных для массового читателя, сопровождающий контекст поясняет явление в более общих чертах, формирует общую интерпретацию явления: «*Клетки CAR – искусственно произведенные иммунные Т-клетки. И эти клетки вырабатывают рецепторы на своей поверхности. Данные рецепторы прицельно убивали клетки, содержащие вирусные или раковые белки <…> Данные антитела стали основой рецепторов CAR-клеток*» (Vesti.az. 18.07.2016).

Любопытно, что часто вхождения имеют хронологическую последовательность: сначала в первый, затем – во второй тип источника, кроме того, между фиксациями может пройти длительный период времени – год и более. Кроме этого, распространён вариант одновременного вхождения терминологического слова в научно-популярный и массовый ресурс.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о параллельном функционировании термина: в профессиональном, научном дискурсе – как точного понятия, в общеупотребительном языке – как общего представления о понятии, что подтверждается цитатой: «Термин любой области знания выражает специально-профессиональное, научное или техническое понятие, если он употребляется в условиях специальной профессиональной коммуникации. Функционируя в художественных произведениях или в условиях бытового общения, термин выражает бытовые понятия или общие представления» [11. С. 40]. Например, Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин говорят об отличном от применения в рамках профессиональной коммуникации характере термина в художественных произведениях, бытовом общении, однако считаем возможным добавить также научно-популярные тексты в прессе и научно-популярных газетах, журналах.

Научно-популярный дискурс остаётся наиболее устойчивой и продолжительной функциональной зоной применения терминологических номинаций после специального. В связи с этим кажется оправданным отслеживание для словника неологических словарей фиксаций терминологических единиц не в общих статьях, а главным образом в научно-популярных изданиях и сообщениях о достижениях науки и техники в ресурсах, ориентированных на широкого читателя.

Иначе говоря, на этапе поиска новой лексики важным является обследуемый материал, поэтому список обследуемых журналов был сформирован исходя из соответствия формальным критериям: ориентации на среднестатистическую аудиторию, стремления держать читателей в курсе последних достижений мировой научной мысли. В результате первых сплошных обследований для дальнейшей работы были выбраны следующие термины: «В мире науки», «РБК», «Популярная механика», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Что нового в науке и технике», «ММ – машины и механизмы», «РБК», «Кот Шрёдингера».

Помимо периодических изданий для поиска неотерминов привлекались ресурсы интернета: рубрики науки, техники, инновационных

технологий, медицины и т.п. таких сайтов, порталов, электронных изданий, как «Известия» (iz.ru), «Коммерсант» (kommersant.ru), «Комсомольская правда» (kp.ru), «Независимая газета» (ng.ru), «Научная Россия» (scientificrussia.ru), «Техника – молодежи» (technicamolodezhi.ru), «Компьютерра» (computerra.ru), NanoNewsNet (nanonewsnet.ru), «Лента» (lenta.ru).

Результатом обзора материала за период 2016–2019 гг. и последующего отбора и отсева отобранной лексики стал словник неотерминов первых двух десятилетий XXI в. объемом в одну тысячу единиц. В процессе поиска новой терминологической лексики была замечена часто встречающаяся особенность, характерная для синтагматического окружения неологизмов этого типа, объединяющая способы ввода лексики из специальной сферы и типичные для всех лексических новшеств контекстуальные маркеры новизны, так называемые дискурсивные индикаторы [12], проявляющиеся:

1. В специфике синтагматического окружения:

а) перевод иноязычных составляющих терминов («*Беспилотники-глайдеры* (*от английского слова "скользить"*) *смогут погружаться на глубину до 300 метров и находиться "в автономке" до 90 дней*» (Городской портал. Челябинск – Новости. 26.06.2014));

б) перечисление свойств («*Помимо того, ученые впервые выделили бактерий-психрофилов, устойчивых к воздействию высоких доз ультрафиолетового излучения*» (mti-edu.com. 04.11.2011));

в) толкование («*Платоники или квирплатоники – люди, для которых на первом месте стоят дружеские платонические отношения, которые чем-то похожи на романтические* (*за исключением неплатонических вещей, вроде секса*) *хотя поцелуи, обнимашки могут быть платоническими, в зависимости от того, как это делается, и что об этом думают сами платоники*» (Aven.ru. 17.12.2016));

г) синонимичные замены («*Многие склонны считать, что новое небезопасное увлечение, уже получившее название "биохакинг"* (*биовзлом*), *обязано своим появлением на свет бурному развитию информационных технологий, к которому, вне всякого сомнения, приложили руку основатели компаний Apple, Hewlett Packard, Google и т.д.*» (Point.Ru. 29.12.2008));

д) сравнения, аналогии («*Криптоденьги – электронный аналог золота OpenNet*» (opennet.ru. 03.04.2011));

е) расшифровка новых аббревиатур («*НБИКС-технологии – нано, био-, информационные, когнитивные, социальные технологии*» (Богослов.ру. 27.12.2016));

ж) «обратный» перевод, отсылка к термину-первоисточнику («*“Межпланетная транспортная система”* (*Interplanetary Transport System, ITS*), *котораябудет использоваться для доставки людей на Марс, а также для возвращения их обратно на Землю*» (Newsader. 28.09.2017)).

2. В употреблении сочетания *так называемый*, причастия *называемый* для отсылки на имеющийся источник сведений относительно сообщаемой ситуации и отказа говорящего от роли «новатора»: «*…таковыми стали очень смелые высказывания Холдрена относительно перспектив так называемого геоинжиниринга – искусственного изменения климата Земли при помощи различных технологических манипуляций с природной средой в планетарных масштабах*» (expert.ru. 20.04.2009).

3. В использовании кавычек с целью выделения модусного компонента высказывания, аналогично ситуации с *так называемый*: «*Новые “биозубы”, созданные при помощи гена Jagged 2, будут идеально соответствовать всем индивидуальным особенностям пациента, тогда как на сегодняшний день стоматология пока не способна обеспечить столь идеальное соответствие*» (Вестник Израиля. 11.08.2010).

4. В использовании кавычек и сочетания *так называемый* (см. пункты 2 и 3): «*Мы будем изучать фазовые переходы от ядерной материи к кварк-глюонной материи, осуществлять поиск так называемой “критической точки”*» (РИА Новости. 16.03.2010).

При категоризации различных типов дискурсивных индикаторов нами принимались во внимание особенности ввода лексики, имеющей кириллическую графику. Однако в нашей выборке также присутствуют иноязычные термины и аббревиатуры, функционирующие в текстах на языке-источнике, которые также имеют дискурсивные индикаторы, обнаруживающиеся:

5. В переводе аббревиатур, терминов:

«*Технология DPI (глубокого анализа пакетов), которая использует для этого, облегчает слежку за гражданами. Она позволяет провайдеру заглянуть внутрь пакетов передаваемой информации, а также отследить, кто заходил на запрещенный сайт, и идентифицировать его*» (www.sovsekretno.ru. 03.01.2013).

6. В указании на содержание понятия без перевода лексического новшества: «*Еще в 2015 году Ариндам Чоудхари и Андре Треман из Международного университета Флориды запатентовали систему AMPS* (*Aerodynamic Mitigation and Power System*)*, которая должна одновременно улавливать энергию ураганного ветра и защищать здания от разрушений*» (Media Mag. 22.01.2018)).

7. В переводе частей термина, которые, по мнению автора текста, неизвестны читателю: «*Как рассказал профессор Института эволюционных исследований Ли Бергер, найденный вид относится к предкам современного человека. Новый вид получил название Homo naledi (naledi на языке коренных жителей означает "звезда")*» (newsler.ru. 10.09.2015).

Подобная репрезентация заимствованных терминов в тексте может быть следствием отсутствия варианта наименования, некодифицированным переводом понятия на русский язык, эксплицирующих инородность, инновационность вводимой лексической единицы.

Кроме этого, языковая инновация может не иметь указаний на содержание термина, но в то же время она выделяется из текста посредством окружающей лексики с семантикой новизны (*ноу-хау, новинка, инновация, первый, открытие, новый* и др.), что с нашей точки зрения также является дискурсивным индикатором:

«*Авторами* ***открытия новых*** (выделено нами. – *Е.Г.*) *элементов предложены названия: Нихоний и символ Nh для элемента 113, Московий и символ Mc для элемента 115, Теннесин и символ Ts для элемента 117 и Оганессон и символ Og для элемента 118*», – сообщается на сайте (udms.mosreg.ru. 08.06.2016);

«*Считается, что 3D-биопечать – одно из нескольких самых перспективных* ***инновационных*** (выделено нами. – *Е.Г.*) *направлений применения ИТ*» (PC Week – online. 15.08.2011).

О.А. Никитина справедливо отмечает: «ДИ [дискурсивные индикаторы] обращают внимание реципиента дискурса на формальные и/или содержательные особенности языкового употребления и содержат в себе общие указания по интерпретации информации» [12. С. 81]. Такие маркеры оказываются необходимыми на начальном этапе существования слова в общелитературном языке. Упразднение впоследствии этих текстовых элементов будет свидетельствовать об относительной освоенности общеупотребительным языком вводимой лексической инновации, о сформировавшемся представлении о поня-

тии «усреднённым» носителем языка. Например, термин *экзопланета* в начале использования в массовых и научно-популярных ресурсах сопровождается объяснениями, комментариями («*Такие оценки были сделаны после обнаружения 100-й экзопланеты – планеты, вращающейся возле другой звезды*» (Утро.ru. 02.07.2002)), оформляется кавычками («*Но эти "экзопланеты" (exoplanets) непригодны для жизни: огромные газообразные космические тела больше всего похожи на Юпитер*» (Известия. 19.04.2002)). В 2019 г. приводится без толкований, пояснений и т.п.: «*Среди других научных миссий, запущенных в уходящем году в космос, стоит отметить европейский телескоп для поиска экзопланет*» (Lenta.ru. 27.12.2019)).

После поиска терминологических инноваций в научно-популярных текстах и изданиях был составлен примерный список неологизмов, которые в дальнейшем подверглись проверке, с целью выяснения отличных от работы с лексическими новшествами нетерминологического характера параметров отбора.

На первом этапе для выяснения информации о закреплённости слова в исследовательской базе, о контекстах, о первой фиксации словник был сверен по словарным картотекам. На втором – с толковыми, орфографическими, справочными и энциклопедическими словарями (русскоязычными, переводными, иностранными), наличие проверяемого слова в которых свидетельствовало о не новизне слова для общеупотребительного языка.

Показателен пример термина *биоакустика*, отмеченного в научно-информационном «Орфографическом академическом ресурсе АКАДЕМОС» [13]. Подобная «регистрация», во-первых, свидетельствует о большей освоенности данного термина узусом по сравнению с такими невошедшими в общие словари терминологическими наименованиями, как *окулография*, *антропоцен*, *экзоскелет*. Во-вторых, подразумевает истечение значительного промежутка времени, потребовавшегося для закрепления слова в общелитературном языке, тогда как первые вхождения в массовые и научно-популярные издания были зафиксированы в начале 2000-х гг.

Отсутствие проверяемого слова в толковых, нормативных и других словарях может быть следствием новизны слова. Фундаментальным критерием отбора подходящих слов для словарей неологизмов является время первой письменной фиксации. Датировка может быть определена при помощи сетевого ресурса русскоязычной периодики

Интегрум [14], ресурсов Google Books [15], Яндекс Новости [16], Национального корпуса русского языка [17] и др. В случае работы с терминологической лексикой одним из основных условий для включения термина в словарь неологизмов считаем упоминание термина в тексте, ориентированном на среднестатистического адресата.

Кроме этого, требуется уточнить в контексте неографии возникшее вследствие диффузности границы между общеупотребительной и специальной функциональными зонами и распространившегося ввиду непрекращающегося интереса к достижениям науки и техники явления «терминологический шум», понимаемое нами как феномен, проявляющийся в единичных, случайных, не систематических вхождениях терминологических номинаций в неспециализированные источники. Термины, фиксирующиеся в массовых изданиях в нескольких цитатах только в один год или употребляющиеся в небольшом количестве эпизодически, для общеупотребительного языка будут всегда новыми, аналогично окказиональным и индивидуально-авторским словам художественной литературы, которые сохраняют свою новизну в каждом появлении в тексте вне зависимости от времени использования. Проиллюстрируем нашу гипотезу на примере терминов *цеппелланы* и *эластичная молекула*. Термин цеппеланы упоминается в единственной цитате новостного ресурса со ссылкой на научно-популярный ресурс «Популярная механика»: «*Название нового класса соединений родилось само собой – цеппеланы <…> Цеппеланы, добавленные в углеводородное топливо, позволят уменьшить его вес без снижения энергии сгорания*» (Рамблер-Новости. 01.04.2017). Термин *эластичная молекула* периодически появляется в неспециализированных текстах: в 2000 г. встречается в одной цитате, в 2006 г. – в двух, в 2017 г. – в одной, в 2018 г. – в одной. В частности первая и последняя цитаты: «*Было очень важно понять, как размер и форма этих эластичных молекул определяют их физико-химические свойства*» (Эхо Москвы: Ну и денек. 19.06.2000); «*Гибкий – это имеющая множество боковых ответвлений эластичная молекула, жесткий сегмент – это полимер цилиндрической формы*» (Regnum. 13.05.2019). В обоих случаях термин сохраняет свою терминологичность, специфичность несмотря на изменение функциональной зоны текста фиксации.

Не исключая факт употребления в текстах неспециализированных ресурсов, оба термина, на наш взгляд, не должны быть включены в словник неологического словаря из-за единичных разового или эпи-

зодического характера употреблений, так как представляют не начало перехода термина в общеупотребительный язык, сопровождающегося увеличением количества фиксаций, а частные явления терминологического шума. Случайными можно назвать единичные вхождения в научно-популярные и массовые издания таких терминов, как *адьюканумаб* (в 2017 г. – в 1 документе), *экофиллер* (2016 г. – 1), *эколого-антропный* (2016 г. – 1), *магнитный пинч* (2017 г. – 1), *цифровое благоустройство* (2019 г. – 1, 2018 г. – 2, 2017 г. – 1, 2004 г. – 1).

Нерегулярная, низкочастотная, узкоспециальная терминологическая лексика обладает перманентной новизной и стабильной, не спадающей в условиях упоминания в неспециализированных источниках терминологичностью. В таком случае возникают объективные сомнения в целесообразности включения в словари неологизмов новых для общеупотребительного языка терминов только на основании критерия вхождения в определённый тип источника. В то время как лексическим новшествам нетерминологического характера для словарей-ежегодников достаточно факта письменной фиксации слов в публицистике без опоры на динамику употреблений, то терминологической лексике этого параметра недостаточно, так как до использования в общеупотребительном языке, в котором она приобретает новизну, она уже существует в структуре национального языка и изначально обладает потенциалом применения в другой функциональной зоне, реализация которого может носить непреднамеренный характер. С целью исключения подобной совокупности условий считаем необходимым отслеживать частоту вхождений терминологической лексики не только на уровне составления словарей, фиксирующих изменения лексического состава за продолжительное время (десять, тридцать лет), но и за один год и не включать низкочастотные случаи в словник.

Таким образом, терминологическая лексика, подходящая для неологических словарей, должна иметь активное применение в текстах, ориентированных на среднестатистического читателя. Проиллюстрируем возможную модель динамики процесса проникновения терминологических номинаций в общеупотребительный язык на примере слов *город-губка* и *ховербайк*.

Слово *город-губка* было выявлено в журнале «В мире науки» в выпуске за январь-февраль 2019 г. Проверка по толковым словарям, нормативным справочникам и др. не дала никаких результатов. Обследование по системам Интегрум [14], Google Books [15], Яндекс

Новости [16] показало, что, во-первых, существует термин-омоним *город-губка*, характеризующий формирование городских пространств и сервисов, который противопоставляется термину *город-бублик* («*В случае продолжения этих трендов Павлодару угрожает перспектива превратиться в так называемый "город-губку", где концентрация коммерческих или жилых функций перемежается с заброшенными пустырями и забытыми районами, или в "город-бублик", в котором ключевые функции располагаются в периферийных коммерческих узлах, в то время как центр города пустеет все больше и больше*» (better.kz. 14.11.2016)). Во-вторых, интересующее нас значение «инфраструктура города, адаптированная под аккумуляцию осадков в зеленых насаждениях; не отвод дождевой воды в канализацию», появляется в 2015 г.: «*Создание "городов-губок" потребует значительных капиталовложений – строительство водосборной инфраструктуры на площади в 1 кв км обходится в сумму порядка 150 млн юаней / 24,2 млн долларов*» (ТАСС – Проблемы экологии. 30.05.2015). В год первой фиксации термин *город-губка* упоминается в массовых изданиях, информагентсвах, интернет-изданиях федерального назначения, неспециализированных зарубежных русскоязычных ресурсах, что позволяет включить этот термин в неологические словари, описывающие новшества 2015 г.

Однако подобное широкое одномоментное распространение в средствах массовой информации не является повсеместным проявлением начальной стадии освоения терминологической лексики общеупотребительным языком. В большинстве случаев наблюдается колебание частоты и типа источников.

Иную модель освоения представляет номинация *ховербайк*. Первые цитаты с этим словом относятся к 2003 г. В этот момент понятие обозначает объект научной фантастики и употребляется исключительно в ресурсах, специализирующихся на компьютерных играх: «*Сражайтесь за право выжить, используя колесную и гусеничную технику, субмарины и ховербайки, а также целый арсенал оружия!*» (Playground.ru. 01.04.2003). В 2004 г. встречается в двух цитатах, в статье-обзоре компьютерной игры в газете «Деловой Петербург» (26.03.2004) и на сайте журнала о компьютерных и видеоиграх «Страна игр» (10.05.2004), в 2005 г. – только на сайте «Страна игр» (10.09.2005). В период с 2006 по 2010 г. цитат нет.

В 2000-х гг. слово *ховербайк* было связано с объектом фантастического мира, в 2011 г. появляется действительная разработка. Начиная с этого периода, *ховербайк* становится перспективной развивающейся технологией, о которой пишут в различных источниках. В 2011 г. насчитывается около тридцати документов (по данным ресурса Интегрум [14]) со словом *ховербайк* в частные новостные (*«Ховербайк» построен с оглядкой на безопасность, поэтому должны отказать, минимум три комплектующих, прежде чем произойдет серьезная поломка в воздухе* (Время и Деньги. 06.07.2011)) и научно-популярные издания (*Изобретатель «Ховербайка» Крис Маллой* (*Chris Malloy*) *считает, что тот сможет достигать высоты в три километра и развивать скорость до 278 километров в час* (Membrana. 04.07.2011)). Интересно, что в этом же году увеличивается количество цитат с написанием латиницей hoverbike или hover-bike (34 сообщения по данным Яндекс Новости [16], до 2011 г. – одна цитата в Motonews.ru (05.01.2007)): «*Hoverbike 32-летний Мэллой собрал за два года в своем гараже, угрохав на это все свои сбережения*» (Комсомольская правда. 29.06.2011). В 2012 г. насчитывается уже двести семнадцать текстов с кириллическим написанием слова и всего десять, сохраняющих оригинальное написание, часть из которых имеет только отсылку к исходной номинации: «*В США прошли успешные испытания нового летающего мотоцикла, так называемого ховербайка (hoverbike), разработанного калифорнийской компанией Aerofex, сообщает ИТАР-ТАСС*» (Вести.Ru. 22.08.2012).

В 2013 г. терминологическая единица *ховербайк* встречается в 205 публикациях, в 2014 г. – в 161, в 2015 г. – в 163, в 2016 г. – в 262, 2017 г. – в 907, 2018 г. – в 567 (по данным ресурса Интегрум [14]). Несмотря на то, что момент активизации слова, его широкого распространения и замещение латинского написания кириллическим относятся к 2012 г., представляется целесообразным считать термин *ховербайк* неологизмом 2011 г. В 2011 г. увеличивается количество фиксаций в различных массовых источниках, формируется тенденция, потенциал слова в рамках общеупотребительного языка, происходит графическая адаптация. На настоящий момент можно говорить о стабильном широком распространении, которую приобрело слово *ховербайк* в общеупотребительном языке. При дальнейшей подобной динамике частоты в статьях, предназначенных для адресата-не специалиста, термин *ховербайк* может быть зафиксирован в орфографических, толковых и других словарях.

При работе с материалом было отмечено несколько тенденций, характерных для терминологической лексики начала XXI в. Первой спецификой, привлекшей наше внимание, стало функционирование иноязычных номинаций на языке-источнике без варианта на русском языке: «*Инновационная технология Longines Positioning System (LPS) отслеживает и мгновенно передает данные о точном местоположении лошадей во время скачек, составляет текущий скаковой рейтинг, определяет расстояние между лошадьми (с точностью до 5 см) и разницу их скоростей*» (Style.rbc.ru. 16.04.2015). Бесспорно, подобные лексические единицы не включаются в словники словарей из-за отсутствия графической адаптации.

Причиной подобного использования заимствований могут являться «процессы расширения и углубления международных связей, интернационализации науки, глобализации информационного пространства в современном мире» [18. С. 3]. Иноязычная лексика в анализируемой выборке, за редким исключением, представлена английскими словами. Как отмечает Л.В. Рацибурская, смена интернациональной лексики с опоры на латинские и византийские ресурсы на англоязычную ориентацию протекает на рубеже XX–XXI вв., после которого славянские языки встраиваются в процесс «амероглобализации» [19].

Ещё одна стремительно развивающаяся в русском языке последних десятилетий группа слов – так называемые слова-кентавры [20, 21] или слова-гибриды [22], имеющие в своём составе англоязычный компонент на латинице (*NISQ-устройство*, *VNS-терапия*, *MVNE-платформа*, *JNI-реализация* и т.д.), который часто является «носителем» терминологической информации.

Первым словарём, зафиксировавшим языковые единицы с первой иноязычной частью, стал «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» [23], в нём мы находим: *DOS-овский*, *IBM-совместимость*, *IBM-совместимый* и др. Далее слова-кентавры фиксируются в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [24] (*web-сайт, web-технология* и др.), «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [25] (*WAP-сайт*, *Flash-память*, *IP-телефония* и др.). В этих изданиях слова с компонентами в латинской графике регистрируются в Приложении, а русифицированный вариант входит в основную часть словаря. Если слово встречается исключительно в написании латиницей, оно фиксируется только в Приложении.

Гибридные слова также находят место в словаре-справочнике «Новые слова и значения (по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века)» [26, 27]: *Web-мастеринг*, *Web-интерфейс*, *PR-деятельность*, *PR-обеспечение*, *PR-поддержка* и др. Включение такой лексики в словник данного словаря воспринимается исследователями как безусловный плюс следования тенденциям развития современной лексикографии: «Широкое описание гибридизации разных типов – это, безусловно, также одно из достижений НСЗ-90, связанное с эволюцией самого языка и языкового материала: русский язык конца XX–XXI вв. невозможно представить без таких единиц, как: *IT-менеджер, PR-технологии, VIP-клиент, web-дизайн* и т.п.» [28. С. 18]. Слова с элементом на латинице в этом словаре представляются иначе: «В заголовке словарной статьи вначале дается форма с кириллическим написанием первого компонента, а потом – с иноязычным. В самой статье и в справочном отделе к ней показывается контекстное употребление обеих форм» [29. С. 254].

Слова-кентавры, в которых «первая часть пишется кириллицей, но при этом такая часть не существует в русском языке в виде самостоятельного слова» [20. С. 576], не вызывают больших споров и фиксируются в словарях.

На наш взгляд, образования с латинским компонентом сохраняют терминологический «заряд» и воспринимаются носителями языка как единицы специальной сферы деятельности человека в течение более длительного времени, по сравнению с терминологическими номинациями, у которых отсутствует некириллическая часть. Внесение в словник таких номинаций представляется возможным при появлении адаптированного написания и активизации употреблений, при росте количества сообщений со словом с компонентом на языке-оригинале и отсутствии русифицированного варианта допускаем фиксацию в Приложении, если оно подразумевается в словаре.

Таким образом, проведенный анализ, во-первых, позволил сделать ряд выводов относительно специфики терминологических новообразований начала XXI в. Помимо терминов на русском языке (*ховербайк*, *город-губка*) в текстах функционируют номинации на языке-источнике в качестве полноценных слов, словосочетаний и аббревиатур (*Big Data*, *NISQ*), а также словообразовательные иноязычные компоненты (*дамплинг-соединение, Bitcoin-кошелёк*). Одной из тенденций, характерной для современных заимствований, можно назвать их

стремление включения в словообразовательные процессы, а не только фонетическую, морфологическую и словообразовательную адаптацию [30. С. 181].

Во-вторых, проведенный анализ выявил некоторые типичные индикаторы, сопровождающие новые терминологические номинации в научно-популярном дискурсе, объединяющие маркеры новизны явления, и употребление единиц специальной сферы в текстах, адресованных широкому читателю: окружение лексикой с семантикой новизны; перевод иноязычных составляющих термина, толкования, синонимичные замены, пояснения, отсылка к аналогиям, проведение сравнений, перечисление свойств, расшифровка новых аббревиатур, «обратный» перевод, заключение слова в кавычки, сочетания *так называемый*.

Выпуски «Новое в русской лексике», словари-справочники «Новые слова и значения», отражающие языковые новшества второй половины XX в., традиционно описывали специальную лексику, упоминающуюся в неспециализированных источниках. Например, в словаре-справочнике «Новое в русской лексике (по материалам прессы и литературы 60-х гг.)» [31], по подсчетам Н.З. Котеловой, специальная лексика составила примерно 50% [32]. В издании «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80» [33] находим термины *интродукцирование*, *карстово-гляциологический*, *кадмит-ртуть-теллур* и др. Включение подобных номинаций представляется неоправданным, так как приведённые примеры не являются следствием пополнения лексического состава общеупотребительного языка, а репрезентируют диффузность границы между общеупотребительным и специальными языками, проявляющуюся в единичных и несистематичных вхождениях в тексты научно-популярных и массовых источников.

Ввиду продолжающегося активного пополнения лексического состава русского языка за счет специальной лексики фиксация неологизмов-терминов в словарях новых слов является объективной потребностью и задачей современной лексикографии. Однако, на наш взгляд, при работе с терминологической лексикой для словаря неологизмов требуется ряд уточнений, установлению которых было посвящено данное исследование.

Итак, ключевой параметр для включения лексических новшеств в неологический словарь – первая письменная фиксация в периодической печати – оказывается недостаточным для поиска и отсева новой терминологической лексики, которая нуждается, с одной стороны, в

широкой репрезентации, так как является одним из основных источников, обновляющих общеупотребительный язык, с другой – в исключении не систематичных и изначально неперспективных употреблений. Для осуществления первого пункта важен круг источников поиска, которые должны включать источники, ориентированные на среднестатистического адресата, отражать последние достижения науки и техники (среди них научно-популярные источники, отдельные рубрики массовых печатных или электронных изданий, информационных агентств, интернет-газет и журналов). Во избежание регистрации явлений терминологического «шума» необходимо опираться не на факт фиксации, а на количество вхождений, динамику частоты в ресурсах, направленных на широкую аудиторию.

Таким образом, можно заключить, что основным обстоятельством для включения терминологической лексики в словарь неологизмов должен стать момент активизации употреблений в научно-популярном дискурсе в текстах массовых изданий.

Литература

1. *Азимов П.А., Дешериев Ю.Д., Никольский Л.Б., Степанов Г.В., Швейцер А.Д.* Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 3–11.

2. *Кудашев И.С.* Вопросы представления специальной лексики в туристическом словаре-разговорнике // Терминология и знание : материалы Междунар. симп. (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. Вып. IV. С. 235–245.

3. *Цумарев А.Э.* Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание : материалы Междунар. симп. (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. Вып. IV. С. 255–273.

4. *Шелов С.Д.* Толкование лексики терминологического и профессионального характера в филологических толковых словарях (проект рекомендации) // Терминология и знание : материалы Междунар. симп. (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. Вып. IV. С. 284–299.

5. *Шелов С.Д.* Вопросы толкования специальной лексики в толковых словарях (из истории теории и практики отечественной лексикографии) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. Т. 1. С. 434–453.

6. *Буцева Т.Н.* Сегодня и завтра академической неографии // Неология и неография: современное состояние и перспективы к 50-летию научного направления : сб. науч. ст. СПб., 2016. С. 16–21.

7. *Буцева Т.Н.* Проблемы современной академической неографии в аспекте неологической концепции Н.З. Котеловой // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики : тез. докл. междунар. науч. конф. М., 2018. С. 14–16.

8. *Нечаева И.В.* Иноязычная неолексика в русском языке в аспекте ее формальной адаптации // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики : тез. докл. междунар. науч. конф. М., 2018. С. 76–78.

9. *Рацибурская Л.В.* Прагматические аспекты изучения новообразований в СМИ // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 108–114.

10. *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М., 2013. 820 с.

11. *Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. 104 с.

12. *Никитина О.А.* Дискурсивные индикаторы неологизмов (на материале немецкого языка) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : тез. междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 80–81.

13. *Орфографический* академический ресурс АКАДЕМОС. URL: http://orfo.ruslang.ru (дата обращения: 09.06.2019).

14. *Интегрум.* URL: http://www.integrumworld.com (дата обращения: 09.06.2019).

15. *Google* Books. URL: https://books.google.ru (дата обращения: 06.06.2019).

16. *Яндекс Новости*. URL: https://news.yandex.ru (дата обращения: 18.07.2019).

17. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 18.05.2019).

18. *Баранова Л.А.* Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М., 2009. 320 с.

19. *Рацибурская Л.В.* Актуальные процессы в словообразовании русского и других славянских языков // Acta Polono-Ruthenica XX. Olsztyn, 2015. С. 237–246.

20. *Крысин Л.П.* О некоторых типах слов в русском языке: слова-кентавры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 575–579.

21. *Другoвейко-Должанская С.* Слова-кентавры // Gramma.ru. URL: http://gramma.ru (дата обращения: 09.06.2019).

22. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы усвоения и функционирования. М., 2008. 495 с.

23. *Толковый* словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 1998. 700 с.

24. *Толковый* словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001. 894 с.

25. *Толковый* словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2006. 1133 с.

26. *Новые* слова и значения. Словарь-справочник. (По материалам прессы и литературы 90-х годов XX века) / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб., 2009. Т. 1. 813 с.

27. *Новые* слова и значения. Словарь-справочник. (По материалам прессы и литературы 90-х годов XX века) / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб., 2014. Т. 2. 1392 с.

28. *Ефремов В.А.* Современная академическая неография: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. №3. С. 14–21.

29. *Буцева Т.Н.* Новые слова и значения. словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: из опыта составления и редактирования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. СПб., 2012. Т. VIII, ч. 3. С. 242–263.

30. *Коряковцева Е.И.* Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowiacskich. Siedlce, 2009. С. 179–200.

31. *Новые* слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М., 1971. 543 с.

32. *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5–28.

33. *Петушков В.П., Поповцева Т.Н., Соловьев Н.В., Судопатова М.Н.* Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80 / под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984. 287 с.

The Problem of Term Selection for a Dictionary of Neologisms (Based on the Material of Contemporary Periodical Popular Science Publications)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 5–25.
DOI: 10.17223/22274200/17/1

Elizaveta S. Gromenko, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: el.gromenko@gmail.com

Keywords: neology, lexicography, neography, terminology, neologism.

A number of today's neography problems related to selection of new terminological lexis into neological dictionaries are described in the article. First, the nature of the sources involved in the material search is determined. As the discourse of popular science is a stage in the formation of the average meaning of terminological lexis and the most sustained and long-lasting area of functioning after a special discourse, in order to obtain vocabulary for neological dictionaries, the author recommends tracking terminology units in popular science publications and articles on scientific and technical achievements in the resources targeted to the average addressee. Second, the main criterion for the selection of neologisms—the "time of first fixation"—is insufficient in relation to terminological innovation. Due to the diffusion of the boundary between common and special areas, during the work on the vocabulary for neological dictionaries, it is necessary to exclude from consideration accidental occurrences of terminological lexis in mass sources as special cases of terminological "noise". This is why the frequency of occurrences of terminological lexis should be monitored when compiling dictionaries that record long-term changes (ten, thirty years) in lexis and dictionaries that cover one-year periods, and low-frequency cases should not be included in the vocabulary. Therefore, the main condition for the inclusion of terminological lexis in a dictionary of neologisms should be the moment of the activation of its uses in popular science discourse in texts of mass publications. Special lexis introduced into a new functional environment, common language, is regularly accompanied by discourse indicators: the neoterm is surrounded with words denoting novelty; translation, definition, synonymous substitution, explanation, reference to analogy, comparison, list of

properties, decoding of new abbreviations, enclosing the neoterm in quotation marks, its accompanying with the collocation *tak nazyvaemyy* (*so-called*). Such markers draw attention to the novelty of the notion and offer its proper interpretation. From the moment of its introduction into non-special texts, the term functions both in professional or scientific discourse as a precise term and in common language as a general idea of the term, which indicates that the term's determinologisation begins. The research has also shown a significant heterogeneity of the terms. Terms of the beginning of the 21st century are discrete in composition: but for Russian-language terms (*hoverbayk* [hoverbike], *gorod-gubka* [sponge-city]), nominations in the source language *(Big Data, NISQ)* and word-formation components in foreign language (*Bitcoin-koshelek* [Bitcoin-wallet]) function in texts.

References

1. Azimov, P.A. et al. (1975) Sovremennoe obshchestvennoe razvitie, nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i yazyk [Modern social development, technological revolution and language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–11.

2. Kudashev, I.S. (2014) [Issues of presenting special vocabulary in a tourist dictionary-phrasebook]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Proceedings of the International Symosium. Moscow. 6–8 June 2014. Vol. 4. Moscow: Vest-Konsalting. pp. 235–245. (In Russian).

3. Tsumarev, A.E. (2014) [On the improvement of marking special vocabulary in explanatory dictionaries]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Proceedings of the International Symposium. Moscow. 6–8 June 2014. Vol. 4. Moscow: Vest-Konsalting. pp. 255–273. (In Russian).

4. Shelov, S.D. (2014) [Interpretation of vocabulary of a terminological and professional character in philological explanatory dictionaries (a draft of recommendation)]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Proceedings of the International Symposium. Moscow. 6–8 June 2014. Vol. 4. Moscow: Vest-Konsalting. pp. 284–299. (In Russian).

5. Shelov, S.D. (2014) Terminological and professional words in an explanatory dictionary: problems of interpretation and definition. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova – Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 1. pp. 434–453. (In Russian).

6. Butseva, T.N. (2016) Segodnya i zavtra akademicheskoy neografii [Today and tomorrow of academic neography]. In: Butseva, T.N. (ed.) *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Neology and Neography: Current status and prospects]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 16–21.

7. Butseva, T.N. (2018) [Problems of modern academic neography in the aspect of the neological concept by N.Z. Kotelova]. *Vtorye Grigor'evskie chteniya. Neologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki* [Second Grigoryev Readings. Neology as a problem of linguistic poetics]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 14–16 March 2018. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik". pp. 14–16. (In Russian).

8. Nechaeva, I.V. (2018) [Foreign-language neo-lexicon in the Russian language in the aspect of its formal adaptation]. *Vtorye Grigor'evskie chteniya. Neologiya kak prob-*

lema lingvisticheskoy poetiki [Second Grigoryev readings. Neology as a problem of linguistic poetics]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 14–16 March 2018. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik". pp. 76–78. (In Russian).

9. Ratsiburskaya, L.V. (2014) Pragmaticheskie aspekty izucheniya novoobrazovaniy v SMI [Pragmatic aspects of the study of new formations in the media]. *Obshchestvo i chelovek – Society & Man*. 2 (8). pp. 108–114.

10. Komarova, Z.I. (2013) *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method, Technology and Technique of Research in Linguistics]. Moscow: [s.n.].

11. Golovin, B.N. & Kobrin, R.Yu. (1987) *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic Basis of the Study of Terms]. Moscow: Vysshaya shkola.

12. Nikitina, O.A. (2015) [Discursive indicators of neologisms (based on the German language)]. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Neology and Neography: Current status and prospects]. Abstracts of the International Conference. Saint Petersburg. 28–30 October 2015. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 80–81. (In Russian).

13. *Orfograficheskiy akademicheskiy resurs AKADEMOS*. [Spelling academic resource AKADEMOS]. [Online] Available from: http://orfo.ruslang.ru. (Accessed: 09.06.2019). (In Russian).

14. *Integrum*. [Online] Available from: http://www.integrumworld.com. (Accessed: 09.06.2019).

15. *Google Books*. [Online] Available from: https://books.google.ru. (Accessed: 06.06.2019). (In Russian).

16. *Yandeks Novosti* [Yandex News]. [Online] Available from: https://news.yandex.ru. (Accessed: 18.07.2019). (In Russian).

17. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 18.05.2019).

18. Baranova, L.A. (2009) *Slovar' abbreviatur inoyazychnogo proiskhozhdeniya* [Dictionary of Abbreviations of Foreign Origin]. Moscow: AST-Press.

19. Ratsiburskaya, L.V. (2015) Aktual'nye protsessy v slovoobrazovanii russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov [Actual processes in the word formation of Russian and other Slavic languages]. In: *Acta Polono-Ruthenica XX*. Olsztyn: University of Warmia and Mazury. pp. 237–246.

20. Krysin, L.P. (2010) On some new types of words in Russian: "centaur words". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 575–579. (In Russian).

21. Drugoveĭko-Dolzhanskaya, S. (n.d.) Slova-kentavry [Centaur Words]. *Gramma.ru*. [Online] Available from: http://gramma.ru/RUS/?id=1.6. (Accessed: 09.06.2019).

22. Marinova, E.V. (2008) *Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy usvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Words in Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Centuries: Problems of assimilation and functioning]. Moscow: Izdatel'stvo "Ellips".

23. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX v. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg: Folio-Press.

24. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2001) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Language Changes of the Late 20th Century]. Moscow: AST.

25. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21st Century. Relevant Vocabulary]. Moscow: Eksmo.

26. T.N. Butseva (ed.) (2009) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik. (Po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka)* [New Words and Meanings. Dictionary Handbook. (Based on materials from the press and literature of the 1990s)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.

27. T.N. Butseva (ed.) (2014) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik. (Po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka)* [New Words and Meanings. Dictionary Handbook. (Based on materials from the press and literature of the 1990s)]. Vol. 2.Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.

28. Efremov, V.A. (2014) Contemporary academic neography: problems and prospects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 14–21. (In Russian).

29. Butseva, T.N. (2012) New words and meanings. A reference dictionary of Russian media and fiction in the 1990s (on experience of compilation and editing). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 3 (8). pp. 242–263. (In Russian).

30. Koryakovtseva, E.I. (2009) Internatsional'noe vs. natsional'noe v slovoobrazovatel'noy sisteme: k postanovke voprosa [International vs. national in the word-formation system: to the formulation of the question]. *Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowiacskich*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej. pp. 179–200. (In Russian).

31. Kotelova, N.Z. & Sorokin, Yu.S. (eds) (1971) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh gg* [New words and meanings. Dictionary dictionary of the press and literature of the 1960s.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

32. Kotelova, N.Z. (1978) *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad: Nauka. pp. 5–28.

33. Kotelova, N.Z. (ed.) (1984) *Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy – 80* [New in Russian Vocabulary. Vocabulary materials – 80]. Moscow: Russkiy yazyk.

УДК 81’374:94(038)
DOI: 10.17223/22274200/17/2

А.П. Майоров

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Рассматривается проблема информативности иллюстраций в региональном историческом словаре как важнейшего способа подтверждения толкования значения регионализмов определенного типа – слов, заимствованных из автохтонных языков. Исследуется один из путей решения проблемы – применение источниковедческой и этимологической справок, выполняющих функцию верификации значения регионального слова, рассматриваются условия и особенности введения этих справок в словарную статью с учетом узуальной природы регионализма.
Ключевые слова: *иллюстрации, автохтонные заимствования, этимологизация, источниковедческая справка.*

Введение

В изучении истории русской лексикографии невозможно обойти вниманием важный этап ее развития: с 70-х гг. XX столетия наряду с известными фундаментальными историческими словарями русского языка стали издаваться региональные исторические словари, по замыслу составителей, ставящие целью представлять народно-разговорную лексику, ограниченную в своем функционировании территориально. Это такие лексикографические труды, как «Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв.» (сост. Н.А. Цомакион) [1], «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» (сост. Л.Г. Панин) [2], «Региональный исторический словарь второй половины XVII–XVIII вв.» (сост. Е.Н. Борисова) [3], «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» (сост. В.В. Палагина, Л.А. Захарова, Г.Н. Старикова) [4], «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в.» (сост. Е.Н. Полякова) [5], «Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.)» (сост. Г.А. Христосенко, Л.А. Любимова) [6], «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» (сост.

А.П. Майоров) [7]. С определенными оговорками к таким словарям можно отнести «Псковский областной словарь с историческими данными» (сост. А.С. Герд, О.С. Мжельская, Л.Я. Костючук и др.) [8]. Здесь же нельзя не упомянуть «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» [9], поскольку в его словник включается лексика живого русского языка, бытовавшая на территории различных регионов Московского государства (Пермского края, Сибири, Смоленщины), и в связи с этим словарь предоставляет ценную лингвогеографическую информацию, позволяющую идентифицировать региональный / общеупотребительный статус исторического слова.

Составление региональных исторических словарей – закономерный этап в развитии русской исторической лексикологии и лексикографии. Вопрос становления норм национального языка на обширном лингвистическом пространстве России трудно решать без представления о том, как проходил этот процесс в разных регионах, особенно на отдаленных окраинах российского государства. Лексика как наиболее динамичная подсистема языка, открытая для непосредственного воздействия экстралингвистических факторов, особенно связанных с социо- и этнокультурными контактами языка на территориях с полиэтническим населением, испытывает непрерывные изменения, и региональные словари призваны фиксировать те из них, которые с течением времени закрепились в исследуемых идиомах.

При всей неоспоримой актуальности введения в научный обиход подобных словарей, теоретической и практической значимости лексикографически представленного в них лексического материала, нельзя не заметить отражения в них извечных проблем лексикографии – проблем границ и объема словника, источниковедческой базы словарей дифференциального и полного типа, орфографической записи заглавного слова, низкой информативности иллюстративного материала и т.п. Для решения некоторых из этих проблем предлагается активное введение в практику составления региональных исторических словарей этимологической и источниковедческой справки.

Этимологическая характеристика толкуемого слова в словарной статье исторического словаря не дается. Исключение составляет определенная категория иноязычных слов, заимствование которых на том или ином этапе исторического развития языка бывает особенно интенсивным. Такое заимствование, как правило, связано со спецификой культурно-языковой ситуации, обусловливающей применение

иноязычных средств наименования новых реалий, которые усваиваются в результате активизирующихся социокультурных контактов. Так, в истории России можно вспомнить эпохи, ознаменованные теми событиями, которые были связаны с определенным влиянием иной культуры и влекли за собой существенные изменения в культурно-языковой ситуации России, проявлявшиеся, в частности, в активной рецепции иноязычных слов.

Например, Крещение Киевской Руси, реформы Петра Великого, всесторонняя демократизация сложившегося в СССР общественно-политического и экономического строя (перестройка) предопределили, соответственно, активное заимствование лексических единиц из греческого (византийского) языка в X–XI вв., западноевропейских языков (голландского, немецкого, французского и др.) в XVIII в., английского языка в XX–XXI вв. Всё это получает отражение в практике составления исторических словарей: так, в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» особо отмечается роль греческого материала и в словарной статье «для слов, заимствованных из греческого языка (в том числе усвоенных им гебраизмов) приводится соответствующее греческое слово: адамантъ […] с. Αδαμας, -ντος. *Алмаз* …; левитъ … λέβης, -τος. *Котел*» [10. С. 15]. Аналогичным образом в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» к заимствованным лексемам в круглых скобках может приводиться[1] предполагаемый этимон: БАВОЛНА, ж. *Вата, хлопок* (Ср. укр. бавовна, польск. bawełna) [11. Вып. 1. С. 67], РЫТЕРЪ, м. *Рыцарь* (ср. ср.-в.-нем. Ritter)… [Там же. Вып. 22. С. 277]. В Словаре русского языка XVIII в. выделяются многочисленные заимствования как результат «живых и тесных контактов с другими языками» в данный исторический период. Эти лексические новации, «проходящие стадию вхождения и освоения» в восемнадцатом столетии, сопровождаются в словаре сведениями из иноязычных источников: КРАН. Гол. kraan, нем. Krahn; КАВАЛЕРИЯ. Ит. cavalleria, через польск. kawaleryja, фр., нем. cavallerie [12. С. 133–135].

Наконец, в толковом словаре современного русского языка даются этимологии к иноязычным словам, вошедшим в русский язык не ранее XVII в. [13. С. 13]. Сегодня некоторые ученые подчеркивают актуальность выработки новой концепции этимологии, особенно важ-

[1] В данном историческом словаре большинство заимствованных слов этимологической справки не имеют, а принципы подачи этимологических сведений к определенным категориям слов во введении не оговариваются.

ной при описании новейшей заимствованной лексики, не устоявшейся в русском языке [14].

Этимологизация может выступать одним из видов верификации значения лексемы, поскольку «этимологические знания присутствуют в словарной статье и в случае необходимости моделируют трактовку лексикографом слов, в том числе слов современного языка и диалектов» [15. С. 144]. Особо подчеркивается и опора при семантическом описании на ведущий принцип историзма, – принцип, который предопределяет учет данных контекста иллюстраций и этимологических сведений по толкуемому слову, а также даются рекомендации по ссылке на справочную литературу, родственный диалектный материал, энциклопедические или исторические сведения и т.д., поскольку такая источниковедческая справка существенно обогащает лексикографическую информацию [16. С. 23–24].

В региональных исторических словарях лексикографически представляемый регионект отличают заимствованные из автохтонных языков слова, которые, будучи употребительными в разных регионах Российского государства, в условиях неизбежного лингвистического контактирования с русским языком «поставляли» в него наименования вновь осваиваемых культурных реалий. Помимо этого, известные слова, заимствованные в восемнадцатом столетии из западноевропейских языков, в регионекте могли преобразовываться в своеобразные фонетические, словообразовательные, лексико-семантические варианты, которые представляют эти лексемы порой в совершенно неузнаваемом виде.

Подобные заимствования, по нашему убеждению, следует сопровождать этимологической справкой, и главная цель статьи заключается в том, чтобы обосновать необходимость этимологизации той категории регионализмов, семантическое толкование которых неубедительно в силу скудной доказательной силы иллюстративного материала. В связи с этим, в статье доказывается также целесообразность обязательного сопровождения толкования значения регионального слова при малоинформативном иллюстративном материале ссылкой на источник, который способен подтвердить толкуемое значение слова.

Проблема информативности иллюстраций в региональном историческом словаре

Для иллюстраций (*языковых примеров*) в словаре обычно называют ряд функций, среди которых в целях нашего исследования следует

выделить две: это подтверждение наличия слова или значения в языке и разъяснение значения слова в контексте [17. С. 463]. Подтверждение иллюстративным материалом толкования значения слова входит в первоочередные задачи регионального исторического словаря. Как заметил Г.В. Судаков, «для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова» [18. С. 129]. Составители региональных исторических словарей в качестве главного, а порой единственного источника отбора лексики используют деловые тексты определенного исторического периода, созданные на территории исследуемого идиома. Памятники деловой письменности, выступающие в роли лексикографического источника, обладают одним существенным недостатком – им в большинстве случаев присуща малоинформативность иллюстративного материала, слабо аргументирующего словарную дефиницию[1].

В исторической лексикографии обычно прибегают к трем способам аргументации толкуемого значения: «1) при наличии какого-то иного источника (лексикографического труда, специального научного исследования), содержащего определенную характеристику семантики толкуемого слова, и отсутствии ее в иллюстративном материале может даваться ссылка на этот источник (ср., например, богатую систему ссылок в [6]); 2) если контекст не позволяет сделать достаточно полное и точное описание реалии, то используется общеродовая характеристика в толковании значения слова; 3) если контекст иллюстрации позволяет гипотетически вывести те или иные свойство обозначаемого денотата, но другими источниками они не подтверждаются, после толкования значения ставится знак вопроса» [19. С. 207–208]. На практике ссылка на тот или иной источник осуществляется редко.

Насколько важной является источниковедческая справка, свидетельствуют те немногие исторические словари, в которых ссылка на другие источники дается регулярно. Так, основным принципом «Словаря языка мангазейских памятников...» [1] и «Исторического словаря

[1] При всем жанровом разнообразии документации того или иного исторического периода для памятников деловой письменности в целом характерна определенная тематика лексикона делового языка, стилистическая однородность словаря, преимущественное функционирование дело- и судопроизводственной терминологии.

Восточного Забайкалья...» [6] является сопоставительный анализ с данными других лексикографических трудов (исторических и диалектных словарей). Такое сопоставление дает возможность «проследить историю слова в его хронологической последовательности, установить первоначальное значение слова и выявить семантические сдвиги в структуре исследуемых слов… определить лингвистический статус данных лексем в разные периоды исторического развития языка: являлось ли оно областным или общерусским, закрепилось ли в лексической системе литературного языка» [Там же. С. 9].

Например, в «Историческом словаре Восточного Забайкалья...» представлено слово *ендова* со следующими иллюстративными примерами:

> ЕНДОВА (ЯНДОВА), ж. *Медная посуда для пива, браги, меду в виде широкой чаши с носиком.* – Яндова медная луженая в ведро (214, 1702). – 1 пара обито на концах медью ендова красной меди (31, 1764) [6. С. 230].

Указанные в словарном определении денотатные свойства иллюстративным материалом не подтверждаются (функциональный признак – для пива, браги, меду, и признак характерной формы – с носиком, в приводимых контекстах никак не выявляются). Однако в словарной статье примеров, приведенных ниже, даются ссылки на авторитетные источники – «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (Сл. РЯ XI–XVII вв.), «Словарь русского языка XVIII в.» (Сл. XVIII в.), «Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля» (Сл. Д.), в которых отмечаемые семантические признаки у слова *ендова* фиксируются, и это компенсирует недостатки иллюстративных примеров в забайкальском словаре:

> Сл. РЯ XI–XVII вв.: **Ендова (яндова)**, ж. Ендова, большой широкий сосуд с открытым носиком; род братины. Яндова съ носкомъ серебряна бэла, по вэнцу рэзаны травы золочены, вэсу полъ 7 гривенки. Оп. им. Ив. Гр., 25.1583 г. (5, 51).
>
> Сл. XVIII в.: **Ендова (ян-)**, -ы, ж. Широкий сосуд для вина, меда; род братины. На сцэнэ появились фляжки и ендовы Сиб. М. II 47 (7, 78).
>
> Сл. Д.: **Ендова**, ж. широкий сосуд <без ъ – так в [6]> съ отливомъ или носкомъ, для разливки питей; мэдная посудина въ видэ чугуна с рыльцемъ (1, 59) [Там же. С. 230].

Примеры контекстов, плохо раскрывающих толкуемое значение регионализма, встречаются во всех без исключения региональных исторических словарях, и они в основном однотипны. Чаще всего неинформативность иллюстративных примеров обнаруживается у регионализмов, которые представляют собой элементы безэквивалентной лексики и в силу действия такой текстовой категории, как пресуппозиция, в контекстуальных условиях делового содержания своей функции не выполняют. Для пользователя они имеют больше прикладное значение – как свидетельство функционирования лексемы в данной идиоме в определенный исторический период:

> ЛИТЯК, м. *Поддельный дорогой камень, стекло, отлитое и отграненное под самоцветный камень*. – 30 дружков каменя сережнаго литяков – 16 алтын (Томск, 1624) [4. С. 117].
>
> ЧЕМИЧ… *Большая разливательная ложка*. – 6 чемичов железных (Тобол., 1625) [2. С. 170].

В приведенных примерах приписываемые слову *литяк* семантические признаки ‘поддельный’, ‘дорогой’, ‘отграненный’, а слову *чемич* – ‘большой’, ‘разливательный’, в иллюстративном материале не опознаются.

В историческом словаре при неудовлетворительных по информативности языковых примерах выделяются три группы регионализмов, в отношении разъяснения значений которых обнаруживается целесообразность и возможность применения источниковедческой справки, с одной стороны, и нецелесообразность и невозможность ее использования – с другой.

В первую группу входят региональные слова, значения которых полностью удостоверяются данными других лексикографических трудов, однако ожидаемых ссылок на них в словарной статье нет. Например, слово *кирень* с вариантами *керень, кирюн* в [5. Вып. 2. С. 152] толкуется как ‘ременная или из веревки петля из ремня для лазанья сборщика меда по деревьям’, и толкование данного значения иллюстрирует следующий контекст:

> Взяли два киреня с арканом… явилось аркан ременной… грабежем взяли 3 кереня… взяли кирюн две теслы бортевые <…> 1710.

Очевидно, что примеры подтверждают только факт бытования слова в пермском регионе начала восемнадцатого столетия, но не толкование значения слова.

В то же время в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля находим:

> КИРЕНЬ… Род сыромятнаго плетенаго пояса или просто веревки, которую бортевщикъ обноситъ наслаби вкругъ себя и дерева, для лаженья по голомени, по дереву [20. Т. 2. С. 109].

Похоже, эта информация послужила основой для дефиниции слова в указанном региональном словаре; в этом случае ссылка на авторитетный источник сняла бы возникающие вопросы.

Во вторую группу входят слова, толкование значений которых обнаруживает семантические расхождения со значениями тех же слов, представленных в других лексикографических исследованиях. Так, у слова *холуй* в [5. Вып. 6. С. 86] выделяются два значения: 1. Деревянные орудия, деревянные сооружения. 2. Место наноса половодьем на реке и на пойменном берегу веток, кустов. Если второе значение убедительно подтверждается данными русских народных говоров (ссылку на источники см. в [21. Т. IV. С. 259]), то первое значение в кругу значений с общей семой ‘хлам’ представляется уникальным. Проблема достоверности толкования первого значения осложняется иллюстративными примерами, неоднозначно характеризующими толкуемое значение:

> Досталась… сѣничишка старая и с холуем <…> 1644; Изба да клить наземная и со всем холуем дворовым <…> 1615. [5. Вып. 6. С. 86].

Источниковедческая справка здесь, ввиду семантических расхождений, будет нецелесообразна. Более востребованными в этом случае видятся этимологические сведения, которые помогут должным образом скорректировать толкование первого значения: слово *холуй* представляет собой прибалтийско-финское заимствование из источника типа фин., карел. *kalu* ‘вещь, предмет’ [22. С. 620]. Примечательно дополнение А.Е. Аникина о том, что коми *колуй* ‘вещи, принадлежности; инструмент, орудие’ является обратным заимствованием из русского, т.е. в русских говорах данного региона семантика заимствованного из финно-угорских языков слова развивалась дальше и в нем уже сформировалось то новое значение, которое было заимствовано языком коми. В свете этимологической справки можно констатировать,

что у многозначного слова *холуй* в пермском регионе XVII в. было известно значение ‘вещи, утварь, инструменты’, чему приведенные иллюстративные примеры уже не противоречат.

Наконец, третью группу составляют слова, толкование значений которых либо не находят подтверждения в других лексикографических трудах, либо имеют неполное по информативности подтверждение определяемого значения. В том же [5. Вып. 6. С. 12] слово *тастар* со значением ‘платок, который носили татарки и башкирки’ иллюстрируют следующие примеры:

> Явилось в избе в печи кафтан красного сукна яренгового два тастара по концам шито шелком <…> 1710.

Слово как ярко выраженный регионализм в фундаментальных лексикографических трудах не фиксируется, поэтому ссылка на какие-либо исторические и диалектные словари невозможна, но толкуемое значение подтверждается благодаря предварительной этимологизации[1], устанавливающей генетический прототип в виде башкирского слова *маҫтар* ‘платок с вышитым концом, повязанный в виде чалмы, к-рый носили пожилые женщины’ [23].

Примером неполного подтверждения является слово *клиба*, представленное в [3. С. 113] со значением ‘крученый березовый или еловый прут, употреблявшийся для связывания бревен, жердей и т.п.’:

---

[1] Как известно, целью этимологического анализа слова является «определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю» [17. С. 596]. В отличие от него предварительная этимологизация ставит задачу генетического отождествления рассматриваемого слова или его основы с другим словом или его основой как производящим без реконструкции первичной формы и исходного значения, а также без рассмотрения позднейших исторических изменений.

Предпринимая предварительную этимологизацию регионального слова, лексикограф – составитель регионального исторического словаря, имеет определенные преимущества в этом виде работы. В отличие от других лексикографов он располагает более широкими возможностями проверки данных, которые могут быть получены в результате непосредственного контакта с информантами – носителями регионлекта и автохтонного языка, из которого заимствованы слова, лучше ориентируется в этнографической, лингвокраеведческой литературе, способной предоставить необходимую информацию и т.п.

И мы сироты ваши те… лесные товары по ево велению не ослушалис дуб резали и щеглы из лесу тянули и жердье и сухои лес и кии и клибы и веревки и платы платили и изготовили и к Сурожу согнали. <…>. 1688 г.

Единственное однокоренное образование *клибинка* отмечается В.Н. Добровольским [24], и оно имеет значение ‘гибкий еловый прут’, которое лишь частично удостоверяет значение слова *клиба* в региональном историческом словаре.

Таким образом, реализация функции верификации значения у источниковедческой справки ограничивается фактором употребительности слова в письменных памятниках – чем употребительнее региональное слово, тем больше обозначается преимущество разнообразных контекстов, в которых значение слова может быть достоверно идентифицировано, тем больше шансов создать лексикографический портрет слова по данным разных исследований, лексикографических трудов. Однако когда мы говорим о той группе регионализмов (в основном автохтонных заимствованиях), у которых прослеживается большее территориальное ограничение в функционировании и они не представлены в каких-либо иных словарях, тогда источниковедческая справка – слабый помощник в подтверждении толкования значения слова, о чем красноречиво свидетельствуют слова третьей группы. В этом случае эффективен другой способ верификации значения регионального слова – этимологическая справка.

Функции этимологической справки в региональном историческом словаре

Анализ лексикографической разработки регионализмов в региональных исторических словарях показывает, что этимологическая справка востребована для выполнения ряда функций, существенно дополняющего лексико-семантическое описание толкуемого регионального слова, придавая словарной статье законченный вид.

Прежде всего, этимологической справке в историческом словаре присуща ***функция верификации значения регионализма***. Ее реализация в свою очередь варьируется в зависимости от узуальной природы региональных слов, подразделяемых на следующие разряды:

а) автохтонные заимствования, представленные в русском языке в нескольких фонетических вариантах;

б) автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона;

в) заимствования, фиксируемые в текстах однократно (слова-гапаксы).

Рассмотрим реализацию указанной функции в отношении выделенных категорий регионализмов.

а) ***Автохтонные заимствования, употребляющиеся в региональном варианте русского языка в нескольких фонетических вариантах*** – обычно наиболее распространенная группа новозаимствованных слов, еще не устоявшихся в принимающем языке и проходящих в нем период адаптации. Так, в забайкальском регионе XVIII в. для наименования двухлетнего бычка употреблялось слово, представленное в письменных памятниках в вариантах *качерик / качерык / качарык / качарик / кашарык / каширык*. Как уже было отмечено выше, главная трудность при семантизации заимствованного слова возникает из-за прагматической пресуппозиции как коммуникативного фактора словесной организации делового текста, и для данной категории слов она усугубляется наличием многообразных вариантов. В скорописных документах XVIII в., хранящихся в иркутском, читинском государственных архивах, Государственном архиве Республики Бурятия (ранее – Национальный архив Республики Бурятия), обнаруживается следующее употребление вариантов этого слова:

> – Бычков качерыков дватцат[ь] (ГАИО. Ф. 482, 1752)[1]. – Качариков бычков и телокъ дватцат[ь] девять (Там же. Ф. 121, 1755). – Вверхъ иркутской заимкэ рогатого скота коров, нетелей, быковъ и качериков и малых теленков девяносто одна (Там же). – Пал бычекъ качарикъ (НАРБ. Ф. 262, 1760). – Потерялись у него из рогатого скота две коровы с каширыками (Там же. Ф. 20, 1792). – 2^{x} коров с кашарыками (Там же).

Информативная бедность данных контекстов, используемых в качестве иллюстративных примеров в региональном историческом словаре, компенсируется за счет сведений по этимологии заимствованного слова:

[1] В круглых скобках здесь и далее после представленного языкового материала кратко указываются выходные данные архивных источников, в которых содержатся неопубликованные скорописные деловые бумаги XVIII в.

Связано с бур. хашараг *‘двухгодовалый телок, двухлетний бычок’* (БРС, 565). *“Трудность состоит в объяснении* -ч-. *Проще всего допустить, что* качарик *из тюрк. источника типа казах.* qačar *‘двухлетний теленок’ с прибавлением рус. суф.* -ик *при одновременной контаминации с формами с* -ш-, *т.е.* каширик *и др.* [22. С. 274].

В этом случае этимологическая справка попутно решает проблему выбора варианта в роли заглавного слова, на которое будет претендовать вариант, формально более близкий к этимону. Таким образом, разработанная в [7] словарная статья выглядит следующим образом:

КАШАРЫК (КАШИРЫК, КАЧАРИК, КАЧАРЫК, КАЧЕРИК, КАЧЕРЫК), -а, *м. Теленок по второму году.* < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации>.

Связано с бур. хашараг *‘двухгодовалый телок, двухлетний бычок’* (БРС, 565)… (Аникин 2000, 274) [7. С. 191–192].

б) ***Автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона.*** Региональное слово, реализующееся в редком, порой уникальном варианте общеупотребительного слова, может внести коррективы в интерпретацию его происхождения, подтвердить какую-то этимологическую версию, нуждавшуюся в достоверном материале. В тех же забайкальских скорописных памятниках деловой письменности XVIII в. встречается слово *засул* в контекстах:

– Такожде засулу указомъ повелено стоять при караулэ в близности а оной засул Шинаргей стоитъ в караулу в далномъ растаянии (ГАЧО. Ф. 10, 1747). – Просятъ о определени <*sic!*> их Ананду на место отца <…> в засулы (РГАДА. Ф. 1092, 1754).

Фонематическим вариантом слова в забайкальском регионе того времени являлось слово *ясаул*, о чем свидетельствуют те же тексты забайкальских деловых бумаг. В документе, где речь шла о засуле Шинаргее, далее написано: *а къ ясаулу Шинарге послан из Нерчинской канцелярии указъ* (ГАЧО. Ф. 10, 1747).

У вариантов *засул / ясаул* источником являются заимствованные в русский язык генетически близкие бурятские и среднемонгольские формы, которые имеют фонетические соответствия в виде звуковых корреспондентов ʒ – ǯ – j [22. С. 210]. Как раз форма *засул*, не фикси-

руемая историческими словарями, но представленная в забайкальских документах XVIII в., выступает генетически родственной формам *есаул / ясаул*.

Таким образом, во избежание экстраполяции понятийных признаков современного слова *есаул* на содержание толкуемого слова этимологическая характеристика генетически родственных лексем *засул, ясаул (есаул)* в региональном историческом словаре представляется обязательной, и их словарные статьи оформляются следующим образом:

> ЗАСУЛ, -а, *м. Должностное лицо в роду у монголов и бурят; старший помощник* шуленги. *То же, что* ясаул. – <Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации>.
>
> ▪ < *бур.* * ʒasūl=ʒahyул *уст. ‘есаул’, ср. ср.-монг.* ǯasaul~jasaul~ǯasavul, *п.-монг.* ǯasaul~jasaγul *‘командир фланга, помощник командира, уставщик’,* ǯasa- ~ jasa- *‘исправлять, поправлять, устраивать’* (Аникин 2000, 210) [7. С. 159].
>
> ЯСАУЛ (ЕСАУЛ), -а, *м. То же, что* засул. – <Далее иллюстративный материал, приведенный выше> [Там же. С. 535].
>
> ЕСАУЛ. *См*. ясаул [Там же. С. 135].

в) ***Заимствования, фиксируемые в текстах однократно (слова-гапаксы).*** Особенно востребованными этимологические сведения могут оказаться тогда, когда историческое слово встречается в письменных источниках один раз. Слово-гапакс в этом случае вызывает подозрение в том, что оно есть не что иное, как слово-фантом, возникшее в результате описки, ошибки пишущего, неверно прочитавшего в исходном документе незнакомое ему слово, элементарной безграмотности того, кто составлял текст, и т.д. В связи же с однократной фиксацией слова возникают сомнения в целесообразности отождествления его как самостоятельной лексической единицы исследуемого идиома и создания в словаре ее словарной статьи. Развеять эти сомнения способна этимологизация слова. Так, в забайкальских документах XVIII в. было обнаружено слово *назарет* (с вариантом *налазарет*):

> – И с челобыт[ь]и <*sic!*> и пошлины и в назареты взять по указу (ГАЧО. Ф. 10, 1748). – И с челобытья пошлыны <*sic!*> и в налазареты взять по указу и записать в приходъ (Там же).

Данная лексическая единица – гапакс: в исторических словарях русского языка (в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», «Словаре

русского языка XVIII века») она не отмечена. Очевидны ассоциации звукового облика слова с лексемой *лазарет*, однако совершенно неочевидны указания контекста на медицинское учреждение в качестве референта этого слова.

С учетом этимологической характеристики словарная статья данного слова принимает следующий вид:

> НАЗАРЕТ (НАЛАЗАРЕТ), -а, *м. Лазарет*. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации>.
>
> ▪ Франц. *lazaret* восходит к венец. *lazareto*, которое, как полагают, из **nazareto* (сначала госпиталь для чумных больных на острове di Santa Maria di Nazareto в Венеции во время эпидемии чумы в 1423). Изменение *n* > *l* в начале слова под влиянием *lazzaro, lazzarone* ‘нищий, босяк’ (Черных, 1, 463) [7. С. 248].

Примечателен тот факт, что реконструкция исходной формы слова **nazaret* являлась только гипотезой П.Я. Черных, поскольку не подтверждалась фактами употребления этой формы в каких-либо текстах (диалектных или письменных источниках), и данные забайкальского памятника выступают исключительно важным свидетельством не отмеченного ранее в письменных памятниках этапа исторической эволюции слова.

Можно предположить, что функционирование слова в региональном узусе в его первоначальной форме *назарет* повлекло затем ее архаизацию, в отличие от инновации *лазарет*, и консервацию этой формы в забайкальском регионе, что в принципе соответствует одному из положений ареальной лингвистики о том, что архаичные варианты слов сохраняются в зоне более поздней колонизации, каковой является территория Забайкалья. В результате слово *назарет* в значении ‘лазарет’ приобретает статус регионализма / диалектизма.

Помимо функции верификации значения слова у этимологической справки в региональном историческом словаре актуальна ***функция историко-генетической характеристики регионализма***. Она заключается в том, что:

а) раскрывает пути исторической эволюции слова, которая может проявляться употреблении незнакомого литературному языку варианта слова;

б) поясняет орфографическую запись слова, которая свидетельствует о консервации в регионе архаичного варианта данного слова;

в) уточняет хронологические рамки процесса заимствования.

Рассмотрим по порядку разновидности этой функции.

а) ***Характеристика путей исторической эволюции слова.*** Региональный вариант известного слова может поведать о неожиданном пути его заимствования. В забайкальских памятниках первой трети восемнадцатого столетия слова *герб, гербовый* употребляются в фонетических вариантах *ербъ, ербовой*[1], не отмечаемых ни в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», ни в «Словаре русского языка XVIII века»:

> – 10 дисти бумаги средняго ербу десть малаго ербу пят[ь] листов болшего ербу десть пищей бумаги бэз ербу (ГАЧО. Ф. 31, 1705). – Селетокъ кобылка голубая крылата на правой лопатке еръбъ (РГАДА. Ф. 1092, 1730). – В том ему Соколову и ярлык дан ербовой бумаги и за ербъ денга взята (ГАЧО. Ф. 10, 1736). – За бумагу ербову взято <…> (Там же).

Данный вариант свидетельствует в пользу устного пути заимствования: слово пришло из польского *herb* через украинское посредство *герб*, в котором заднеязычный *г* был фрикативным, а устно-разговорное, как правило, диалектное освоение слов со звонким заднеязычным перед гласным переднего ряда могло сопровождаться нулевой редукцией этого согласного: *генерал – енарал, герань – ерань*.

Не исключен иной путь заимствования. По мнению этимологов, польское *herb* было заимствовано из чешского [26. Т. 1. С. 186], а в чешском языке это воспринятое в свою очередь из немецкого языка слово звучит не иначе, как *erb*[2] с производным прилагательным *erbovy*. В связи с регионализмами *ербъ, ербовой* можно предположить

---

[1] В деловой письменности XVIII в. в отличие от книжно-литературных текстов сохраняется норма употребления формы прилагательных Им. п. муж. р. ед. ч. на *-ой/-ей* (независимо от ударения на основе или оконачании).

[2] М. Фасмер в словарной статье слова *герб*, в отличие от П.Я. Черных, приводит чешское *herb* [21. Т. I. С. 402]. Если это не описка ученого, то следовало бы ожидать каких-то комментариев появления такой огласовки на определенной стадии исторического развития древнечешского языка. Появление варианта *herb*, наряду с *erb*, возможно, было связано с характерным для чешского языка гортанным взрывом в начале слова перед гласными и постепенным формированием звонкого глоттального спиранта *h* в начале слова *erb*, заимствованного из немецкого.

рецепцию данной формы, которая отражает непосредственное влияние чешского языка, исключающее польско-украинское посредство.

Таким образом, предполагается следующая словарная статья исторического слова с этимологической справкой[1]:

> ЕРБ, -у, *м. Изображение государственного герба*. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации>.
>
> Заимств. при украинско-белорусском посредстве из польск. *herb*, в польском – из чеш. *herb/erb*, которое в свою очередь из ср.-в.-н. *erbe* «наследство» [21. Т. I. С. 402; 25. Т. 1. С. 186]. Региональные варианты слова *герб* указывают на два возможных пути заимствования: .(1) из польск. *herb*, устно-разговорная адаптация которого на русской почве привела к тому, что звонкий глоттальный спирант *h* в начале слова подвергся нулевой редукции; (2) из чеш. *erb*, исключая украинско-белорусское посредство. Начальное *h* развилось в древнечешском, в результате чего образовались два варианта произношения слова: *herb/erb*.
>
> ЕРБОВОЙ, -ая, -ое. *Отнсщ. к* ербу. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации >.

б) ***Пояснение орфографической записи слова как свидетельства консервации в региолекте архаичного варианта регионализма.*** В письменных памятниках нередки случаи орфографической записи слов, которая отклоняется от ставшего впоследствии нормативным орфографического облика слова и в региолекте XVIII в. представляет собой либо вариант его более распространенного правописания, либо является единственно возможным написанием. В частности, это написания с гласной буквой под ударением, обозначавшей этимологический гласный звук (*банкрут, спехивать*), с безударными гласными буквами, обозначающими исконные, этимологические гласные звуки (*коурый, кропива*, *зород, мезинец*), с согласными буквами, обозначающими этимологические согласные звуки (*матроз*), написания, с точки зрения современного восприятия исторического слова передающие либо «утрату», либо «вставку» какого-либо звука (*комплет, гварнизон*).

---

[1] В словаре [7. С. 135] слово *ербъ* с прилагательным *ербовой* представлены без этимологической справки.

Как уже отмечено выше, многие из этих архаичных написаний могли употребляться наряду с вариантами, впоследствии ставшими орфографической нормой современного русского языка: *кропива – крапива, зород – зарод, комплет – комплект, гварнизон – гарнизон*. В региональном историческом словаре необходимо последовательно придерживаться принципа историзма и орфографическую подачу заглавного слова ориентировать на исконное написание, в обоснование чего сопровождать слово этимологической справкой, которая также будет служить средством демонстрации исторических изменений слова в плане выражения.

Например, в [7. С. 209] слово *каурый* представлено в следующем виде:

> КОУРОЙ (КОВУРОЙ), -ая, -ое. *Светло-каштановый, каурый (о масти домашних животных)*. – Конь коурой грива стрижена (РГАДА. Ф. 1069, 1725). – *<Телка>* ковурая рога калачем (ГАИО. Ф. 282, 1728). – Кон[ь] коурой крылатой ноздри пороты (НАРБ. Ф. 262, 1760). – Не явилось кобылы шерсти коурой (Там же. Ф. 88, 1792).

Вместе с тем этимологическая справка дала бы необходимые сведения, которые разъясняют причину написания слова с буквой «о» в корне на протяжении всего восемнадцатого столетия:

> *Из тюрк.; ср. казах., чагат.* koŋur ‘*саврасый, буланый*’… *сев.-тюрк*. kovur ‘*карий*’ [21. Т. II. С. 211].

Следует заметить, что написание слова с буквой «о» поддерживалось также окающим произношением в забайкальском регионе, которому в XVIII в. акающий вариант *каурый* был еще неизвестен.

в) ***Уточнение хронологических рамок процесса заимствования***. Этимологическая справка, помимо собственных сведений по происхождению слова, позволяет уточнить время появления на русской почве новозаимствованного слова, функционирование которого в региональном узусе деловой письменности предопределяло консервацию его первичной звуковой формы, отражаемой в орфографической записи.

Региональные варианты новозаимствованных слов могут отличаться большей формальной (фонетической) близостью к этимону в связи со сравнительно небольшим промежутком времени, прошед-

шим с момента рецепции иноязычного слова. Об этом, например, свидетельствует история заимствования слова *канифоль*, которое в забайкальских памятниках XVIII в. представлено в форме *калафония*:

> – Пять фунтов антимонии одиннатцать скипидару три фунта калафонии (10, 1710) [6. С. 18].

В русском литературном языке XVIII в. первые фиксации слова относятся к 1719–1724 [26. Вып. 9. С. 233]. Слово в историческом словаре дано уже в тех вариантах, которые отражают формальные изменения, произошедшие на русской почве: *канифоль, колофонь* и *калифонь* [Там же]. Материалы регионального «Исторического словаря Восточного Забайкалья» предоставляют редкую форму, практически непосредственно восходящую к этимону: *калафония* – ср. лат. *colophōnia* [21. Т. 1. С. 180]. Не случайна в связи с этим отмечаемая в нерчинских источниках XVIII в. более ранняя фиксация слова – 1710 г., она и объясняет меньшую изменчивость формы, в отличие от более поздних форм типа *калифонь, канифоль*, прошедших определенные этапы адаптации.

В этом случае функция этимологической справки в словарной статье и будет состоять в подтверждении максимальной близости словарного слова к слову-этимону, передающей новую информацию о времени заимствования:

> КАЛАФОНИЯ, -и, *ж. Канифоль*. – <Далее иллюстративный материал, приведенный выше из [6. С. 18]>.
>
> ▪ Восходит к лат. *colophōnia* (*rēsīna*) «колофонская смола» по имени греческого (ионического) города в Малой Азии Колофон Κολοφών (Черных, I, 374). [7. С. 185].

Заключение

В свое время Л.В. Щерба подчеркивал, что в историческом словаре («научном словаре мертвого языка») проблема установления статуса отдельного значения слова должна решаться за счет «исчерпывающего обилия цитат» [27. С. 285], и это по умолчанию означает, что формулировку того или иного значения обязаны подтверждать многочисленные примеры, содержащие разнообразные контексты. Составители исторических словарей поступают прямо

противоположным образом: практически во всех словарях оговаривается использование минимального количества (от одного до четырех) примеров и совсем редко упоминается их функция подтверждения дефиниции слова (см, например, в [4. С. 8; 5. С. 9; 6. С. 8–9]). Таким образом, вопрос об информативности иллюстраций в региональном историческом словаре продолжает относиться к числу скрытых проблем исторической лексикографии. Типичным в словаре является такое построение словарной статьи, при котором семантическое содержание дефиниции в иллюстративных примерах не раскрывается. Связано это с тем, что составители региональных исторических словарей используют определения значений слов, данные в других словарях, и эти определения содержат семантическую характеристику, не подтверждаемую иллюстративным материалом письменных источников данного региона. Отсутствие ссылки, которая объясняла бы толкование значения, формулируемое нередко с подробным перечислением семантических признаков, вызывает вопросы по поводу несоответствия такого толкования бедному содержанию иллюстраций.

Сопоставительный анализ лексикографических трудов показал, что существуют разные категории регионализмов, в отношении которых применима источниковедческая справка как способ верификации толкуемого значения. Если говорить о широко употребительной группе регионализмов, лексико-семантическое описание которых разрабатывалось в ряде лексикографических исследований и в региональном историческом словаре, их дефиниция аналогична какому-то другому определению, то снабжение словарной статьи источниковедческой справкой дает возможность читателю удостовериться в силе аргументации толкуемого значения, увидеть ареал распространения данного слова, хронологические рамки его бытования и пр. В то же время выделяется разряд регионализмов, в отношении которых подобная ссылка невозможна в силу того, что ограниченность круга употребления регионального слова исключительно в локальных скорописных документах предопределяет отсутствие его разработки в различных лексикографических трудах. В этом случае эффективен другой способ верификации значения регионального слова – этимологическая справка.

Реализация этой функции будет варьироваться в зависимости от характера регионализмов, которые подразделяются: а) на автохтонные заимствования, представленные в русском языке в нескольких

фонетических вариантах; б) автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона; в) заимствования, фиксируемые в текстах однократно (слова-гапаксы).

Этимологическая справка в региональном историческом словаре выполняет также функцию историко-генетической характеристики регионализма. Она предоставляет разнообразные дополнительные сведения: раскрывает пути исторической эволюции слова, которая может проявляться употреблении незнакомого литературному языку варианта слова; поясняет орфографическую запись слова, которая свидетельствует о консервации в региолекте архаичного варианта данного слова; уточняет хронологические рамки процесса заимствования этого слова.

Таким образом, опыт составления региональных исторических словарей обнаруживает целесообразность применения источниковедческой и этимологической справок, позволяющих решать проблемы объема и низкой информативности иллюстративного материала.

Сокращения

БРС – Бурятско-русский словарь.
ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
ГАЧО – Государственный архив Читинской области.
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Литература

1. *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск : [б. и.], 1971. 581 с.

2. *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск : Наука, 1991. 181 с.

3. *Борисова Е.Н. и др.* Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (По памятникам письменности Смоленского края). Смоленск, 2000. 368 с.

4. *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 336 с.

5. *Словарь* пермских памятников XVI – начала XVIII века / сост. Е.Н. Полякова. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001. Вып. 1–6.

6. *Исторический* словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / авт.-сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Чита, 2003. Т. I. 350 с.

7. *Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М. : Азбуковник, 2011. 584 с.

8. *Псковский* областной словарь с историческими данными. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967.

9. *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Наука, 2004.

10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1. 526 с.

11. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. СПб. : Наука, 1975. Вып. 1.

12. *Словарь* русского языка XVIII века. Проект. Л. : Наука, 1977. 164 с.

13. *Словарь* русского языка в четырех томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1.

14. *Сергеев М.Л., Фивейская Е.А.* Использование сведений об этимологии слова при лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики) // Русский язык: Исторические судьбы и современность. VI Международный Конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет 20–23 марта 2019 г. : тр. и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, О.В. Кукушкиной. М., 2019. С. 225.

15. *Куркина Л.В.* Этимология в практике составления диалектных словарей // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы Междунар. конф. (26–28 октября 2018 г.). М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 144–146.

16. *Генералова Е.В.* Принципы и приемы лексикографического описания лексико-семантической системы народно-разговорного русского языка XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 19–32.

17. *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

18. *Судаков Г.В.* Иллюстрации в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всероссийской академической школы-семинара. СПб. : Наука, 2005. С. 129–136.

19. *Майоров А.П.* Иллюстрирование и толкование лексического значения слова в региональном историческом словаре // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 206–218.

20. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1989. Т. 2.

21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: Прогресс, 1987.

22. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.

23. *Башкирско-русский* словарь / под ред. З.Г. Ураксина. 1996. URL: http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus (дата обращения: 30.05.2019).

24. *Смоленскій* областной словарь / сост. В.Н. Добровольский. Смоленскъ : Типографія П.А. Силина, 1914. URL: https://cloud.mail.ru/public/5CU9/DhkfUKqAq (дата обращения: 10.05.2019).

25. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2001. Т. 1. 624 с.

26. *Словарь* русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. 270 с.

27. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1974. С. 256–306.

Source Study and Etymological Information in a Regional Historical Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 26–50.
DOI: 10.17223/22274200/17/2

Alexander P. Mayorov, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: map1955@mail.ru

Keywords: information content of illustrations, regional historical dictionary, autochthonous borrowings, etymology, source information.

The article poses the problem of the informative value of illustrative examples in a regional historical dictionary as the most important way of confirming the interpretation of the meaning of a certain type of regionalisms—words borrowed from indigenous languages and regional variants of newly borrowed European words. In historical lexicography, this problem has not been theoretically developed; however, in practice, historical dictionaries of various types sporadically give source study and etymological information. Still, in the latter case, the principles of their presentation are either not specified at all, or their wording is purely applied and pragmatic. Thus, this problem exists latently. The essence of the problem analyzed on the material of ten historical dictionaries, including eight regional ones, is that the main source for a regional historical dictionary is monuments of business writing, which provide valuable lexical material mainly in similar contexts that cannot substantiate a dictionary definition. A regular reference to an authoritative source in which the word is developed lexicographically flawlessly is one of the solutions to the problem. However, for certain regionalisms such a reference is impossible: they are used exclusively in local short-writing documents and thus are not analyzed in various lexicographical works. In this case, another way to verify the meaning of a regional word is efficient—via etymological information. The article considers two functions of etymological information in a regional historical dictionary: the function of verifying the significance of a regionalism and the function of the historical and genetic description of a regionalism. For this purpose, material from the *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia* was used, for it presents the experience of including etymological information on regional borrowings in dictionary entries. The peculiarities of the implementation of the first function are due to the usual nature of regionalisms, which are represented in business texts in their phonetic variants as a result of the early stage of adapting autochthonous borrowings in the Russian language in variants of etymon or hapax words. In such cases, etymological information in a dictionary entry is of great value: the variation of a borrowed word or its one-time fixation, on the one hand, and

pragmatic presupposition as a communicative factor in the verbal organization of a business text and the cause of poorly informative language examples, on the other, predetermine the weak validity of the definition and raise questions to the content of the entry. The second function is realized when etymological information: (a) reveals the historical evolution of the word, which may manifest itself in the use of a variant of the word, which is unknown to the standard language; (b) explains the spelling of the word, which indicates the conservation of the archaic version of the word in the regional dialect; (c) clarifies the chronological framework of the borrowing process. This additional information allows observing the principle of historicism more strictly, it significantly enriches dictionary entries of a regional historical dictionary.

References

1. Tsomakion, N.A. (1971) *Slovar' yazyka mangazeyskikh pamyatnikov XVII – pervoy poloviny XVIII vekov* [Dictionary of the Language of the Mangazeya Monuments of the 17th – the First Half of the 18th Centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.

2. Panin, L.G. (1991) *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of Russian Dialect in Siberia in the 17th – the First Half of the 18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.

3. Borisova, E.N. et al. (2000) *Regional'nyy istoricheskiy slovar' vtoroy poloviny XVI—XVIII vv. (Po pamyatnikam pis'mennosti Smol. kraya)* [Regional Historical Dictionary of the Second Half of the 16th–18th Centuries (According to the ancient manuscripts of Smolensk Region)]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.

4. Palagina, V.V. & Zakharova, L.A. (eds) (2002) *Slovar' narodno-razgovornoy rechi g. Tomska XVII – nachala XVIII veka* [Dictionary of Colloquial Speech of Tomsk in the 17th – Early 18th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Polyakova, E.N. (ed.) (1993–2001) *Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of Perm Monuments of Writing of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Vols 1–6. Perm: Perm State University.

6. Khristosenko, G.A. & Lyubimova, L.M. (eds) (2003) *Istoricheskiy slovar' Vostochnogo Zabaykal'ya (po materialam nerchinskikh delovykh dokumentov XVII–XVIII vv.)* [Historical Dictionary of East Transbaikalia (based on materials of Nerchinsk business documents of the 17th–18th centuries)]. Vol. I. Chita: Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University.

7. Mayorov, A.P. (2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaykal'e* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik".

8. Larin, B.A. et al. (eds) (1967) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

9. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI-XVII vekov* [Dictionary of Everyday Russian Language of Moscow Russia of 16th–17th Centuries]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.

10. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th centuries)]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

11. Bogatova, G.A. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.

12. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the 18th century. A Project]. Leningrad: Nauka.

13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

14. Sergeev, M.L. & Fiveyskaya, E.A. (2019) [The use of etymology in the lexicographical description (on the recent borrowings in Russian)]. *Russkiy yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Its Historical Destiny and Present State]. Proceedings of the VI International Conference. Moscow. 20–23 March 2019. Moscow: Moscow State University. (In Russian).

15. Kurkina, L.V. (2018) [Etymology in the practice of compiling dialect dictionaries]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26–28 October 2018. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. pp. 144–146. (In Russian).

16. Generalova, E.V. (2015) Principles and methods of lexicographic presentation of the lexicosemantic system of colloquial Russian of the 16th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 19-32. (In Russian). DOI 10.17223/19986645/36/2

17. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

18. Sudakov, G.V. (2005) [Illustrations in the historical dictionary]. *Aktual'nye voprosy istoricheskoy leksikografii i leksikologii* [Actual Questions of Historical Lexicography and Lexicology]. Proceedings of the All-Russian Seminar. Saint Petersburg. 19–21 October 2005. Saint Petersburg: Nauka. pp. 129-136. (In Russian).

19. Mayorov, A.P. (2009) Illyustrirovanie i tolkovanie leksicheskogo znacheniya slova v regional'nom istoricheskom slovare [Illustrating and interpreting the lexical meaning of a word in a regional historical dictionary]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 2 (18). pp. 206-218.

20. Dal', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

21. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. Vols 1–4. Moscow: Progress.

22. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Derivations from the Ural, Altai and Paleo-Asian languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.

23. Uraksin, Z.G. (ed.) (1996) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. [Online] Available from: http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus. (Accessed: 30.05.2019). (In Russian).

24. Dobrovol'skiy, V.N. (ed.) (1914) *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk regional dictionary]. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina. [Online] Available from: https://cloud.mail.ru/public/5CU9/DhkfUKqAq. (Accessed: 10.05.2019).

25. Chernykh, P.Ya. (2001) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vol. 9. Saint Petersburg: Nauka.

27. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka. pp. 256–306.

УДК 81’374
DOI: 10.17223/22274200/17/3

Т.Ю. Передриенко, Е.С. Баландина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ОБЩЕСТВО» И «SOCIETY» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Описана репрезентация концептов в лексикографическом дискурсе, который представляет собой вариант научного текста, содержащий семантическую и прагматическую информацию, а также обладающий когнитивными свойствами. На основании анализа словарных статей авторы моделируют полную структуру концептов «общество» и «society». Особое внимание уделяется сопоставительному анализу репрезентаций данных ментальных сущностей с целью выявления сходств и различий в российской и британской концептуальных картинах мира.
Ключевые слова: *лексикографический дискурс, словарная статья, концепт, моделирование, общество.*

Для современной лингвистической науки остается актуальным изучение систем концептов, которые формируются в каждой культуре и отражают восприятие реальности отдельным человеком и обществом в целом. Концепты вербализуются в языке и потому язык можно рассматривать как ключ к интерпретации человеческого мышления.

В научной литературе встречается разное понимание термина «концепт», что объясняется его присутствием в понятийных аппаратах целого ряда наук, в том числе нескольких направлений лингвистики. Интегративное понимание концепта предлагают учёные Волгоградской лингвистической школы: «Концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [1. С. 75]. Таким образом, концепт рождается в сознании человека, детерминируется культурой и репрезентируется при помощи языка, который и выражает особенности видения мира конкретным человеком или обществом в целом.

Язык становится инструментом, который помогает передавать содержание концептов не только от человека к человеку, но и от поколения к поколению. Например, В.А. Маслова отмечает, что язык позволяет проникать не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Культура народа репрезентируется через концепты в его языке, который специ-

фичен и уникален, поскольку по-разному вербализует в себе мир и человека в нем [2. С. 3].

Концепт формируется вокруг некоего понятия (ядра). Затем в результате развития у него постепенно появляются новые концептуальные признаки и значения. Учёные-филологи неоднократно отмечали, что в структуре концепта есть ядерная и периферийная зоны. Например, Л.Г. Бабенко пишет, что «концепты – это многокомпонентные поля знаний, представлений, ассоциаций, имеющих ядро и периферию», где универсальные знания занимают ядерную часть [3. С. 81; 4. С. 106], а В.А. Маслова полагает, что структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого находится основное содержание (ядро), а на периферии располагается всё то, что привнесено национальной культурой и личным опытом [5. С. 42].

Концепты, выраженные при помощи языка, фиксируются и систематизируются в различных словарях в тот момент, когда появляется потребность в описании и когда для этого есть подходящие языковые средства. Последующее изучение словарных статей позволяет получать сведения об этимологии, семантике, фонетических, стилистических и грамматических особенностях единиц, представленных в словарях и многом другом.

Обращение к анализу словарных статей также позволяет извлечь культурологическую информацию о концептах. По мнению Ю.Д. Апресяна, «отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры в широком смысле слова» [6. С. 108]. Именно поэтому видится возможным на основании анализа вербализации концептов в лексикографическом дискурсе смоделировать их полную структуру.

Одним из первых исследователей, кто высказал мысль о том, что словарная статья может быть рассмотрена учеными не только как некий текст, но и как особый вид дискурса, отражающий знания, связанные с особенностями восприятия мира носителями языка, был П. Бенсон [7]. Данная идея получила широкое распространение в других работах [8, 9] и оформилась в новое направление в зарубежной лингвистике – Critical Lexicographic Discourse Study [9].

Исследованием лексикографического дискурса в отечественной лингвистике занимаются А.Л. Голованевский, М.В. Резунова, Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.М. Плотникова [10–13].

Данное понятие трактуется учеными следующим образом:

– как вариант научного текста, определяемый лексикографическим жанром [10. С. 9];

– металингвистический текст, несущий семантическую и прагматическую информацию, минимальной единицей которого является словарная статья [11. С. 191];

– особый «тип коммуникативного взаимодействия, в котором в целях максимального объяснительного эффекта отображаются значения слов как «кванты знаний» о мире и который реализуется в ряде устойчивых жанровых форм [13. С. 22].

Таким образом, лексикографический дискурс представляет собой вариант научного текста, содержащий семантическую и прагматическую информацию, а также обладающий когнитивными свойствами.

А.М. Плотникова отмечает, что современный лексикографический дискурс возможно рассматривать в социокультурном, когнитивном и коммуникативно-прагматическом аспектах [13. С. 22]. Мы полагаем, что в этих же аспектах можно рассмотреть вербализованные в лексикографическом дискурсе концепты.

Каждый народ проходит свой путь, который обусловлен историческими, культурными и экономическими особенностями. В результате этого представители разных культур по-своему концептуализируют действительность и репрезентируют ее в своем языке. Сопоставительный анализ признаков концептов разных культур помогает определить и охарактеризовать их сходства и различия для лучшего понимания их места в мировой культуре и для устранения коммуникативных конфликтов между представителями разных народов.

Для анализа в данной статье были выбраны концепты «общество» и «society». Обращение к исследованию данных концептов было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, они являются ключевыми концептами, определяющими существование человечества. Люди не существуют по одному, они объединяются в группы с учетом общих целей, интересов и ценностей. С другой стороны, в этих концептах заключается сложная понятийная составляющая, обращенная к разным сферам бытия. Кроме того, изучение данных концептов актуально с точки зрения антропоцентричности научной парадигмы.

Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе рассматривается в синхронном и диахронном плане. В работе используются такие методы, как историко-этимологический

анализ, дефиниционный анализ, анализ данных ассоциативного эксперимента, концептуальный анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Для изучения истории формирования концепта используется историко-этимологический анализ, нацеленный на определение происхождения имени концепта и выявление его первоначальных значений.

Для исследования концепта в синхронии применяется дефиниционный анализ словарных статей, характеризующих имя концепта. Данный анализ позволяет установить систему его релевантных признаков. Признаки, представленные в большем количестве словарей, наиболее устойчивы, проверены временем, известны основной массе представителей изучаемой лингвокультуры, а значит, они формируют ядро концепта.

Однако лексикографический дискурс дает возможность не только верифицировать наиболее актуальные признаки ядра, но и определить периферийные признаки концепта. Анализ данных Русского ассоциативного словаря [14] и словаря The Associative Thesaurus of English [15] позволяет выявить глубинные, подсознательные, ассоциативные связи слов, вербализующих концепты. А через анализ данных связей возможно определить ценностно-оценочные элементы содержания концепта.

Использование метода концептуального анализа позволяет через исследование сочетаемости имени концепта и изучение эксплицитно и имплицитно представленной информации о концепте в лексикографическом дискурсе смоделировать его полную структуру. Под концептуальным анализом мы вслед за Н.С. Болотновой понимаем метод моделирования концепта на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и изучение концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности [16. С. 464].

Сравнительно-сопоставительный метод дает возможность выявить и подробно описать общие и отличительные признаки концептов «общество» и «society», т.е. определить их социокультурные компоненты.

Изучение этимологии имени концепта «общество» показывает, что данное слово было образовано как калька с греческого *koinonia* – «общность» от *koinos* – «общий» [17, 18]. Этимология имени концепта четко согласуется с пониманием общества в истории философии –

«совокупность человеческих индивидов, объединяющихся для удовлетворения социальных инстинктов (Аристотель)» [19. С. 451]. Философская трактовка позволяет уточнить, что общество является развитой формой общины, первичной формой социальной организации, возникшей на основе природных, кровнородственных связей [19. С. 452]. Итак, первичным признаком концепта «общество» можно считать *объединение на основе кровнородственных связей.*

Анализ словарных дефиниций имени концепта «общество» показывает, что профилирующими дефинициями являются «совокупность людей, объединённых общими для них конкретно-историческими совместными условиями жизни» и «круг людей, объединённых общностью происхождения» (7 словарей из 9). Лексические единицы *происхождение* и *исторический* указывают на долгий период существования концепта «общество», а словосочетания *общность происхождения* и *объединение совместными условиями жизни* также вербализуют первичный признак – *объединение на основе кровнородственных связей* [19–25].

На втором месте по популярности дефиниция «группа людей, проводящих вместе время; компания» (5 словарей из 9), вербализующая признак *объединение для совместного времяпровождения* [20–24]. Дефиниция «объединение людей, ставящих себе какие-либо общие цели, организация» (4 словаря из 9) актуализирует признак – *объединение с определенной целью* [20–23]. Еще один признак концепта «общество» вербализуется в толковых словарях через подбор синонимов – *окружение, среда*, называющих круг людей, постоянно располагающихся рядом с индивидом. Отличие данного признака от предыдущих состоит в том, что *окружение* человек выбирает не только сам, но и различные жизненные ситуации могут влиять на его выбор.

Признак, который реже всего актуализируется в лексикографическом дискурсе, выявляется через дефиниции «в дворянской среде: узкий круг избранных людей» и «сословное объединение (дореволюционное)» [20, 26]. Признак, вербализуемый лексическими единицами *дворянский, сословный, избранный*, мы обозначим как *сословное объединение*. Данный признак является наименее популярным и реже всего актуализируемым в словарных дефинициях в связи с историческими и социальными изменениями в обществе.

Определим весь ряд языковых выражений концепта «общество», что позволит нам установить его развитие в российской лингвокуль-

туре. В словаре синонимов русского языка З.Е. Александровой синонимический ряд достаточно ограничен: *социум (книжн.), (высший) свет (устар.), объединение, компания, среда* [27]. Идентичный синонимический ряд дан и в словаре А.Ю. Мудровой: *(высший) свет (устар.), объединение, компания, среда* [28]. Представленные синонимы называют объединенных в группы людей и вербализуют признаки – сословное объединение ((высший) свет), объединение для совместного времяпровождения (объединение, компания) и окружение (социум, среда). Интересен тот факт, что признак *сословное объединение*, реже всего актуализируемый в толковых словарях, вербализуется во всех рассмотренных нами словарях синонимов. Это позволяет сделать вывод о том, что данный признак входит в ядро концепта, а не является периферийным.

В словаре А.С. Гавриловой количество синонимов имени концепта «общество» вырастает до 36: *социум, свет, община, сообщество, артель, ассоциация, банда, братство, братия, ватага, группа, землячество, каста, клика, коалиция, конгломерат, корпорация, кружок, кучка, лагерь, лига, мир, партия, плеяда, секта, совет, собрание, союз, сфера, товарищество, компания, федерация, цех, шайка, команда, школа* [29]. Большое количество лексических единиц, называющих концепт, свидетельствует о его значимости для представителей изучаемой лингвокультуры. В ряду синонимов представлены архаизмы, жаргонизмы, религиозная и книжная лексика и др. Данные синонимы показывают, что общества существовали в разные временные периоды (например, *община* – в старину: самоуправляющаяся организация жителей какой-нибудь территориальной единицы; *цех* – сословное объединение ремесленников в Западной Европе в эпоху феодализма) и что общность и единение есть во всех сферах бытия человека (например, *землячество* – объединение уроженцев одной местности, страны в другой местности, стране; *корпорация* – объединённая группа, круг лиц одной профессии; *братство* – религиозная община и др.) [20]. Мы полагаем, что данные синонимы также вербализуют все вышеуказанные признаки.

Однако в данном синонимическом ряду выделяются лексические единицы с отрицательной коннотацией, о чем свидетельствует наличие в дефинициях слов следующих атрибутивных компонентов: *разбойный, неблаговидный, преступный и предосудительный*. Например, *банда* – разбойная преступная группа; *клика* – группа, сообщество

людей, занимающихся чем-нибудь неблаговидным; *шайка* – группа людей, объединившихся для какой-нибудь преступной, предосудительной деятельности [20]. Эти синонимы имени концепта «общество» вербализуют еще один признак концепта – *объединение для неблаговидной (преступной) деятельности*.

На следующем этапе исследования обратимся к данным полифункциональной веб-системы Русского ассоциативного словаря. Она представляет собой информационно-поисковую систему, которая позволяет задавать запросы и получать выборки по различным характеристикам, зафиксированным в анкетах респондентов: пол, возраст, специальность, место проживания [30. С. 194].

Статистика по общему запросу «общество» показывает, что на данный стимул было получено: всего реакций 102, различных реакций 70, одиночных реакций 53, отказов 2.

Словарная статья «общество» включает в себя следующий набор ассоциаций: *люди* (10), *дураков* (4), *высшее, идиотов, людей, светское, трезвости* (3), *гнилое, друзей, коллектив, много людей, народ, равных, слепых, социалистическое, стадо* (2), *акционерное, алкоголиков, бедное, безразличие, глухота, голубых, деловое, друга, друзья, дураки, занудство, здорового образа жизни, и грусть, и семья, инвалидов, интересное, история, книголюбов, левое, личность, много бестолковых людей, наука, наше, ничтожество, нумизматов, ограниченность, организация, осудит, память, переполненный троллейбус, распад, свобода, сила, скучно, слепой, советский, советское, совокупность людей, социализма, спасение, студентов, существо, толпа, трезвенников, ужасное, хай-фай, хорошее, человеческое, член, шумное* (1) [14].

Представленные реакции мы можем классифицировать следующим образом. К ассоциациям по предметно-смысловой смежности относятся ассоциативные пары слов, не имеющие общих существенных признаков в своем содержании, в основных значениях членов которых отражаются реальные отношения смежности между предметами и явлениями действительности или содержаниями абстрактных понятий [31. С. 95]: *семья, друзья, дураки, личность, организация, член, наука, распад, свобода, сила, спасение, существо* (1).

В свою очередь, ассоциации по сходству можно разделить на две подгруппы. Первая подгруппа включает классификационные ассоциативные пары, в содержании которых имеется хотя бы один общий существенный признак. К данной подгруппе относятся реакции, соот-

носимые с элементами различного рода лексических объединений парадигматического характера. В представленной словарной статье могут быть выделены следующие ассоциаты, относящиеся к данной группе: *коллектив, много людей, стадо* (2), *совокупность людей, толпа* (1). Выделенный ассоциативный ряд актуализирует признак концепта – *окружение*, так как в толковании всех этих лексических единиц выделяются элементы «группа», «скопление», но не выделяются элементы, указывающие на причины объединения.

Ко второй подгруппе относятся детерминационные ассоциативные пары. В данных парах содержание ответа-реакции входит в содержание слова-стимула в качестве одного из признаков этого содержания: *высшее, светское, трезвости* (3), *гнилое, равных, социалистическое* (2), *акционерное, бедное, интересное, левое, наше, слепой, советский, советское, ужасное, хорошее, человеческое, шумное* (1). Данный ассоциативный ряд, мы полагаем, актуализирует признак *объединение с определенной целью* (например, акционерное) и периферийные признаки изучаемого концепта, так как в большинстве из указанных ассоциаций содержится оценочный компонент.

Среди представленных ассоциаций на слово-стимул «общество» можно выделить группу синкретических ассоциаций. Пары, входящие в эту группу, имеют различные виды отношений слова-реакции со словом-стимулом (смежность – сходство, детерминация – классификация) и не могут быть четко разграничены: *дураков* (4), *идиотов, людей* (3), *слепых, друзей* (2), *алкоголиков, голубых, деловое, друга, здорового образа жизни, инвалидов, книголюбов, нумизматов, социализма, студентов, трезвенников, много бестолковых людей* (1). В данных реакциях, с одной стороны, проявляются отношения смежности, с другой – детерминационности. В ассоциациях *люди* (10), *народ* (2) объединены предметно-смысловые и классификационные отношения. Кроме того, в построенном ассоциативном ряду четко прослеживается цель объединения.

К группе опосредованных реакций относятся ассоциативные пары, в которых ответ-реакция не имеет непосредственных отношений со словом-стимулом и связан с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена: *[непонимание в обществе] безразличие, глухота, занудство, и грусть, ничтожество, ограниченность, осудит* (1); *[историческое развитие] история, память* (1); *[личностные ассоциации] переполненный троллейбус, скучно, хай-фай* (1).

Таким образом, мы можем судить о том, что частотными ответами на выбранные стимульные слова являются различные виды реакций, объединенные предметно-смысловыми, детерминационными и синкретическими связями. Интересно отметить, что данный лексикографический дискурс Русского ассоциативного словаря во многом соответствует словарным дефинициям толковых словарей. Однако ассоциативные данные позволяют, с одной стороны, в определенной мере скорректировать лексикографическое описание концепта «общество», а с другой – выявить оценочный компонент в его содержании.

В соответствии с частотностью представленных реакций основным или актуальным признаком концепта являются *люди* (10), *коллектив, народ* (2). Но отдельного внимания заслуживают периферийные зоны, отражающие внутренний компонент значения концепта «общество», раскрывающиеся при семантическом анализе реакций. Положительными считаются реакции, в значении которых присутствуют положительно-оценочные семы. К нейтральным относятся ассоциаты, не содержащие оценочного компонента, а также названия организаций. Отрицательные реакции характеризуются наличием в значении слова отрицательно-оценочных сем.

1. Семантическое поле «состав общества»:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (37%) – *люди* (10), *людей* (3), *друзей* (3), *много людей, народ, равных, слепых* (2), *друга, друзья, и семья, личность, книголюбов, нумизматов, совокупность людей, студентов, инвалидов, трезвенников, член* (1);

– отрицательные (11%) – *дураков* (4), *идиотов* (3), *алкоголиков, голубых, дураки, много бестолковых людей* (1).

2. Семантическое поле «характеристика общества»:

– положительные (8%) – *высшее, светское* (3), *интересное, хорошее* (1);

– нейтральные (13%) – *трезвости* (3), *социалистическое* (2), *советский, советское, социализма акционерное, деловое, наше, человеческое* (1);

– отрицательные (8%) – *гнилое* (2), *бедное, и грусть, левое, слепой, ужасное, шумное* (1).

3. Семантическое поле предметно-смысловых реакций:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (3%) – *коллектив* (2), *организация* (1);

– отрицательные (3%) – *стадо* (2), *толпа* (1).

4. Семантическое поле «ценностей»:

– положительные (4%) – *здорового образа жизни, свобода, сила, спасение* (1);

– нейтральные (3%) – *история, наука, память* (1);

– отрицательные (6%) – *безразличие, глухота, занудство, ничтожество, ограниченность, распад* (1).

5. Семантическое поле действий:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные – отсутствуют;

– отрицательные (1%) – *осудит* (1).

6. Семантическое поле личных ассоциаций:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (1%) – *хай-фай* (1);

– отрицательные (2%) – *переполненный троллейбус, скучно* (1).

Мы видим, что ценностно-оценочный компонент концепта «общество» имеет не только положительный / нейтральный, но и отрицательный оттенок значения. Процентное соотношение положительно, нейтрально и отрицательно окрашенных реакций составило 12, 57 и 31% соответственно. Это является свидетельством того, что в языковой картине мира носителей российской культуры закреплен не только положительный и нейтральный образ общества. С одной стороны, общество выступает гарантом силы, свободы, исторической памяти народа. С другой стороны, наблюдается не только безразличие, глухота и осуждение толпы, но и переосмысление того, что такое общество в целом и из кого оно состоит – дураки, идиоты, алкоголики, бестолковые.

В словарных дефинициях не указываются ценностно-оценочные признаки, но как показывают данные ассоциативного словаря, они присутствуют в структуре концепта. Рассмотрим, как представлен ценностно-оценочный компонент в словаре сочетаемости слов русского языка и словаре эпитетов русского языка [22, 32]. Лексические единицы, сочетающиеся с именем концепта «общество», можно разделить на три группы – положительно-оценочную, отрицательно-оценочную и нейтральную или ситуативно-оценочную. К последней группе отнесем лексику, которая может менять оценочность в зависимости от контекста ее употребления или от менталитета использующего ее человека.

Положительно-оценочная лексика, сочетающаяся с именем концепта: *аристократическое, благовоспитанное* (устар.), *благоприлич-*

ное (устар.), *благородное, блестящее, большое, великосветское, веселое, воспитанное, высшее, живое, избранное, изысканное, интеллигентное, порядочное, приличное, приятное, культурное, модное, отборное, светское, фешенебельное, хорошее, честное, чистое* (устар.), *современное, новое, будущее, передовое, прогрессивное, прекрасное, лучшее, добровольное, развитое, индустриальное, высокой организованности.*

Отрицательно-оценочная лексика, сочетающаяся с именем концепта: *грязное* (разг.), *дурное, некультурное, неприятное, нехорошее, плохое, пустое, серое, скучное, случайное, сомнительное, тусклое, узкое, буйное.*

Нейтральная или ситуативно-оценочная лексика, сочетающаяся с именем концепт: *дамское, женское, многочисленное, мужское, привычное, пестрое, человеческое, разнокалиберное, разношерстное, классовое, бесклассовое, советское, социалистическое, коммунистическое, буржуазное, рафинированное, разнородное, шумное, капиталистическое, первобытное, античное, рабовладельческое, феодальное, наше, местное, городское, центральное, современное, индустриальное, студенческое, спортивное, научное, научно-техническое, географическое, театральное, филателистическое, хоровое.*

Положительно-оценочная лексика, характеризующая имя концепта, составляет 42,7%, отрицательно-оценочная – 15,8%, а нейтральная – 41,5%. Полученные данные отчасти согласуются с результатами, полученными в ходе анализа ассоциативного словаря, согласно которым нейтральное восприятие общества превалирует. Тем не менее присутствие положительных и отрицательных признаков, отмеченных нами на этапах исследования ассоциативных полей и сочетаемости слов, позволяет сделать вывод об их включении в структуру исследуемого концепта. При этом следует отметить, что положительные признаки наиболее ярко высвечиваются на основе анализа словаря сочетаемости слов русского языка, тогда как отрицательные чаще актуализируются в ассоциативных полях.

Смоделируем структуру концепта «общество». Ядерные признаки: объединение на основе кровнородственных связей; объединение для совместного времяпровождения; объединение с определенной целью; окружение; объединение для неблаговидной (преступной) деятельности; сословное объединение. Периферийные признаки, формирующиеся на основе ассоциаций представителей культуры, характеризуют признаки

концепта. Среди них выделяются устойчивые признаки, которые зафиксированы в словарях (например, гнилое, равных, бедное, интересное, наше, ужасное, хорошее, шумное и др.) и признаки, которые возникают в сознании носителей культуры спонтанно и имеют опосредованную связь с ядром (например, [непонимание в обществе] безразличие, глухота, занудство, грусть, ничтожество, ограниченность, осудит).

На следующем этапе исследования обратимся к анализу концепта «society» для определения общих и отличительных признаков с русским концептом «общество». Изучение этимологии или внутренней формы имени концепта «society» показывает его происхождение от латинского *societas*, которое, в свою очередь, произошло от существительного *socius* – «товарищ, союзник» [33], вербализующее первичный признак изучаемого концепта. Интересно отметить, что этимология имени концепта не находит полного отражения в современных значениях «society», зафиксированных в словарях.

Анализ словарных дефиниций имени концепта показывает, что профилирующей дефиницией является «people in general» (6 словарей из 8) [34–40]. Определение, актуализирующее признак *люди*, указывает на класс в целом, а не на отдельных его представителей. Таким образом, происходит развитие первичного признака *союзник* до собирательного признака *люди* в целом.

Дефиниции «a community of people living in a particular country or region and having shared customs and laws» и «a large group of people who live in the same country or area and have the same laws and traditions» и другие (5 словарей из 8), вербализуют признак *жители одной страны (региона)* [34–40]. На данный признак указывает употребление в дефинициях лексических единиц «the same country», «in a particular country». В дефинициях также указываются причины, которые объединяют людей одной страны – законы и традиции.

Признак *объединение с определенной целью* актуализируется лексическими единицами *for a particular purpose, the same aim, by a common aim* в следующих дефинициях: «an organization of people formed for a particular purpose», «an organization for people who have the same aim», «an association of persons united by a common aim» [34, 35, 37, 38, 40].

Далее по частотности следует признак *объединение для совместного времяпровождения*. Этот признак вербализуется через использование в дефинициях синонимов имени концепта «company» – *companionship, fellowship*, актуализируется через лексические единицы *together, being*

with other в дефинициях «the situation of being with other people», «when you are together with other people» и другие [34, 36, 37, 39, 40].

В структуре концепта «society» может быть выделен признак *высшие слои общества (upper class)*. Этот признак вербализуется через определения «the class of people who are fashionable, wealthy, influential; the upper class», «the rich, fashionable people», «the upper class, the fashionable group of people who are rich and powerful», «the group of people in a country who are rich and fashionable or are from a high social class» [34–36, 40]. Высшие слои общества представлены как группа людей, наделенных властью и богатством.

Интересно отметить признаки, которые отражены в единичных словарях. В словаре The Concise Oxford Dictionary of Current English репрезентируется признак *образ жизни* – «social mode of life, the customs and organizations of an ordered community» [37. С. 1006]. Этот признак образовался на основе метонимии, когда свойства были перенесены с объекта, для которого они характерны. Еще один признак, образованный на основе метонимии, представлен в словаре Macmillan Dictionary в дефиниции «parties, weddings, performances etc that rich and fashionable people go to» [40]. Сформулируем этот признак как *светские мероприятия для богатых людей.*

Определим весь ряд языковых выражений концепта «society», что позволит нам установить его развитие и актуальность в англоязычной лингвокультуре. Изучаемый концепт представлен в словарях синонимов достаточно полно. В словаре A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms для имени концепта «society» предложены следующие синонимы: *community, association, companionship, fellowship, connection, participation, company, sociality, sodality* [42. P. 249]. Данные словарей Collins Cobuild Essential English Dictionary и Macmillan Dictionary позволяют этот синонимический ряд расширить: *community, social order, people, public, culture, population, organization, group, club, union* [35. P. 1479]; *citizens, citizenship, the upper class, aristocracy, the nobility, association, commission, organization* [40].

Значительное количество лексических единиц, являющихся синонимами имени концепта «society», свидетельствует о значимости концепта для представителей изучаемой лингвокультуры. Все синонимы репрезентируют уже указанные выше ядерные признаки концепта: люди (*people, public*), жители одной страны / региона (*community, population, citizens, citizenship*), объединение с определенной целью

(*association, participation, sodality, organization, group, club, union, commission*), компания (*company, companionship, fellowship, connection*), высшие слои общества (*the upper class, aristocracy, the nobility*), образ жизни (*sociality, social order, culture*). Однако признак *мероприятия для богатых и модных людей* языкового выражения в словарях синонимов не находит, что говорит о его меньшей актуальности и принадлежности к периферийным признакам.

На следующем этапе исследования концепта «society» обратимся к словарю The Associative Thesaurus of English. Статистика показывает, что на стимул *society* было получено: всего реакций 99, различных реакций 63, одиночных реакций 52.

Словарная статья «society» включает в себя следующий набор ассоциаций: *people* (18), *club* (7), *high* (4), *man, new* (3), *class, corrupt, girl, life, permissive, sociology* (2), *afraid, ballroom, biochem, blues, boredom, bunkum, catholic, civilization, civilized, climber, communists, community, culture, dead, debutante, dinner, downs, family, fashion, film, football, free, friend, friends, halifax, hall, hang, heathen, hell, help, home, law, London, meetings, member, mess, metallurgy, modern, morals, order, parties, physical, physics, problems, public, season, sect, social, socialist, study, system, voluntary* (1) [15].

К ассоциациям по предметно-смысловой смежности относятся: *man* (3), *girl, friend, friends, life, civilization, community, culture, law, meetings, member, morals, order, parties, system* (1). Классификационные ассоциации представлены реакциями: *club* (7), *class* (2). Детерминационные: *high* (4), *new* (3), *permissive* (2), *biochem, catholic, civilized, dead, free, modern, public, physical, social, voluntary* (1). Синкретические: *people* (18) (объединяет предметно-смысловые и классификационные отношения), *London* (1) (в ассоциации проявляются отношения смежности и детерминационности). Опосредованные: *climber, communists, corrupt, sociology* (2), *afraid, family, home, ballroom, blues, boredom, bunkum, debutante, dinner, fashion, film, football, downs, halifax, hall, hang, heathen, hell, help, mess, metallurgy, physics, problems, season, sect, socialist, study* (1).

Представленные данные показывают, что ассоциации по предметно-смысловой смежности, синкретические и классификационные ассоциации соотносятся с обозначенными признаками концепта «society». Например, среди ассоциаций выделяются синонимы имени концепта (*civilization, community, culture, club, people*), другие ассоциации образовались на основе метонимии (*law, morals, meetings*). Де-

терминационные и опосредованные ассоциации с выявленными ядерными признаками не пересекаются, а значит, репрезентируют периферийные признаки концепта.

Поскольку исследуемый концепт в языковой картине мире носителей англоязычной культуры имеет разнообразные связи с различными опосредованными ментальными сущностями, необходимо детально изучить ядерные и периферийные зоны концепта, что возможно сделать с помощью семантического анализа реакций.

1. Семантическое поле «состав общества»:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (30%) – *people* (18), *man* (3), *girl* (2), *climber, communists, friend, friends, member, socialist* (1);

– отрицательные – отсутствуют.

2. Семантическое поле «характеристика общества»:

– положительные (8%) – *high* (4), *new* (3), *free* (1);

– нейтральные (8%) – *biochem, catholic, civilized, modern, social, public, physical, voluntary* (1);

– отрицательные (3%) – *permissive* (2), *dead* (1).

3. Семантическое поле предметно-смысловых реакций:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (20%) – *club* (7), *class, sociology* (2), *bunkum, civilization, community, parties, system, help, law, meetings* (1);

– отрицательные (3%) – *corrupt* (2), *mess* (1).

4. Семантическое поле «ценностей»:

– положительные (1%) – *morals* (1);

– нейтральные (6%) – *life* (2), *culture, family, home, order* (1);

– отрицательные – отсутствуют.

5. Семантическое поле действий:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (1%) – *study* (1);

– отрицательные (1%) – *hang* (1).

6. Семантическое поле личных ассоциаций:

– положительные – отсутствуют;

– нейтральные (13%) – *ballroom, blues, heathen, debutante, dinner, fashion, film, football, season, hall, London, metallurgy, physics* (1);

– отрицательные (6%) – *afraid, boredom, hell, downs, sect, problems* (1).

Следует отметить, что ценностно-эмоциональный компонент концепта «society», как и концепт «общество», имеет не только положи-

тельные и нейтральные, но и отрицательные оттенки значения. Процентное соотношение положительно, нейтрально и отрицательно окрашенных реакций составило 9, 76 и 13% соответственно, что свидетельствует о нейтральном восприятии общества, которое скорее видится системой (*system*), цивилизацией (*civilization*), культурой (*culture*) и лишь изредка характеризуется коррупцией (*corrupt*) и беспорядком (*mess*).

Рассмотрим, как представлен ценностно-оценочный компонент в Комбинаторном словаре английского языка. Лексические единицы, сочетающиеся с именем концепта «society», можно разделить на три группы – положительно-оценочные, отрицательно-оценочные и нейтральные или ситуативно-оценочные. К первой группе отнесем лексику с положительной коннотацией (*honor, humane, learned, literary, friendly, mutual-aid, unite, advanced, high, polite, civilized*). Положительно-оценочная лексика составляет 42,3%. Ко второй группе относится лексика с отрицательной коннотацией (*burial, polarize, primitive, to disband*), 15,4%. К нейтральной относятся лексические единицы, которые явно не выражают оценку и которые могут поменять значение в зависимости от контекста (*historical, medical, secret, musical, affluent, closed, open, pluralistic, to establish, to found, to set up, to dissolve*) [43. С. 230]. Нейтральная или ситуативно-оценочная лексика, определяющая имя концепта, составляет 42,3%.

Данные Комбинаторного словаря английского языка несколько расходятся с результатами, полученными при семантическом анализе реакций. Ассоциативный эксперимент выявляет преимущественно нейтральное отношение к обществу, в то время как анализ сочетаемости имени концепта «society» показывает равное распределение положительно-оценочной и нейтральной лексики. Одновременно с этим можно отметить достаточно близкое соотношение отрицательных реакций и употребления отрицательно-оценочной лексики с именем концепта.

Смоделируем концепт «society» на материале результатов концептуального анализа, полученных с помощью системно-языкового и ассоциативного материала. Первичный признак концепта – товарищ, союзник – развивается в ядерный признак «люди в целом». Также к ядерным признакам относятся: жители одной страны (региона), объединение с определенной целью, объединение для совместного времяпровождения, высшие слои общества, образ жизни. Периферийные

признаки интерпретируют и передают отдельные когнитивные суждения, стереотипы, которые определяют особенности картин мира представителей различных культур. К периферийным признакам концепта «society» относятся: светские мероприятия для богатых людей, а также характеристики, репрезентируемые в детерминационных и опосредованных ассоциациях (например, *permissive, dead, voluntary, boredom, bunkum, hell, help, mess* и др.).

Для выявления национальной специфики концептов проведем сравнение признаков «общество» и «society». Изучаемые концепты полностью отличаются первичными признаками. В российской лингвокультуре концепт создавался вокруг понятия *общность*, в то время как английский – вокруг понятия *союзник*. Ядерные признаки концептов имеют несколько точек пересечения. Общими для изучаемых концептов являются признаки: *объединение с определенной целью* и *объединение для совместного времяпровождения*.

Признаки *высшие слои общества* и *сословное объединение* указывают на один класс людей, тем не менее, отличаются временем актуальности для каждой культуры. В российском лексикографическом дискурсе толкования имени концепта и его синонимы сопровождаются пометой «дореволюц.». Но данный признак остается актуальным для носителей англоязычной культуры, что объясняется отличиями в развитии двух обществ. Через признаки *объединение на основе кровнородственных связ*ей (концепт «общество») и *жители одной страны / региона* (концепт «society») актуализируются наиболее важные связи между членами обществ, в первом случае родственные, во втором – территориальные.

Отличительной особенностью представления концепта «society» в сознании представителей англоязычной культуры является упоминание относительно небольшого количества лексики с отрицательной коннотацией (15,4%) и невысокий процент (13%) соотношения отрицательно окрашенных реакций на имя концепта. Среди ядерных признаков нами также не было выявлено отрицательных. В то время как для носителей русскоязычной культуры в ядерной структуре концепта отрицательный компонент присутствует. Процент отрицательно окрашенных реакций на имя концепта составляет 31%, а отрицательно-оценочная лексика, характеризующая имя концепта, – 15,8%. Кроме того, в структуре концепта «общество» выявляется отрицательный признак *объединение для неблаговидной (преступной) деятельности*.

Еще одной отличительной особенностью концепта «society» является формирование признаков на основе метонимического переноса (*образ жизни и светские мероприятия для богатых людей*), в русскоязычной культуре такого явления нами отмечено не было. Тем не менее в русском языке в силу более широкого семантического наполнения концепта «общество» имеется большее количество синонимов (40), чем в английском языке их (25).

Изучение репрезентаций концептов в лексикографическом дискурсе позволяет определить их ядерные и периферийные признаки. На основании анализа словарных статей возможно смоделировать полную структуру концепта и рассмотреть его в социокультурном, когнитивном и коммуникативно-прагматическом аспектах. Анализ истории формирования концептов и их исследование в синхронии показывает концепт в социокультурном аспекте. Определение периферийных признаков с помощью данных ассоциативных словарей позволяет увидеть концепт в когнитивном аспекте. Изучение сочетаемости имени концепта характеризует его коммуникативно-прагматическую сторону. А сопоставление репрезентаций концептов в лексикографическом дискурсе на разных языках помогает устанавливать сходства и различия между разными культурами. Таким образом, лексикографический дискурс позволяет определять и моделировать полную структуру концептов с учетом социокультурного, когнитивного и коммуникативно-прагматического аспектов.

Литература

1. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. С. 75–80.

2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.

3. *Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. 533 с.

4. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.

5. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.

6. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. I. 464 с.

7. *Benson P.* Ethnocentrism and the English dictionary. London ; New York : Routledge, 2002. 240 p.

8. *Hornscheidt A.* A concrete research agenda for critical lexicographic research within critical discourse studies: An Investigation into racism/colonialism in monolingual Danish, German, and Swedish dictionaries // Critical discourse studies. 2008. № 5 (2). P. 107–132.

9. *Chen W.* Towards a Discourse Approach to Critical Lexicography // International Journal of Lexicography. 2019. № 32 (3). P. 362–388.

10. *Голованевский А.Л.* Концепт «Слово» в религиозном, лексикографическом и художественном дискурсе // Русское слово в языке и речи : докл. общерос. конф. Брянск, 2000. С. 7–13.

11. *Резунова М.В.* Словарная статья: текст или дискурс? // Известия Волгоградского государственного педагогического института. 2008. № 10 (34). С. 47–49.

12. *Голев Н.Д., Лебедева Н.Б.* Современный интернет словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 125–133.

13. *Плотникова А.М.* Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 22–30.

14. *Русский* ассоциативный словарь. URL: http://www.tesaurus.ru/dict/index.php (дата обращения: 01.03.2019).

15. *Kiss G., Armsthong C., Milroy R.* The Associative Thesaurus of English. Edinburgh : Univ. of Edinb., MHO Speech and Communication Unit, 1972. 1539 p.

16. *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие. М. : Флинта, 2016. 520 с.

17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. М. : Прогресс, 1986–1987.

18. *Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб. : Виктория плюс, 2008. 432 с.

19. *Философский* энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

21. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

22. *Словарь* сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М. : Рус. яз., 1983. 688 с.

23. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с.

24. *Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Астрель, 2004. 511 с.

25. *Шушков А.А.* Толково-понятийный словарь русского языка. М. : Астрель; АСТ, 2003. 768 с.

26. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка : в 3 т. (на основе 4-томного издания 1948 г.). М. : Вече; Си ЭТС, 2001.

27. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 13-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. 568 с.

28. *Словарь* синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. М. : Центрполиграф, 2009. 507 с.

29. *Гаврилова А.С.* Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М. : Аделант, 2013. 512 с.

30. *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 193–199.

31. *Мартинович Г.А.* Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93–99.

32. *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб. : Норинт, 2002. 224 с.

33. *Online* Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 01.03.2019).

34. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1998. 1428 p.

35. *Collins* Cobuild Essential English Dictionary. London ; Glasgow : Collins, 1988. 948 p.

36. *Longman* Dictionary of Contemporary English : в 2 т. М. : Рус. яз., 1992. Т. 2. 1230 p.

37. *Fowler H.W., Sykes J.B.* The Concise Oxford Dictionary of Current English. Bombay : Oxford University Press, 1988. 1264 p.

38. *Collins* Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. London ; Glasgow : Collins, 2001. 1824 p.

39. *Webster's* Revised Unabridged Dictionary. URL: http://www.fine-dictionary.com/society.html (дата обращения 01.03.2019).

40. *Macmillan* Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 01.03.2019).

41. *Cambridge* Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 01.03.2019).

42. *Fallows S.* A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms. London ; Edinburgh, 1898. 513 p.

43. *Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р.* Комбинаторный словарь английского языка. М. : Рус. яз., 1990. 286 с.

Obshchestvo and _Society_: Concept Representation in Lexicographic Discourse

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 51–73.
DOI: 10.17223/22274200/17/3

Tatiana Yu. Peredrienko, Ekaterina S. Balandina, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: peredrienkoti@susu.ru / balandinaes@susu.ru

Keywords: lexicographical discourse, dictionary entry, concept, modelling, society.

The article deals with the description of the representation of the concept "society" in Russian and English lexicographic discourse which is understood as a variant of a scientific text containing semantic and pragmatic information as well as cognitive characteristics. The concepts are formed in each culture and reflect the perception of reality by an individual and society as a whole. They are verbalized in language, and therefore language can be considered as the key to the interpretation of human thinking. The concept "society" in Russian and British cultures is chosen for study because of the

anthropocentricity of the scientific paradigm. The representation of the concept in lexicographic discourse is considered in synchronic and diachronic terms. To study the concept formation, a historical-etymological analysis is used. It is aimed at determining the origin of the name of the concept and identifying its original meanings. To study the concept in synchrony, a definitional analysis of the dictionary entries characterizing the name of the concept is used. This analysis allows determining the core features of the concept. However, lexicographic discourse makes it possible not only to verify the most relevant features of the core but also to determine the peripheral ones. The study of the data of the *Russian Associative Dictionary* and the *Associative Thesaurus of English* is used for that. The offered analysis makes it possible to consider different aspects of the concept. The study of the formation of the concept and its study in synchrony show the concept in the socio-cultural aspect. The definition of peripheral features using the associative dictionaries allows presenting the cognitive aspect of the concept. The study of the compatibility of the name of the concept characterizes its communicative and pragmatic aspect. Based on the findings, the authors model the complete structure of the concept "society" in Russian and British cultures. The Russian concept "society" is characterized by the following core features: blood-based bonding; association for spending time together; association for a specific goal; association for criminal activities and class association. The core features of the English concept are the following: people in general, residents of one country (region), association for a specific goal, association for spending time together, the highest strata of society, and a way of life. The peripheral features of the concept in the two cultures were formed on the basis of associations of culture representatives, so they can be stable or spontaneous with an indirect connection with the core. Special attention is paid to a comparative analysis of the representations of the concept in lexicographic discourse in the two languages to identify similarities and differences in the Russian and British conceptual worldviews.

References

1. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001) Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 75–80.

2. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.

3. Babenko, L.G, Vasil'ev, I.E. & Kazarin, Yu.V. (2000) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of a literary text]. Yekaterinburg: Ural State University.

4. Babenko, L.G. (2004) *Filologicheskiy analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]. Moscow: Akademicheskiy proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.

5. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk: TetraSistems.

6. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. I. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

7. Benson, P. (2002) *Ethnocentrism and the English dictionary*. London; New York: Routledge.

8. Hornscheidt, A. (2008) A concrete research agenda for critical lexicographic research within critical discourse studies: An Investigation into racism/colonialism in monolingual Danish, German, and Swedish dictionaries. *Critical discourse studies*. 5 (2). pp. 107–132. DOI: 10.1080/17405900801990066

9. Chen, W. (2019) Towards a Discourse Approach to Critical Lexicography. *International Journal of Lexicography*. 32 (3). pp. 362–388. DOI: 10.1093/ijl/ecz003

10. Golovanevskiy, A.L. (2000) Kontsept "Slovo" v religioznom, leksikograficheskom i khudozhestvennom diskurse [The "Word" Concept in Religious, Lexicographic, and Artistic Discourse]. In: *Russkoe slovo v yazyke i rechi* [Russian Word in Language and Speech]. Bryansk: Bryansk State Pedagogical University. pp. 7–13.

11. Rezunova, M.V. (2008) Slovarnaya stat'ya: tekst ili diskurs? [Dictionary entry: text or discourse?]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 10 (34). pp. 47–49.

12. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2016) The modern online dictionary of dialect vocabulary. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/14

13. Plotnikova, A.M. (2014) Modern tendencies in Russian lexicograpical discourse. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (19). pp. 22–30. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1403.02

14. *Russkiy Assotsiativnyy Slovar'* [Russian Associative Dictionary]. [Online] Available from: http://www.tesaurus.ru/dict/index.php. (Accessed: 01.03.2019). (In Russian).

15. Kiss, G., Armsthong, C. & Milroy, R. (1972) *The Associative Thesaurus of English.* Edinburgh: University of Edinburhg, MHO Speech and Communication Unit.

16. Bolotnova, N.S. (2016) *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow: Flinta.

17. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. Moscow: Progress.

18. Krylov, G.A. (2008) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Viktoriya plyus.

19. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.

20. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik.

21. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.

22. Denisov, P.N. & Morkovkin, V.V. (eds) (1983) *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of Compatibility of Words of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

23. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk.

24. Kravchenko, S.A. (2004) *Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy russko-angliyskiy slovar'* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Astrel'".

25. Shushkov, A.A. (2003) *Tolkovo-ponyatiynyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Astrel'", OOO "Izdatel'stvo AST".

26. Ushakov, D.N. (2001) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Veche, Si ETS.

27. Aleksandrova, Z.E. (2005) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. 13th ed. Moscow: Russkiy yazyk – Media.

28. Mudrova, A.Yu. (ed.) (2009) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow: Tsentrpoligraf.

29. Gavrilova, A.S. (2013) *Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Modern Russian Language]. Moscow: Adelant.

30. Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2014) Associative lexicography and studies of language consciousness. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4 (38). pp. 193–199. (In Russian).

31. Martinovich, G.A. (1993) An example of complex study of associative experiment data. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 93–99. (In Russian).

32. Gorbachevich, K.S. (2002) *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]. Saint Petersburg: Norint.

33. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: https://www.etymonline.com. (Accessed: 01.03.2019).

34. Hornby, A.S. (ed.) (1998) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.

35. Sinclair, J., Hanks, P. & Fox, G. (eds) (1988) *Collins Cobuild Essential English Dictionary*. London; Glasgow: Collins.

36. Longman. (1992) *Longman Dictionary of Contemporary English*. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Fowler, H.W. & Sykes, J.B. (1988) *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Bombay: Oxford University Press.

38. Collins. (2001) *Cobuild English Dictionary for Advanced Learners*. London; Glasgow: Collins.

39. *Webster's Revised Unabridged Dictionary*. [Online] Available from: http://www.finedictionary.com/society.html. (Accessed: 01.03.2019).

40. *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: https://www.macmillandictionary.com. (Accessed: 01.03.2019).

41. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: https://dictionary.cambridge.org. (Accessed: 01.03.2019).

42. Fallows, S. (1898) *A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms*. London; Edinburgh: [s.n.].

43. Benson, M., Benson, E. & Ilson, R. (1990) *Kombinatornyy slovar' angliyskogo yazyka* [The BBI Combinatory Dictionary of English]. Moscow: Russkiy yazyk.

УДК 811.161.1 ; 81`33
DOI: 10.17223/22274200/17/4

М.Л. Сергеев, Е.А. Фивейская

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ ЭТИМОЛОГИИ В ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА»)

Рассматривается роль этимологической справки в словарной статье толкового словаря при описании новейшей заимствованной лексики русского языка. Исследование показало тесную взаимосвязь этимологической информации с основными зонами словарной статьи – вокабулой, толкованием и иллюстрациями. Этимология рассматривается как один из критериев при установлении правописания и произношения слов, форма которых еще не устоялась в русском языке, а также при составлении дефиниций.
Ключевые слова: *лексикография, толковые словари, этимология, структура словарной статьи, заимствованная лексика, современный русский язык.*

Этимология в современной синхронической лексикографии рассматривается как периферийный компонент словарной статьи, нередко необходимость и возможность включения зоны этимологии в толковый словарь ставятся под сомнение.

Аргументы противников использования этимологических сведений в толковом словаре в целом можно свести к двум пунктам: 1) этимологии, сообщаемые в толковых словарях, неполны и ненадежны; 2) этимологические сведения не влияют на толкование слова в словаре, так как оно определяется речевым узусом, а не историей слова [1]. Если второй довод предполагает теоретическое обсуждение принципов лексикографического описания и задач конкретных словарных проектов, то принятие или неприятие первого аргумента зависит в большей степени от желания составителей словаря и критиков подойти к этимологии с позиции перфекционизма, абсолютизируя частные ошибки и недостатки этимологической практики и не соотнося их с возможной пользой этимологических сведений для читателя и автора. Так, например, Л. Хеллер [2] с сожалением констатирует, что в толковых словарях, как правило, не показан непосредственный источник каждой лексемы (включая производные формы) и комментируются лишь отдельные этапы истории слова (но ведь требуемая Хеллером полнота редко достижима и в специальных этимологических словарях!). Рассмотрев ряд спорных этимологий в сло-

варе под редакцией Н.Ю. Шведовой [3], И.Г. Добродомов высказывается против приведения сведений о происхождении слов в толковых словарях в целом: «Краткое представление этимологии для широкого круга читателей невозможно: в таком виде оно будет создавать ложное представление о научной этимологии как о науке, имеющей характер произвольной вкусовщины» [4].

С другой стороны, сторонники приведения этимологии слов в толковом словаре (например, П. Дрисдэйл [1] и Н. ван дер Сайс [5]) делают акцент преимущественно на потребности читателей в такой информации, отмечая, что этимологические комментарии дают представление о языке как развивающемся явлении, способствуют пониманию истории культуры сквозь призму языковых фактов и т.д., или ссылаются на укорененность этимологии в лексикографической традиции [6. С. 208]; о структурных функциях этимологии в рамках словарной статьи и ее значении для лексикографического описания речь при этом не идет.

Отдельного внимания заслуживает аргументация Х. Джексона, который, рассматривая толковые словари английского языка, в качестве главного объективного основания для включения в них зоны этимологии называет крайне гетерогенный состав английской лексики, значительную часть которой составляют заимствования [7. С. 10–12, 117–128]. Можно предположить в таком случае, что важнейшей функцией этимологии оказывается маркирование заимствований и объяснение их внутренней формы, не понятной интуитивно носителям языка. Такой взгляд на задачи этимологии в словаре сложился в русской лексикографии, которая стала активно развиваться именно в период значительных лексических заимствований, не прекращавшихся на протяжении трех столетий (XVIII–XX вв.) и активно продолжающихся в наши дни. Это в значительной мере определило особый статус заимствованной лексики в составе словаря: в академических словарях русского языка содержание зоны этимологии ограничивается сведениями о происхождении заимствованных слов [8. С. XIV; 9. С. 30]. Задачи и принципы этимологической справки такого типа были сформулированы в предисловии к словарю под ред. Д.Н. Ушакова [10. Стб. XXVIII–XXIX].

Проект «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г.Н. Скляревской[1] (далее Словарь), следуя отечественной традиции,

[1] Первый том Словаря готовится к публикации в 2020 г.

ограничивает материал этимологических справок заимствованной лексикой, однако предполагает как ревизию сведений, имеющихся в словарях иностранных слов, так и написание значительного количества новых справок (о принципах подачи этимологических сведений в Словаре см.: [11]). В ходе работы над Словарем авторы настоящей статьи постарались взглянуть на вопрос о практическом значении этимологических сведений в толковом словаре и необходимом содержании этимологической справки с точки зрения задач лексикографа. Изучению роли этимологии в составлении Словаря благоприятствует то обстоятельство, что его задачи предполагают описание значительного количества новых лексических заимствований, не представленных в имеющихся словарях русского языка (как толковых, так и словарях иностранных слов), проявляющих заметную фонетическую и графическую вариативность и осознаваемых как заимствования носителями языка; таким образом, этот слой заимствованной лексики оказывается наиболее восприимчивым к происхождению, форме и значению слова в языке-источнике.

«Словарь русского языка XXI века» задуман как особый, новый словарь полного типа: «Словарь описывает современный русский язык во всем его многообразии и с максимальной полнотой, отражает новую эпоху в истории русского языка, новый этап его эволюции и новый уровень научных знаний о слове, а также новые методы лексикографической работы» [12. С. 5]. При формировании словника Словарь «стремится к отражению языка “в целом”, в частности, широко представлены лексические слои, прежде отклоняемые лексикографией (конфессиональная лексика, жаргоны, терминология, неологизмы, эквиваленты слов и т.п.)» [Там же. С. 10] и, таким образом, тяготеет к тезаурусу (по предварительным подсчетам словник приближается к 200 тыс. единиц). Это сравнение убедительно подтверждается словником 1-го тома Словаря, содержащим 11 700 слов на лексикографическом пространстве от А до бета-частица (обоснование словника см. [13. С. 3–17; 14]).

Такая задача предполагает включение в Словарь значительного массива новых заимствований (начиная с 1990-х гг.) – как узкоспециализированной, так и общеупотребительной лексики (новизна заимствования в русском языке не обязательно подразумевает новизну слова в языке-источнике). В рамках проекта был уже выпущен ряд тематических словарей-справочников, описывающих современную

политическую, компьютерную, юридическую, экономическую, финансовую терминологию и т.д. [15–20]. Важнейшими критериями отбора новой лексики являются (1) достаточно высокая частотность употребления (фиксация в текстах современной прозы, журналов, газет, новостей, интернет-чатах, представленность в размеченных и неразмеченных корпусах) и (2) наличие системных (словообразовательных, синонимических и др.) связей рассматриваемых лексем с другими единицами, представленными в словаре. При этом учитываются также лексемы, присутствующие в русских текстах в двойном – кириллическом и латинском – написании, в том числе те, для которых латинское написание на данный момент является основным или единственным вариантом (*альфа-версия и alfa-версия, арт-рок и art-rock, RnB и ар-эн-би, ADSL*, *ATL-реклама, all inclusive*). Таким образом, описывается начальный этап освоения этих слов русским языком (ср. [21. С. 37–39]).

Основу словника новейших заимствований составляют:

– терминология активно развивающихся научных областей: физика и химия (*нанокристалл, нанометр*), астрофизика (*антигравитация, коллайдер, гаммаспектроскопия*) и т.д.;

– лексика профессиональных и общественных сфер: информатика (*аватар, апдейт, айти, бета-версия, офф-лайн, wi-fi*), экономика и финансовое дело (*андеррайтинг, аутплейсмент, аутсорсинг, бенефиты*), медицина (*акупрессура, апитерапия, аттачмен, имплант*), искусство (*ар-брют, арт-объект, артхаус, биеннале*), музыка (*альт-метал, амбиент, ар-эн-би, балафон, бансури, баньгу*), спорт (*аквазорб, акватлон, армрестлинг, баггист, барспин, бейсджамп*), косметология (*айлайнер, анти-эйдж, лифтинг*) и т.д.;

– неологизмы, обозначающие новые реалии общественной жизни и быта (*аэрогриль, бизнес-ланч, бутик, after party, вип, пиар, пресс-релиз, секьюрити, слоган, ток-шоу*).

Описание этой лексики, по большей части отсутствовавшей до настоящего времени в толковых словарях общего типа[1], сопровождается составлением новых этимологических справок, включающих (в отличие, например, от словарей новых слов [22, 23]) не только упоминание непосредственного источника слова, но и пояснения, касаю-

[1] Попытка дать специализированное описание новейших заимствований русского языка предпринималась Е.Н. Шагаловой. См., например: [22].

щиеся буквального значения этимона, его морфологического состава. Действительно, как написание и произношение слова в языке-источнике, так и его внутренняя форма (содержащая указания на существенные свойства денотата и на другие причины появления обозначающего) так или иначе принимаются во внимание при работе над отдельными зонами словарной статьи (вокабула, произношение, толкование и речения). Кроме того, этимология традиционно используется в качестве критерия для выделения омонимов, хотя такой подход имеет существенные ограничения (ср. [24. С. 358–361]).

Следующие аспекты синхронного лексикографического описания оказываются чувствительными к происхождению слова:

1. Орфография и акцентуация.

а) Объяснение орфографической вариативности, когда появление двух вариантов в русском языке обусловлено различием транскрипции и транслитерации заимствованного слова или разными источниками вариантов слова:

> АМБИ’ЕНТ и ЭМБИ’ЕНТ, а, *м.* [англ. ambient букв. окружающий, обволакивающий]
>
> <...> Электронная музыка, характеризующаяся спокойным, медитативным звучанием, использованием различных спецэффектов <...>

Первый вариант в данном случае передает транслитерацию и подкрепляется имеющимися в русском заимствованиями на *амби...* (*амбиполярный, амбивалентный*), тогда как второй вариант точнее передает произношение английского слова.

> РИМ’ЕЙК и РЕМ’ЕЙК <м’э>, а, *м*. [англ. remake < re... снова, заново + to make делать]
>
> <...> Новая версия или интерпретация ранее созданного художественного произведения, компьютерной игры, механизма и т.п. <...>

Первый вариант передает звучание исконного слова, тогда как второй – написание этимона, к тому же обнаруживает в нем хорошо известную в русском приставку *ре-* со значением повторения, осуществления заново (*реставрация, реинкарнация, рецитация*).

Другой случай представляют пары типа:

ТАНП’УРА и ТАМП’УРА, ы, *ж.* [яз. хинди tānpurā, тамильский яз. tampuru]
<...> Индийский струнно-щипковый музыкальный инструмент <...>

Два варианта названия музыкального инструмента восходят в конечном счете к северо- и южноиндийской традициям исполнительства, в которых, соответственно, используются термины на хинди и тамильском; приведенные этимоны подтверждают правомерность обоих вариантов термина (иначе был бы соблазн предположить, что «тампура» – испорченный вариант «танпуры», возникший под действием регрессивной ассимиляции).

БОЛОНЬ’ЕЗЕ <зэ>, нескл. и БОЛОНЬ’ЕЗ, а, *м.* [< итал. bolognese, англ. Bolognese болонский]
1. Мясной соус <...>
2. Блюдо из тушеного мяса, молока и помидоров <...>

Первый вариант восходит непосредственно к итальянской форме прилагательного, означающего «болонский», второй пришел в русский язык через посредство английского, в котором слово утрачивает в произношении конечное *е*.

б) Также актуальным оказывается объяснение места постановки ударения в заимствованных словах (особенно когда по разным причинам оно не соответствует ожиданиям носителя русского языка: например, из-за наличия заимствования-дублета, пришедшего из другого источника).

В’ИКИНГ-М’ЕТАЛ[1], а и нескл., *м.* [англ. viking metal < viking викинг + metal металл[2]]
<...> Направление металла[2], основанное на скандинавской культуре и мифологии; музыка этого направления <...>

Произношение <м’етал>, восходящее к английскому источнику (для английского – одного из германских языков – характерно ударение на первом корневом слоге), отчетливо противопоставлено <мет’алл> с латинским ударением на предпоследнем слоге (лат. metallum < греч.

metallon шахта, рудник); при этом следует иметь в виду наличие омонима *металл* <мет'алл> со значением музыкального направления:

М'ЕТАЛ, а, *м.* [англ. metal]
Муз. = Металл[2]. <…>

МЕТ'АЛЛ[1], а, *м.* [лат. metallum < греч. metallon шахта, рудник]
<…> Химически простое вещество или сплав, обладающие особым блеском, ковкостью, хорошей теплопроводностью и электропроводностью. <…>

МЕТ'АЛЛ[2], а, *м.* [калька англ. metal букв. металл1 < лат. metallum]
Муз. Направление рок-музыки, характеризующееся использованием эффекта дисторшна в электрогитарах, экзальтированного вокала, мощной ритм-секции (обычно состоящей из бас-гитары и ударной установки); музыка этого направления; метал <…>

В разговорной речи слово *латте* (итальянского происхождения) часто произносится неверно – с ударением на конце слова <латт'э>, – надо полагать, по аналогии с названиями некоторых других видов кофе: *глясе*, *фраппе*, которые, в отличие от *латте*, имеют французский источник и сохраняют французское фиксированное ударение на последнем слоге.

Л'АТТЕ <тэ>, нескл., *м.* [итал. (caffè) latte < caffè кофе + latte молоко]
Кофе из гейзерной кофеварки или эспрессо с добавлением подогретого молока в пропорции один к трем <...>

ГЛЯС'Е <...> нескл., *ср.* [< франц. (café) glacé охлажденный кофе, кофе со льдом < glace лед]

ФРАПП'Е <...> нескл., *ср.* [< франц. (café) frappé охлажденный в колотом льду < frapper ударять, измельчать]

Произношение аббревиатуры CV, образованной от латинского словосочетания curriculum vitae, как <сив'и>, вместо ожидаемого <цэв'э>, объясняется тем, что ее источником в русском стал английский язык:

CV <сив'и>, нескл., *ср.* [англ. CV < лат. сокр. c(urriculum) v(itae) жизненный путь]

Сокр. Curriculum vitae. <...>

CURRICULUM VITAE [C и V строчные или прописные] <кур'икулум в'итэ>, нескл., *ср.* [< лат. curriculum vitae жизненный путь]

Краткое биографическое описание. <...>

2. С другой стороны, следует указать на связь семантических сведений, содержащихся в этимологии, с зонами толкования и речений. Среди новейших заимствований мы видим значительное количество случаев, в которых внутренняя форма этимона указывает на существенные свойства денотата, конкретизирующиеся в родовидовой части толкования или дополняющиеся речениями, содержащими фактические, исторические или культурные сведения[1]. Прежде всего, имеются в виду заимствования, этимоны которых представляют собой сложные слова, диминутивы, образования от имен собственных, а также производные некоторых других типов; кроме того, в этимологических справках может приводиться буквальное (первоначальное) значение этимона.

а) Корреляция между внутренней формой этимона и зоной толкования[2]:

АРАНЬ'ЯКИ, 'як, *мн.* (*ед.* арань'яка, и, *ж.*) [санскр. aranyaka букв. лесной, созданный в лесу < aranya лес]

Рел. В индуизме: древнеиндийские тексты религиозно-философского характера, относящиеся к шрути, предназначенные для удалившихся от мира отшельников и содержащие теософские рассуждения о сущности обрядовости. <...>

В данном случае буквальное значение этимона показывает культурный контекст функционирования денотата: в Индии отшельничество, удаление от мира подразумевает уход в лес, а не в пустыню, например, как это было характерно для раннехристианской традиции.

[1] О задачах иллюстративного материала в словарной статье см. [25. С. 100–102].

[2] Соответствующие фрагменты этимологии и толкований выделены подчеркиванием.

В следующих примерах этимология содержит характеристики физической формы денотата, остающиеся релевантными для семантики заимствованного слова в русском языке:

БАНЬГ’У, нескл., *м.* [кит. bǎngǔ < bǎn доска, пластинка + gǔ барабан]

<...> Китайский ударный музыкальный инструмент, небольшой односторонний барабан, имеющий толстостенный деревянный корпус в форме чаши. <...>

БАНЬХ’У, нескл., *м*. [кит. bǎnhú < bǎn доска, пластинка + hú(qin) хуцинь]

<...> Китайский двухструнный смычковый музыкальный инструмент, разновидность хуциня с корпусом из усеченной скорлупы кокосового ореха с декой из тонкой деревянной пластины и длинным грифом без ладов <...>

Для справки:

ХУЦ’ИНЬ, я, *м*. [кит. húqin]

<…> Семейство традиционных китайских струнных смычковых музыкальных инструментов, обычно с цилиндрическим или призматическим шести- или восьмигранным корпусом и длинным грифом; инструмент этого семейства. <…>

БАЛКОН’ЕТ <н’э>, а, *м*. [франц. balconnet букв. балкончик, уменьш. от balcon балкон]

Бюстгальтер с формованными чашечками на косточках, наполовину прикрывающими и поддерживающими снизу грудь, и обычно съемными бретельками <...>

ВЕЙП <вэ> и ВАЙП, а, *м*. [англ. vape < to vape выпускать пар < vapour пар]

Устройство, являющееся электронным аналогом сигареты или кальяна (1 зн.), вместо дыма производящее пар. <...>

ДУРИ’АН, а, *м.* [малайск. durian < duri шип, колючка]

<...> Вечнозеленое фруктовое дерево семейства мальвовых с крупными съедобными плодами с твердой оболочкой, покрытой мощными шипами.

В примере, приведенном ниже, этимология указывает на реалию, являющуюся смыслоразличительным признаком для данного вида обслуживания по сравнению с другими видами гостиничного сервиса:

BED AND BREAKFAST и BED & BREAKFAST <бэд энд бр'экфаст>, нескл., *м.* [англ. bed and breakfast букв. постель и завтрак]

В гостиничном бизнесе: тип обслуживания с размещением и одноразовым питанием — утренним завтраком; гостиница, специализирующаяся на таком обслуживании. <…>

б) Корреляция между внутренней формой этимона и речениями, конкретизирующими этимологическую информацию[1]:

ГУЧЖ'ЭН, а, *м.* [кит. gǔzhēng < gǔ древний + zhēng длинная цитра]

Муз. Традиционный китайский струнно-щипковый музыкальный инструмент, родственный цитре, имеющий плоский продолговатый деревянный корпус со струнами (обычно с двадцатью одной), натянутыми поверх него на подвижных кобылках. *Певучее звучание гучжэна. Играть на гучжэне пальцами, плектрами. Левой рукой обычно регулируют натяжение струн гучжэна, а правой их защипывают, исполняя основную мелодию. Традиционно струны гучжэна изготавливались из шелка.* ***Г. является одним из самых древних китайских инструментов.***

МИНЕ'ОЛА, ы, *ж.* [англ. minneola, по назв. города Minneola в штате Флорида (США)]

<...> Цитрусовое дерево – разновидность танжело с красно-оранжевыми округлыми, немного сплюснутыми с боков плодами с небольшим выростом на верхушке. *М. является гибридом танжерина сорта Дэнси с грейпфрутом сорта Боуэн.* ***Минеолы выведены во Флориде.*** <...>

ТАМАР'ИЛЛО, нескл., *м.* [исп. tomatillo, уменьш. от tomate томат, помидор]

<...> Небольшое цитрусовое дерево или кустарник семейства пасленовых с крупными овальными блестящими листьями, розовато-белыми ароматными цветками и съедобными плодами-ягодами

[1] Соответствующие речения выделены полужирным шрифтом.

яйцевидной формы. *В высоту т. достигает двух-трех метров. Т. обычно живет до пятнадцати лет.* ***Т. называют томатным деревом, так как его плоды похожи на томаты.*** <...>

3. Использование этимологического критерия в выделении омонимов хорошо известно и не является специфичным для описания новых заимствований. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, ограничившись двумя примерами.

БИТ[1], а, *мн. род.* б'итов и (*разг.*) бит, *м.* [англ. bit < bi(nary digi)t двоичная цифра]

<...> Минимальная единица измерения количества информации в памяти компьютера, равная одному двоичному разряду. <...>

БИТ[2], а, *м.* [< англ. beat удар, ритм]

<...> Один из ранних стилей британской рок-музыки начала 60-х гг. XX в., представляющий собой сплав рок-н-ролла, ритм-н-блюза, соула и некоторых других музыкальных направлений того времени; музыка в этом стиле <...>

БИТ[3], а, *м.* [< англ. bit резец, сверло]

<...> = Бита.

ПИК'АП[1], а, *м.* [англ. pickup (truck) < to pick up подбирать, забирать]

Кузов легкового автомобиля с открытой платформой для перевозки грузов, отделенной от кабины водителя стационарной перегородкой; автомобиль с таким типом кузова. <...>

ПИК'АП[2], а, *м.* [< англ. to pick up знакомиться, букв. подбирать]

Жарг. **1.** Знакомство с целью соблазнения. <...>

Рассмотренное в статье соотношение сведений, содержащихся в этимологической справке, с основными зонами статьи толкового словаря (вокабула, толкование, речения), показывает существенную взаимосвязь между ними: с одной стороны, этимология выступает дополнительным обоснованием реализации отдельных аспектов лексикографического описания; с другой стороны, толкование и иллюстрации употребления слова дополняют и уточняют семантику этимона.

Кроме того, из полученных наблюдений можно сделать следующие выводы:

1) этимологическая информация в словарной статье удовлетворяет не только любопытство широкого читателя, но и профессиональные потребности лексикографов и лингвистов в целом;

2) определенное таким образом значение этимологии в толковом словаре требует предъявления высоких критериев к надежности и полноте сообщаемой информации: этимологическая справка, по возможности, должна содержать не только указание на язык-источник слова, но и передавать форму слова в языке-источнике, а также раскрывать его внутреннюю форму на уровне синхронического описания; вся информация о форме и значении этимона должна опираться на авторитетные толковые и исторические словари соответствующих языков и реальное словоупотребление в печатных и электронных текстах.

Литература

1. *Drysdale P.D.* Etymological Information in the General monolingual Dictionary // Wörterbücher: Ein internationales Handbuch zur Lexikographie / hrsg. von F.J. Hausmann, O. Reichmann, H.E. Wiegand, L. Zgusta. Berlin ; New York : De Gruyter, 1989. T. I. P. 525–530.

2. *Heller L.G.* Lexicographic etymology. Practice versus theory // American speech. 1965. № 40. P. 113–119.

3. *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.

4. *Добродомов И.Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/dobrodomov-09a.htm (дата обращения: 16.07.2019).

5. *Van der Sijs N.* The codification of etymological information // A practical guide to lexiography / ed. by P. van Sterkenburg. Amsterdam ; Philadelphia: J. Bejamins, 2003. P. 312–321.

6. *Sue Atkins B.T., Rundell M.* The Oxford guide to practical lexicography. Oxford : OUP, 2008. 554 p.

7. *Jackson H.* Lexicography : An introduction. London ; New York : Routledge, 2002. 204 p.

8. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. Т. 1. XVI, 964 с.

9. *Большой* академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К.С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2004. Т. 1. 662 с.

10. *Толковый* словарь русского языка / сост.: Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков ; под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935. LXXVI, 1562 стб.

11. *Сергеев М.Л.* Этимологическая справка // Словарь русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 70–75.

12. *Скляревская Г.Н.* Общие сведения о словаре // Словарь русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 5–10.

13. *Скляревская Г.Н.* Современный толковый словарь живого русского языка: Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2004. 80 с.

14. *Скляревская Г.Н.* Обоснование словника // Словарь русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 11–17.

15. *Скляревская Г.Н., Ткачева И.О.* Политический язык современной России : краткий словарь-справочник. СПб., 2003.

16. *Ваулина Е.Ю.* Словарь компьютерных терминов : краткий словарь-справочник. СПб., 2006. 312 с.

17. *Ваулина Е.Ю.* Юридическая терминология современной России : краткий словарь-справочник. СПб., 2005. 309 с.

18. *Скляревская Г.Н., Ваулина Е.Ю.* Новые и наиболее распространенные экономические термины в современном русском языке : краткий словарь-справочник. СПб., 2005. 212 с.

19. *Фивейская Е.А., Вербицкая О.Н.* Слова в иноязычном написании в современном русском языке : краткий словарь-справочник. СПб., 2007. 228 с.

20. *Фивейская Е.А., Севастьянова Н.Д.* Современная официальная лексика: краткий словарь. СПб., 2014. 352 с.

21. *Крысин Л.П.* Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

22. *Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов. М. : АСТ-Пресс, 2019. 576 с.

23. *Новые* слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой и Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009–2014.

24. *Ndlovu E., Sayi S.* The Treatment of Polysemy and Homonymy in Monolingual General-purpose Dictionaries with Special Reference to Isichazamazwi SesiNdebele // Lexikos. 2010. Vol. 20. P. 351–370.

25. *Ваулина Е.Ю.* Иллюстрации // Словарь русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 99–108.

On the Purposes of Etymological Information in a General-Purpose Dictionary (On the Example of the *Dictionary of the Russian Language of the 21st Century*)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 74–89.
DOI: 10.17223/22274200/17/4

Mikhail L. Sergeev, Elena A. Fiveiskaya, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: librorumcustos@gmail.com / alfiveisk@gmail.com

Keywords: lexicography, general-purpose dictionaries, etymology, dictionary entry, borrowed lexis, contemporary Russian.

In the article, the purposes of etymological information in a general-purpose dictionary entry are discussed. The research concerns the newly borrowed vocabulary of the contemporary Russian language. In their analysis, the authors rely on their experience in working on the *Dictionary of the Russian Language of the 21st Century* project (Dictionary) led by G.N. Sklyarevskaya, and refer to its working materials. The Dictionary aims at describing the contemporary Russian language in its ultimate richness and variety. Its scope thus includes a great number of recent borrowings, both special terms and words in general use. The core of this category of words is formed by (but not confined to) the terms of sciences actively developing nowadays, the vocabulary of various professional groups as well as neologisms designating the newest notions and objects of everyday life (e.g., *apdeyt* 'update', *implant* 'implant', *kollayder* 'collider', *autsorsing* 'outsourcing', *vebinar* 'webinar', *bloger* 'blogger', *khard-rok* 'hard-rock', *tok-shou* 'talk show'). The words that are used in the Russian texts in Latin or both in Cyrillic and Latin forms are also taken into consideration (*after party*, *ATL-reklama* 'ATL advertising', *al'fa-versiya* and *alfa-versiya* 'alpha version', *wi-fi* and *vay-fay* 'Wi-Fi', *VIP* and *VIP* 'VIP'). To describe this lexis, new etymological information sections must be compiled, which contain data on the immediate source and explain the literal meaning of an etymon and its morphological structure. The following aspects of a lexicographical description turn out to correlate with the etymological section: the choice of spelling and pronunciation variants, the elaboration of dictionary definitions and usage examples, and the distinguishing between homonymy and polysemy. The research has shown that etymological information is closely related to the main sections of a dictionary entry such as the headword, the definition and illustrative examples. Etymology is regarded as one of the criteria for the determination of spelling and pronunciation of the words whose forms have not yet been firmly established in the Russian language. On the other hand, descriptive definitions and examples containing cultural and historical information complement the clarification of the morphological and semantic structure of the etymon presented in the etymological section. Thereby it is asserted in the article that despite the widespread evaluation of etymology in a synchronic dictionary as a marginal component intended mainly to satisfy the readers' curiosity it seems rather to be an integral part of a lexicographical description, being to a considerable degree addressed to dictionary compilers and linguists in general.

References

1. Drysdale, P.D. (1989) Etymological Information in the General monolingual Dictionary. In: Hausmann, F.J., Reichmann, O., Wiegand, H.E. & Zgusta, L. (eds) *Wörterbücher: Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Pt. I. Berlin; New York: De Gruyter. pp. 525–530.

2. Heller, L.G. (1965) Lexicographic etymology. Practice versus theory. *American Speech*. 40. pp. 113–119. DOI: 10.2307/453717

3. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Word Origin]. Moscow: Azbukovnik.

4. Dobrodomov, I.G. (2009) *Problemy etimologii v normativnoy leksikografii* [Problems of Etymology in Normative Lexicography]. Magadan: Novaya poligrafiya. [Online] Available from: http://www.philology.ru/linguistics2/dobrodomov-09a.htm. (Accessed: 16.07.19).

5. Van der Sijs, N. (2003) The codification of etymological information. In: van Sterkenburg, P. (ed.) *A practical guide to lexicography*. Amsterdam; Philadelphia: J. Bejamins. pp. 312–321.

6. Sue Atkins, B.T. & Rundell, M. (2008) *The Oxford guide to practical lexicography*. Oxford: OUP.

7. Jackson, H. (2002) *Lexicography: An introduction*. London; New York: Routledge.

8. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

9. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.

10. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv.

11. Sergeev, M.L. (2019) Etimologicheskaya spravka [Etymological information]. In: Sklyarevskaya, G.N. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka: Proekt* [Dictionary of the Russian language of the 21st century: A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 70–75.

12. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka: Proekt* [Dictionary of the Russian language of the 21st century: A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 5–10.

13. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka: Obosnovanie kontseptsii. Probnye slovarnye stat'i* [The modern explanatory dictionary of living Russian language: Justification of the concept. Trial dictionary entries]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology.

14. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka: Proekt* [Dictionary of the Russian language of the 21st century: A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 11–17.

15. Sklyarevskaya, G.N. & Tkacheva, I.O. (2003) *Politicheskiy yazyk sovremennoy Rossii* [Political Language of Modern Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

16. Vaulina, E.Yu. (2006) *Slovar' komp'yuternykh terminov* [Dictionary of computer terms]. Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

17. Vaulina, E.Yu. (2005) *Yuridicheskaya terminologiya sovremennoy Rossii* [Legal Terminology of Modern Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

18. Sklyarevskaya, G.N. & Vaulina, E.Yu. (2005) *Novye i naibolee rasprostranennye ekonomicheskie terminy v sovremennom russkom yazyke* [New and Most Common Economic Terms in Modern Russian]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

19. Fiveyskaya, E.A. & Verbitskaya, O.N. (2007) *Slova v inoyazychnom napisanii v sovremennom russkom yazyke* [Words in Foreign Language Spelling in Modern Russian]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

20. Fiveyskaya, E.A. & Sevast'yanova N.D. (2014) *Sovremennaya ofitsial'naya leksika* [Modern Official Vocabulary]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Faculty of Philology.

21. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, Own and Alien: Studies on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

22. Shagalova, E.N. (2019) *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov* [Dictionary of the Latest Foreign Words]. Moscow: AST-Press.

23. Butseva, T.N. & Levashov, E.A. (2009–2014) *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [New Words and Meanings: A Dictionary-Guide on the Materials of the Press and Literature of the 1990s]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.

24. Ndlovu, E. & Sayi, S. (2010) The Treatment of Polysemy and Homonymy in Monolingual General-purpose Dictionaries with Special Reference to Isichazamazwi SesiNdebele. *Lexikos*. 20. pp. 351–370.

25. Vaulina, E.Yu. (2019) Illyustratsii [Illustrations]. In: Sklyarevskaya, G.N. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka: Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the 21st Century: A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 99–108.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81, 81’33, 811.161.1
DOI: 10.17223/22274200/17/5

М.В. Герасимова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ В ЦИФРОВОМ «ПОЛИЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ МЕТАФОР»[1]

Рассмотрена проблема лексикографического представления культурных коннотаций, закрепленных за семантикой образных слов и выражений. Освещаются проблемы поиска источников культурологической информации, необходимой и достаточной для изъяснения культурного фона толкуемых единиц. Разрабатываются модели лингвокультурологических комментариев, сопровождающих словарные статьи цифрового «Полиязычного словаря метафор», и приводятся примеры таких комментариев к русскоязычным единицам.
Ключевые слова: *лингвокультурологический комментарий, цифровой словарь, лексикография, образная лексика, фразеология, пищевая метафора.*

Введение

Одним из актуальных направлений современной теоретической и практической лексикографии является разработка моделей и способов словарного описания образных средств языка – фигуративная лексикография [1. С. 3; 2. С. 20]. В русле этого направления ведется работа по созданию цифрового «Полиязычного словаря метафор» (далее – ПСМ) научным коллективом кафедры русского языка и лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета под руководством проф. Е.А. Юриной [3, 4]. Существенный задел для формирования лингвистических баз ПСМ составили три тома «Словаря русской пищевой метафоры» [1, 5, 6], а также лингвокультурологический словарь «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [7], материалы которых вошли в его электронную

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.

оболочку. На текущий момент в цифровую версию ПСМ в виде интернет-портала с доменным именем metdict.ru полностью интегрирована лексикографическая база трехтомного «Словаря русской пищевой метафоры» и подготовлены соответствующие базы английского, итальянского и казахского языков. Создание цифрового «Полиязычного словаря метафор» направлено на решение задачи системного словарного описания соотносительных по значению и образно мотивирующей семантике языковых единиц в нескольких языках (русском, английском, итальянском, казахском), которое позволило бы выявить универсальные и культуроспецифические черты реализованных в них метафорических картин мира.

Целью данной статьи является разработка общих принципов создания лингвокультурологических комментариев (далее – ЛКК) в «Полиязычном словаре метафор» на материале образных слов и выражений, транслирующих пищевую метафору. В задачи входит определение структуры текста комментариев различных типов, выработка оптимальных моделей презентации значимого культурологического содержания для единиц с разным типом мотивирующей семантики предметного, процессуального и признакового характера. Опыт создания подобных комментариев был реализован в «Словаре русской пищевой метафоры», опубликованном в традиционном книжном формате. Представленная там модель ЛКК продолжает критически осмысливаться и усовершенствоваться в контексте таких проблем, как 1) поиск источников достоверной информации; 2) минимизация необходимых и достаточных для изъяснения культурной коннотации сведений об истории и бытовании феноменов, получивших культурно-символическое переосмысление и легших в основу метафорической интерпретации; 3) оптимизация комментирующего текста с точки зрения его содержания, стилистики и композиционной структуры. В результате исследования предлагается формализованная структура ЛКК, сопровождающего словарные статьи «Полиязычного словаря метафор», приводятся примеры комментариев разного типа для словарных статей русской лексикографической базы. Намечаются перспективы создания и предлагаются модели подобных комментариев для иноязычных лексикографических баз.

Методология исследования базируется на положениях когнитивно-семантической теории образного строя языка, теории концептуальной метафоры, лингвокультурологического подхода к осмыслению куль-

турной коннотации языкового знака, теории и практики создании словарей образной лексики, фразеологии, паремиологии [8–16].

Объектом лексикографирования на данном этапе составления ПСМ являются образные слова и выражения с метафорической внутренней формой русского, английского, итальянского и казахского языков, отражающих пищевую метафору. Материал исследования в данной статье представлен текстами ЛКК, сопровождающими словарные статьи образных слов и выражений русского языка, мотивированных наименованиями явлений гастрономической сферы. Приведем русские примеры языковых единиц разного структурного типа: *языковые метафоры* (***законсервировать*** ‘временно приостановить ход, развитие, деятельность чего-л.’), *собственно образные слова* (***сладкоречивый*** ‘умеющий говорить красиво, интересно, увлекательно, вызывая симпатию и доверие слушателей’); *двухкомпонентные образные номинации* (***адамово яблоко*** ‘выпирающий у мужчин кадык’); *сравнительные обороты* различной структуры (***как горох*** ‘о мелких предметах, изображениях’; ***в форме картошки*** ‘о носе с крупным круглым кончиком и широкими ноздрями’); *фразеологические единицы* (***кормить завтраками*** ‘неоднократно обещать сделать что-л. завтра или в ближайшем будущем’); *пословицы* (***семеро с ложкой, а один с сошкой*** ‘о ситуации, в которой работает один человек, а его трудом кормятся другие’); *поговорки* (***не в коня корм*** ‘о бессмысленных, напрасных, безрезультатных усилиях’).

Культурная коннотация в семантике образных средств языка. Образные лексические и фразеологические средства определяются рядом исследователей как наиболее ярко культурно маркированные знаки. По мнению В.Н. Телия, «за системой и структурой языка, в частности за системой значений его образно мотивированных номинативных единиц – слов и фразеологизмов – сокровенно присутствует культура» [8. С. 233]. В структуре значения вторичных образных номинаций выделяются культурные коннотации и символический компонент – семантика, связанная с сакральными смыслами, актуализированными в обрядах и ритуальных действиях. Культурная коннотация представляет собой совокупность ассоциаций и фактов культурной информации, возникающих у носителя языка при употреблении образных лексических и фразеологических единиц, способствующую погружению в пространство культуры (Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Е.О. Опарина, В.Н. Телия и др.). Содержание культур-

ных коннотаций составляют культурно-национальные эталоны и стереотипы, символические смыслы, ритуально-обрядовые традиции. Вне границ семантики вторичной образной номинации находятся социокультурные и национально-специфические ассоциации, которые связаны с фактами материальной, социальной или духовной культуры. Такие ассоциации приписываются языковым коллективом и возникают при употреблении в речи определенной образной единицы.

Возникновение культурных коннотаций, закрепленных за семантикой образной лексики и фразеологии, обусловлено функционированием исходного мотивирующего образа в пространстве культуры. Этот образ, вызывая устойчивые ассоциации с явлениями духовной и материальной культуры, иносказательно переосмысливается, метафоризируется и наделяется символическими значениями. Процесс метафоризации позволяет закрепить за семантикой слов и выражений важнейшие национально-культурные смыслы и сохранить их в языке. Наличие культурной коннотации предопределяет воспроизводимость вторичных образных номинаций в речи, так как они используются носителями языка не только в их «прямой, языковой функции – номинативной, а в функции культурной» [9. С. 92].

Лингвокультурологический метод исследования семантики образных средств языка, описанный в работах М.Л. Ковшовой [10 и др.], В.Н. Телия [8, 11 и др.], направлен на экспликацию национально-культурных особенностей языковой картины мира и культурной информации, заключенной в семантике образных слов и выражений; соотнесение языкового средства с различными кодами культуры; выявление роли образного слова или выражения как знака культуры; интерпретацию культурного фона [10. С. 148–160]. Культурный фон является пространством культуры, в котором существует носитель языка. Таким образом, лингвокультурологический анализ значения образных слов и выражений позволяет эксплицировать культурную коннотацию, закрепленную за семантикой образной языковой единицы, и интерпретировать культурный фон – факты культуры, сопровождающие речевую деятельность.

Лингвокультурологический комментарий как компонент словарной презентации образных средств языка. В лексикографической практике проблема экспликации культурно-символического содержания (обрядово-ритуальных, мифологических, сакральных смыслов; общекультурных сведений) решается по-разному. Так, в несколь-

ких фразеологических и паремиологических словарях общекультурный фон русской фразеологии интерпретируется с помощью культурно-исторической справки. В словарной статье словаря «Фразеологизмы в русской речи» [12] дается историко-этимологический комментарий, в котором описывается исходная мотивировка фразеологизма как источника всех зафиксированных позднейших трансформаций. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина [13] содержит исторические и лингвострановедческие комментарии, этимологические справки для разъяснения непонятных слов, историзмов и диалектизмов.

В ряде словарей, описывающих образные слова и выражения, содержание культурной коннотации эксплицируется в форме лингвокультурологического комментария. В словаре «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [14] каждая словарная статья, фиксирующая зооним или прецедентное имя, начинается с комментирующего текста, в котором описывается место персонажа или предмета в мифологическом пантеоне и стоящий за ним стереотипный образ. В словаре Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [9] толкование и интерпретация фразеологизмов с соматическим компонентом даются через лингвокультурологическое описание. Лингвокультурологический подход позволил составителям системно представить фразеологические единицы с соматическим компонентом, выявить их образные основания; соотнести образ фразеологизма с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, кодами культуры, видами тропов; определить роль фразеологизма как знака языка культуры.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [15] впервые введен собственно лингвокультурологический комментарий, который «восстанавливает фон окультуренного осознания мира человеком, тем самым способствует прояснению мотивированности культурно значимых смыслов в семантике» образных языковых единиц [Там же. С. 12]. Культурологический комментарий в этом словаре включает 1) этимологическую справку, 2) страноведческую справку, 3) собственно культурологический комментарий. В последней зоне образ фразеологизма комментируется с точки зрения его соотношения с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, кодами культуры, видами тропов, языком культуры.

Структура лингвокультурологического комментария в цифровом «Полиязычном словаре метафоры». В рамках создания ПСМ продолжается осмысление и решение проблемы лексикографической презентации культурной коннотации, закрепленной за семантикой образных слов и выражений. Задачей такой презентации является максимально полная и емкая экспликация культурно обусловленных ассоциативно-образных, символических, ценностных компонентов значения толкуемых единиц, так как современный лингвокультурологический словарь, по мнению В.В. Красных, должен фиксировать «и собственно лингвистические феномены, и выход в сферу ментальности» [16. С. 32]. ЛКК является одним из способов презентации отразившихся в образных средствах языка особенностей национальной пищевой традиции и воспроизводимых в речи ключевых образов культуры, основанных на представлениях о пище, ее качествах и свойствах, гастрономической деятельности. Он служит дополнением к толкованию образной лексики и фразеологии в словаре. В ЛКК эксплицируется содержание, которое составляет культурный фон и «в речи транслируется и воспринимается нерефлексированно, мгновенно, в «свернутом» виде» [10. С. 168].

Текст комментария представляет собой справку энциклопедического характера, освещающую тот культурный феномен, который стал источником для метафорических характеристик различных явлений внеязыковой действительности. Он содержит информацию об историческом и современном бытовании явления гастрономической сферы, ценностном отношении к нему представителей лингвокультуры и о его символическом, ритуально-обрядовом функционировании в традиционной культуре.

При создании ЛКК авторами решается комплекс проблем, связанных с поиском информации, способом её лексикографической презентации и унификацией структуры комментирующего текста. Первостепенной задачей является поиск источников культурологической информации и их верификация. К числу авторитетных источников относятся опубликованные научно-исследовательские работы по этнографии [17–21 и др.], истории русской пищевой традиции [22–26 и др.], религии и мифологии [27 и др.], информационно-справочные издания – словари и энциклопедии [28–31 и др.]. Из источников отбирается информация об истории возникновения и распространения продуктов и блюд, традиционных способах приготовления пищи, их

символическом и ритуально-обрядовом функционировании. Также привлекаются электронные ресурсы, содержащие информацию культурологического характера [32 и др.]. Однако при работе с электронными ресурсами возникает необходимость верификации сведений и подтверждения точности найденной информации. Например, при использовании Википедии информация проверяется путем обращения к первоисточникам, указанным в списке использованной литературы и примечаниях. Так, на электронной странице Википедии «Вкусовые добавки» в списке использованной литературы приведены две работы В.В. Похлёбкина «Всё о пряностях. Виды, свойства, применение» [25] и «Пряности, специи, приправы» [26]. Материалы этих работ впоследствии были использованы при создании ЛКК к лексико-фразеологическим гнездам **ПРИПРАВА** и **СПЕЦИЯ**. При разработке лингвокультурологических комментариев к таким тематическим рубрикам, как «Посуда и прочий кухонный инвентарь» и «Место приготовления и поглощения пищи» авторы опираются на этнографические исследования [18, 19, 28], поскольку необходимы сведения о семейном и общественном быте, устройстве жилища и общественных мест питания, историческом функционировании предметов утвари, их использовании в обрядах и ритуалах и т. п. В качестве источников информации для лингвокультурологических комментариев к тематическим рубрикам «Поглощение пищи» (исходные мотивирующие наименования *есть, жрать, кушать, лопать, смаковать, хавать*) и «Кормление» (исходные мотивирующие наименования *кормить, питать, пичкать, поить, потчевать, угощать*) привлекались словари и энциклопедии, описывающие мифологические представления народов мира [27, 29–31], так как названные гастрономические процессы носят общечеловеческий характер и философски осмыслены в мировой культуре, что также отразилось и в русских традициях.

Проблема минимизации собранных сведений, необходимых и достаточных для изъяснения культурной коннотации толкуемых единиц, возникает в силу большого объема информации, содержащей множество разнородных фактов, деталей и подробностей. Однако, как правило, вся совокупность найденных сведений не создает полного и целостного представления, соответствующего так называемому усредненному культурному фону рядового носителя языка. В случае информационных лакун недостающие элементы комментария формируется с опорой на собственное языковое сознание авторов-

составителей и их практический опыт в области привычек питания и современной кулинарной традиции. Например, в ЛКК не включается узко региональный материал, отражающий сведения о функционировании явлений гастрономической сферы на отдельных территориях. Так, в ЛКК к тематической рубрике «Посуда и прочий кухонный инвентарь» не была включена информация о том, что «в Нижегородской губернии были самовары-“кухни” в форме горшка. <...> На Кубани самовары появились в начале XX в. в зажиточных семьях казаков» и т.п. [19. С. 408]. Также в этом комментарии не упоминается поверье, распространенное в Курской области, согласно которому «темные ночи, затмения и засуха бывают оттого, что ведьмы забирают с неба луну, звезды и тучи, прячут их в горшок или кувшин и зарывают в погребе или у источника» [28. Т. 4. С. 217]. При этом в комментарий включены известные и понятные всем носителям языка сведения о типичной форме, размере, объеме посуды, поскольку эти визуально воспринимаемые топологические качества лежат в основе различных метафорических проекций: ***с блюдце*** ‘о больших круглых глазах’, ***бочка*** ‘об очень толстом человеке’, ***котелок*** ‘твердая мужская шляпа с округлой тульей и небольшими полями’ и др.

В комментарий включается изъяснение основных символических смыслов, закрепленных за семантикой образных слов и выражений. Так, языковая метафора ***сладкий*** ‘исполненный довольства, счастья, радости (о жизни)’ и собственно образное слово ***наслаждаться*** ‘получать большое удовольствие от чего-л. хорошего, приятного, радостного’ транслируют представление о сладких блюдах и продуктах как о символах богатой, благополучной и счастливой жизни, поэтому ЛКК к тематической рубрике «Вкусовые свойства продуктов» содержит следующее изъяснение: «...сладкие продукты в традиционной народной культуре были обязательным атрибутом праздничного стола, присутствовали в календарных и семейных обрядах, символизировали безбедную, благополучную жизнь. Сладкие булочки, пироги, медовые пряники и другие лакомства непременно присутствовали на свадебном пиру».

Проблема унификации комментирующего текста с точки зрения его композиционной структуры и содержания предполагает разработку однотипных моделей изъяснения культурного фона, необходимого для адекватной интерпретации метафорических смыслов, а также способов его расположения в словаре относительно словарных статей толкуемых единиц. Структура и содержание ЛКК для лексики и фра-

зеологии, транслирующей предметный, процессуальный или признаковый образы, отличаются. Это связано с тем, что предметные метафоры (***тёртый калач*** ‘опытный человек, которого трудно провести, обмануть, которого жизненные трудности как бы долго «терли» и мяли, как тесто для калача’, ***седьмая вода на киселе*** ‘дальний родственник’ и др.) мотивированы наименованиями блюд и продуктов, которые имеют вещественное и предметное воплощение, составляют основу русской пищевой традиции и являются частью материальной культуры. Поэтому ЛКК сопровождает каждое лексико-фразеологическое гнездо, вершиной которого выступает исходное мотивирующее наименование продукта или блюда.

В основе процессуальных образов (***вариться в собственном соку*** ‘жить, работать, решать какие-л. вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не советуясь’, ***среда заела*** ‘окружение не позволяет развиться, раскрыть таланты’ и др.) лежат представления о процессах в сфере гастрономической деятельности – приготовлении еды, принятии пищи, кормлении, которые во многом носят универсальный общечеловеческий характер. Для единиц с подобной метафорической семантикой ЛКК сопровождают целые тематические рубрики: «Тепловая обработка продуктов», «Поглощение пищи», «Поглощение жидкости», «Кормление» и др. Этот же принцип распространяется на лингвокультурологическое комментирование образных средств языка, основанных на сенсорно воспринимаемых качественных характеристиках продуктов и блюд (***горький опыт*** ‘негативный опыт, связанный с ошибками, трудностями, неудачами, разочарованиями’, ***жирный кусок*** ‘что-л. экономически выгодное, приносящее доходы, заманчивое’). Такие комментарии содержат изъяснение тех сенсорных аспектов процесса поглощения пищи, которые связаны с восприятием вкусовых качеств продуктов, их консистенции посредством органов чувств. ЛКК сопровождают отдельные тематические рубрики: «Вкусовые свойства продуктов», «Качества, связанные с составом продуктов», «Высокая и низкая степень качества продуктов».

С целью унификации текстовой структуры ЛКК была разработана его содержательная и композиционная модель, включающая следующие компоненты:

1. Изъяснение внутренней формы образного слова или выражения. При толковании мотивирующего образа в ЛКК, в случае актуальности этого содержания для метафорической интерпретации, указывается

этимология исходного слова, призванная прояснить исконную мотивировку наименования. Она дается в форме мотивирующего толкования и включается в том случае, если это способствует репрезентации культурной коннотации.

Например, в ЛКК к гнезду **АПЕЛЬСИН** этимология заглавного слова толкуется так: «Слово “апельсин” заимствовано в русский язык из голландского, в котором appelsien означает буквально “яблоко из Китая”. Португальские мореплаватели в XVI в. привезли апельсины в Европу из Китая, а в России они стали известны только в XVIII в.» [1. С. 128]. ЛКК к тематической рубрике «Поглощение пищи» включает толкование этимологии одного из мотивирующих наименований: «Обряд поглощения пищи входит в ритуал жертвоприношения. В языке это зафиксировано в лексической единице жрать, этимологически восходящей к словам *жертва* и *жрец*» [5. С. 198].

2. Информация энциклопедического характера, связанная с историей возникновения и функционирования продукта, блюда, процессов приготовления и употребления. Описание истории появления и функционирования гастрономического феномена способствует выявлению оснований метафорических проекций и аксиологических компонентов значения образных единиц языка. В этом фрагменте ЛКК актуализируется информация о гастрономическом явлении, указывающая на его типичность или нетипичность для русской пищевой традиции. Характерное явление гастрономической сферы служит источником бо̲льшего количества метафорических проекций и образных номинаций.

В ЛКК к лексико-фразеологическому гнезду **КАПУСТА** говорится следующее: «На Руси капуста была известна еще до крещения. Вначале она появилась на Черноморском побережье Кавказа, затем постепенно распространилась по всей стране. Этот холодоустойчивый и влаголюбивый овощ прекрасно чувствовал себя на всей территории. Его крепкие белые кочаны, обладающие отличным вкусом, выращивали в каждом крестьянском дворе. Знать также почитала капусту» [1. С. 153–154].

Данный фрагмент лингвокультурологического комментария подтверждает ценность капусты как продукта питания, указывает на то, что она является распространенным овощем в русской кухне. Образ капусты переосмысливается и закрепляется во вторичных метафорических номинациях: ***капуста*** 1) ‘деньги’; 2) ‘рисунок на военной офицерской фуражке советского образца в виде красной звезды в бе-

лом овале, окруженном золотистыми лавровыми ветками’; ***найти в капусте*** ‘шутливое объяснение появления детей на свет’; ***одеться как капуста*** ‘надеть несколько слоев одежды’; ***рубить капусту*** ‘много зарабатывать’; ***крошить как капусту*** ‘наносить удары противнику при помощи холодного или огнестрельного оружия во время вооруженных столкновений, боевых действий’; ***пустить козла в огород капусту охранять*** ‘допустить кого-л. к объекту его корыстных интересов, поставив под угрозу собственные’ и др.

ЛКК к тематической рубрике «Место приготовления и поглощения пищи» содержит следующий фрагмент: «Приготовление пищи осуществляется в специально предназначенном для этой цели пространстве – на *кухне*, – которое располагается в жилом помещении или заведении общественного питания. В традиционной русской избе кухня располагалась в небольшом углу, реже – отдельно. Особая роль в приготовлении еды отводилась духовой печи, получившей название русской. В зависимости от того, где она располагалась, строились и приспособления для хранения домашней утвари. Посуду для повседневного приготовления пищи хранили рядом с печным углом и прилегающей стеной. Это место называлось по-разному: бабий кут, куть, середа, теплюшка, чулан. Пространство избы от устья печи до передней стены служило женской половиной. Здесь происходило приготовление пищи и были все принадлежности для стряпни. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом или дощатой перегородкой» [6. С. 232].

Этот фрагмент ЛКК иллюстрирует представление о кухне, как о закрытом, отгороженном пространстве, в которое не допускались посторонние люди, что закреплено в следующих образных словах и выражениях: ***кухня*** ‘скрытая сторона какой-л. деятельности, известная только профессионалам’, ***кухня погоды*** ‘регионы, влияющие на появление циклонов, изменение атмосферного фронта’, ***политическая кухня*** ‘пространство политической деятельности’.

3. Характер функционирования гастрономического объекта в современной пищевой культуре.

В ЛКК включается информация об использовании продукта в настоящее время, описываются особенности бытования различных явлений гастрономической сферы на современном этапе. Например, в ЛКК к тематической рубрике «Тепловая обработка продуктов» приводится следующая информация о современных способах термиче-

ской обработки пищи: «...в современной русской кухне жарка является равноправным способом приготовления наряду с варкой, тушением, запеканием, томлением и приготовлением на пару. В частности, жарят блины, оладьи, пироги, яйца, многие виды мясных (котлеты, бифштексы, биточки, колбаски и др.) и рыбных блюд. В настоящее время для термической обработки продуктов используют газовые и электрические плиты и духовые шкафы. Также изменился и кухонный инвентарь: глиняные горшки и чугунки сменили кастрюли, сотейники, противни» [5. С. 14]. ЛКК к тематической рубрике «Посуда и кухонный инвентарь» включает следующие описание современной кухонной утвари: «В течение многолетней истории русского народа домашняя утварь претерпела значительные изменения; многое из того, чем пользовались для приготовления еды в давние времена, лишь отдаленно напоминает современную посуду либо вышло из употребления. Но на каждой современной кухне есть кастрюли, сковороды, противни, формы для запекания, тарелки, миски, блюдца, блюда для подачи, кружки, чашки, стаканы, бокалы, чайник, тёрка, дуршлаг, сито, поварёшка, ножи, ложки, вилки» [6. С. 239].

4. Характеристика полезных свойств продуктов питания.

Этот компонент комментария является факультативным и включается в том случае, если описываемый продукт питания обладает особыми полезными для здоровья свойствами.

Например, «Тыква содержит микроэлементы, витамины, ее рекомендуют употреблять людям, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями»; «С давних времен бруснику называют ягодой бессмертия – она помогает при тяжелых болезнях. Брусника ценна богатым содержанием витаминов и органических кислот»; «Смородина богата витаминами С и Е» [1. С. 179, 188, 199].

5. Изъяснение физиологических процессов, связанных с приготовлением, поглощением и сенсорным восприятием пищи.

Этот компонент является факультативным, включается в те ЛКК, которые сопровождают тематические рубрики процессуальных и признаковых метафор.

ЛКК к тематической рубрике «Поглощение твердой пищи» содержит следующее описание процесса еды: «Физиологический процесс поглощения предполагает помещение пищи в рот, её измельчение зубами, проглатывание, переваривание, усвоение организмом полезных веществ, необходимых для роста, развития, поддержания жизни»

[5. С. 198]. В ЛКК к тематической рубрике «Этапы и способы поглощения пищи» этот процесс описывается следующим образом: «Пища помещается в рот, затем происходит сдавливание зубами и отделение части продукта (*кусать, грызть, глодать*), его измельчение зубами (*жевать*). Отделение съедобной части продукта от несъедобной, например, мяса от костей, предполагает активное участие зубов в процессе еды (*обгладывать, разгрызать*) [Там же. С. 321].

Комментарий к рубрике «Вкусовые свойства продуктов» представлен следующим текстом: «Вкусовые свойства продуктов, блюд и напитков определяются вкусовыми, тактильными, температурными и обонятельными рецепторами. В качестве базовых вкусовых ощущений в европейской культуре традиционно выделяют *соленый, сладкий, горький* и *кислый* вкусы. К комбинированным относят *пикантный, свежий, жгучий* и подобные вкусы, определяемые взаимодействием вкусового и температурного рецепторов; *терпкий, вяжущий*, распознаваемые взаимодействием вкусового и тактильного рецепторов; *пряный, ароматный*, при определении которых взаимодействуют вкусовой и обонятельный рецепторы. К оттенкам вкуса относятся *пресный* (не имеющий ярко выраженного вкуса и запаха) и *приторный* (слишком сладкий)» [6. С. 16].

6. Символическое и обрядово-ритуальное функционирование явлений гастрономической сферы.

В этом фрагменте комментария представлено символическое и обрядово-ритуальное наполнение образов гастрономической сферы, характерное для пищевого кода русской культуры.

Приведем в качестве примера комментарий к тематической рубрике «Состояния субъекта поглощения пищи» (исходные мотивирующие наименования *аппетит, голод, жажда, похмелье, пьяный, сытый, трезвый*): «Хороший аппетит свидетельствует о физическом и психическом благополучии. В русской традиционной народной культуре считалось, что тот, кто быстро и с аппетитом ест, быстро работает, а тот, кто ест медленно, работает так же, поэтому при найме работника или кухарки усаживали их за стол и наблюдали за тем, как они едят. По поверью, если ребенок ест быстро, то он будет хорошо работать, когда вырастет» [Там же. С. 193].

7. Указание на источник цитирования и дополнительная семантизация прецедентных образных слов и выражений.

Данный компонент является факультативным и включается в комментарий при наличии в лексико-фразеологическом гнезде образной

прецедентной лексики или фразеологии, мотивированной заглавной единицей.

Например: «Выражение ***мы делили апельсин*** ‘распределять имущество, ценности между несколькими субъектами’ возникло из одноименной песни, прозвучавшей в мультфильме «Веселая карусель», где животные делили апельсин между собой по долькам: «*Мы делили апельсин. Много нас, а он один. Эта долька для ежа. Эта долька для чижа...*» [1. С. 128]. «Именование ***редиской*** человека, совершающего плохие поступки, пошло от крылатой фразы из кинофильма «Джентльмены удачи» (1971 г., реж. А. Серый): «*Редиска – нехороший человек*» [Там же. С. 172]. «В основу идиомы ***развесистая клюква,*** именующей неправдоподобные факты и рассказы, лег эпизод мелодрамы Б. Гейера «Любовь русского казака», в котором неосведомленный, не знающий российских реалий иностранец говорил, что он сидел в тени развесистой клюквы» [Там же. С. 195].

Все структурные компоненты комментария образуют целостный связный текст. Представим полный текст комментария к тематической рубрике «Вкусовые свойства продуктов»:

«Вкусовые свойства продуктов, блюд и напитков определяются вкусовыми, тактильными, температурными и обонятельными рецепторами. В качестве базовых вкусовых ощущений в русской, как и европейской, культуре традиционно выделяют *соленый, сладкий, горький* и *кислый* вкусы. К комбинированным вкусам относят *пикантный, острый*, *жгучий* и подобные, определяемые взаимодействием вкусового и температурного рецепторов; *терпкий, вяжущий*, распознаваемые взаимодействием вкусового и тактильного рецепторов; *пряный, ароматный*, при определении которых взаимодействуют вкусовой и обонятельный рецепторы. К оттенкам вкуса относятся *пресный* (не имеющий ярко выраженного вкуса и запаха) и *приторный* (слишком сладкий). Вкус и запах являются показателями качества пищи, позволяют получить удовольствие от еды, а также определить степень свежести продуктов питания и их пригодность к употреблению. В традиционной русской кухне предпочтение отдавалось блюдам с неострым, в меру соленым и кислым вкусом. Особенным лакомством считались сладкие хлебобулочные изделия, фрукты и ягоды, проваренные с медом и сахаром, в виде варенья, повидла, пастилы.

Эталонами сладкого вкуса служат мед и сахар. Сладкие продукты в традиционной народной культуре были обязательным атрибутом

праздничного стола, присутствовали в календарных и семейных обрядах, символизировали безбедную, благополучную жизнь. Сладкие булочки, пироги, медовые пряники, калачи и другие лакомства непременно присутствовали на свадебном пиру. В похоронных и поминальных обрядах присутствовали традиционные сладкие блюда, связанные с культом предков: сладкая кутья, сладкий напиток, мед, блины, сладкий хлеб и булочки с повидлом.

Горький вкус, характерный для полыни, горчицы, хины, расценивается в русской культуре как неприятный, поскольку он часто свидетельствует об испорченности продукта, его опасности для здоровья. Горечь в русской культуре образно ассоциируется с чем-то плохим, тяжелым, горестным, выражающим разочарование, скорбь, неприятности. Традиционно на свадьбах гости кричат «Горько!», призывая молодых поцеловаться. Поцелуй в этом случае становится «подсластителем» горького вина и символом соединения, создания нового семейного союза.

В русской кухне для придания пище соленого вкуса добавляют соль, которая является одной из первых и основных приправ в кулинарии. Типичное угощение на русском столе представляют разнообразные соленья: квашеная капуста, засоленные овощи (огурцы, помидоры, морковь, лук), соленые и маринованные грибы. Все виды солений употребляются в основном как холодные закуски и отчасти как гарниры ко вторым блюдам из мяса, птицы и дичи, а также для заправки супов (щей, рассольников, солянок). В традиционной народной культуре соль используется как мощное защитное и очистительное магическое средство. Во многих ритуалах она функционирует в единстве с хлебом, символизируя достаток, благополучие, гостеприимство.

Кислый вкус блюд и напитков обусловлен присутствием кислоты, содержащейся во фруктах и ягодах, является результатом брожения или заквашивания. Он характерен для ряда кисломолочных продуктов: простокваши, сметаны, творога. В русской пищевой традиции с помощью квашения заготавливали впрок овощи и фрукты (капусту, свеклу, огурцы, яблоки, арбузы и др.), готовили закваску для кислого теста и традиционный русский напиток – квас. Считалось, что заквашивающие вещества обладают магической способностью противостоять разложению, порче, оберегать, лечить. Магические свойства кислых веществ использовались в народной медицине» [6. С. 16–17].

Раскрытие культурного содержания образных вторичных номинаций позволяет лексикографически описать их не только как единицы языка, но и как знаки культуры, транслирующие знания, представления, стереотипы представителей языкового сообщества. Совокупность представленных в Полиязычном словаре метафор лингвокультурологических комментариев демонстрирует взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры, отраженное в семантике образных слов и выражений. Система комментариев реконструирует национальную пищевую традицию.

Заключение

«Полиязычный словарь метафор» является лингвокультурологическим по своему типу, поэтому культурологические справки энциклопедического характера являются его неотъемлемой частью. На материале русского языка разработана модель подобного текста, в соответствии с которой будут составлены ЛКК для слов и выражений английского, итальянского и казахского языков. Цифровой формат словаря позволяет обрабатывать, классифицировать и хранить собранный языковой материал; своевременно редактировать словарные статьи (обновлять контексты, добавлять новые образные языковые единицы и т.д.); проводить сопоставительные исследования в области лингвокультурологии и метафорологии; эффективно использовать материалы в научно-исследовательской и учебно-методической работе при разработке курсов по лексикологии, фразеологии, стилистике, спецкурсов по фигуративной лексикографии и в преподавании русского языка как иностранного.

Литература

1. *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1: Блюда и продукты питания. 428 с.

2. *Грекова М.В.* Фигуративная лексикография и её место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.

3. *Юрина Е.А.* Концепция полиязычного словаря метафор (на материале русского, английского, итальянского языков) // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) : сб. науч. статей : в 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь : АРИАЛ, 2018. Т. 1. С. 270–275.

4. *Юрина Е.А., Балдова А.В.* «Словарь русской пищевой метафоры» как отражение фрагмента образной системы языка и перспективы компьютерной поли-

язычной лексикографии // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». СПб. : Нестор-история, 2018. С. 81–93.

5. *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2: Гастрономическая деятельность. 556 с.

6. *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. Т. 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. 454 с.

7. *Боровкова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Захарова Н.В., Зинченко Н.С.* Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов / под ред. Е.А. Юриной. Кокшетау : Изд-во Кокшетауского ун-та им. Ш. Уалиханова, 2014. 196 с.

8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

9. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

10. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Либроком, 2013. 456 с.

11. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и языке : тез. докл. междунар. науч. конф. : в 2 ч. Минск : Універсітэцкае, 1994. Ч. 1. С. 13–15.

12. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. М. : Русские словари, 1997. 864 с.

13. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-Пресс, 2008. 729 с.

14. *Русское* культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. М. : Гнозис, 2004. Вып. 1. 318 с.

15. *Большой* фразеологический словарь русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ – Пресс книга, 2009. 784 с.

16. *Красных В.В.* Типы современных словарей и характер словарной статьи // Материалы Круглого стола журнала «Мир русского слова» 25 октября 2006 года // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 22–39.

17. *Арутюнов С.А., Воронина Т.А.* Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. 289 с.

18. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М. : Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

19. *Русские* / И.В. Власова и др. ; отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М. : Наука, 2005. 827 с.

20. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.

21. *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов: Избранные труды. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 296 с.

22. *Воронина Т.А.* Традиции в пище русских на рубеже XX–XXI веков // Традиционная пища как выражение этнического самосознания : сб. науч. тр. М. : Наука, 2001. С. 41–72.

23. *Похлёбкин В.В.* Из истории русской кулинарной культуры. М. : Центрполиграф, 2002. 538 с.

24. *Похлёбкин В.В.* Кулинарный словарь. М. : Центрполиграф, 2002. 502 с.

25. *Похлёбкин В.В.* Всё о пряностях. Виды, свойства, применение. М. : Пищевая промышленность, 1974. 208 с.

26. *Похлёбкин В.В.* Пряности, специи, приправы. М. : Эксмо, 2011. 256 с.

27. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М. : АСТ : Ермак, 2003. 781 с.

28. *Славянские* древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.

29. *Славянская* мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. / гл. ред. С.М. Толстая. М. : Междунар. отношения, 2011. 512 с.

30. *Мифы* народов мира: Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 1. 672 с.

31. *Шуклин В.В.* Мифы русского народа. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. 335 с.

32. *Википедия*. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 26.09.2019).

Culturological Support of Dictionary Entries in the Digital *Multilingual Dictionary of Metaphors*

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 90–110.
DOI: 10.17223/22274200/17/5

Marina V. Gerasimova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marinagrekova@gmail.com

Keywords: figurative vocabulary, phraseology, food metaphor, linguaculture commentary, electronic dictionary, lexicography.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00194.

The aim of this article is to develop general principles for creating linguaculture commentaries (LCC) in the *Multilingual Dictionary of Metaphors* (MDM) based on figurative words and expressions. Figurative words and expressions with a metaphorical internal form that reflect the food metaphor from Russian, English, Italian, and Kazakh are compiled. In this article, the material for the study is LCC texts accompanying dictionary entries of Russian figurative words and expressions motivated by names of phenomena of the gastronomic sphere. In line with the figurative lexicography, a digital MDM is developing. Currently, the three-volume lexicographic database of the *Dictionary of the Russian Food Metaphor* has been fully integrated into the digital version of MDM in the form of an Internet portal with the domain name metdict.ru, and the

corresponding databases of English, Italian, and Kazakh have been prepared. The result of the study is a formalized structure of LCC accompanying the dictionary entries of MDM and examples of various types of commentaries for dictionary entries in the Russian lexicographic database. Prospects of creation and models of similar commentaries for foreign lexicographic databases are given. LCC serves as a supplement to the interpretation of figurative words and expressions in the dictionary. The text of the commentary is an encyclopedic information section on a cultural phenomenon that has become a source for the metaphorical characteristics of various extralinguistic phenomena. Creating LCC, their authors solve a complex of problems associated with the search for sources of reliable information; minimization of information, necessary and sufficient for explaining the cultural connotation, about the history and existence of phenomena that have received a cultural-symbolic rethinking and formed the basis of a metaphorical interpretation; optimization of the commenting text in terms of its content, style and composition. In order to unify the textual structure of the linguaculture commentary, its content and composition model has been developed. The model includes the following components: (1) an explanation of the internal form of a figurative word or expression; (2) encyclopedic information related to the history of the emergence and functioning of the product, dish, cooking and consumption processes; (3) the functioning of the gastronomic object in the modern food tradition; (4) characteristics of health claims of food; (5) an explanation of physiological processes associated with the preparation, absorption and sensory perception of food; (6) the symbolic and ritual functioning of the gastronomic phenomena; (7) an indication of citation source and additional semantisation of precedent figurative words and expressions. Minimal cultural and linguistic knowledge of an ordinary native speaker and special information of a linguistic and cultural nature are given in the linguaculture commentary inseparably. All structural components form a coherent text. The *Multilingual Dictionary of Metaphors* is a linguaculture dictionary; therefore, cultural references of an encyclopedic type are its integral part. The model of LCC was developed on the material of Russian. According to this model, commentaries for words and expressions of English, Italian, and Kazakh will be compiled.

References

1. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of the Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

2. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/10/2

3. Yurina, E.A. (2018) [The concept of a multilingual dictionary of metaphors (based on Russian, English, and Italian languages)]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in a Multicultural World]. Proceedings of the II International Symposium. Vol. 1. Yalta. 8–12 June 2018. Simferopol: IT "ARIAL". pp. 270–275. (In Russian).

4. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2018) ["The dictionary of the Russian food metaphor" as a reflection of language figurative system and prospects of computer specific

lexicography]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: current status and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 3–5 October 2018. Saint Petersburg: Nestor-istoriya. pp. 81–93. (In Russian).

5. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of the Russian Food Metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

6. Yurina, E.A. (ed.) (2019) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of the Russian Food Metaphor]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

7. Yurina, E.A. (ed.) (2014) *Russkaya pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Russian Food Tradition in the Mirror of Linguistic Images]. Kokshetau: Sh. Ualikhanov Kokshetau State University.

8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

9. Gudkov, D.B. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury* [The Corporal Code of Russian Culture]. Moscow: Gnozis.

10. Kovshova, M.L. (2013) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of culture]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".

11. Teliya, V.N. (1994) [Nominative composition of the language as an object of linguoculturology]. *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i yazyke* [National-Cultural Component in the Text and Language]. Abstracts of the International Conference. Minsk. 5–7 October 1994. Minsk: Universitetskae. Pt. 1. pp. 13–15. (In Russian).

12. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi* [Phraseologisms in Russian Speech]. Moscow: Russkie slovari.

13. Zimin, V.I. (2008) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Idioms]. Moscow: AST-Press.

14. Brileva, I.S. et al. (eds.) (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian Cultural Space: Linguoculturological dictionary]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.

15. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST – Press kniga.

16. Krasnykh, V.V. (2006) Tipy sovremennykh slovarey i kharakter slovarnoy stat'i [Types of modern dictionaries and the nature of the dictionary entry]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 22–39.

17. Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (2001) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka.

18. Bayburin, A.K. (2005) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Housing in Rites and Representations of the Eastern Slavs]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

19. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) (2005) *Russkie* [Russians]. Moscow: Nauka.

20. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: Ethnolinguistic research]. Moscow: Indrik.

21. Sumtsov, N.F. (1996) *Simvolika slavyanskikh obryadov: Izbrannye trudy* [Symbolism of Slavic Rites: Selected works]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAS.

22. Voronina, T.A. (2001) Traditsii v pishche russkikh na rubezhe XX–XXI vekov [Traditions in Russian food at the turn of the 21st century]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka. pp. 41–72.

23. Pokhlebkin, V.V. (2002) *Iz istorii russkoy kulinarnoy kul'tury* [From the History of Russian Culinary Culture]. Moscow: Tsentrpoligraf.

24. Pokhlebkin, V.V. (2002) *Kulinarnyy slovar'* [Culinary Dictionary]. Moscow: Tsentrpoligraf.

25. Pokhlebkin, V.V. (1974) *Vse o pryanostyakh. Vidy, svoystva, primenenie* [All about Spices. Types, properties, application]. Moscow: Pishchevaya promyshlennost'.

26. Pokhlebkin, V.V. (2011) *Pryanosti, spetsii, pripravy* [Spices, Flavourings, Seasonings]. Moscow: Eksmo.

27. Frazer, J. (2003) *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Translated from English by M.K. Ryklin. Moscow: OOO "Izd-vo AST": ZAO NPP "Ermak".

28. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

29. Tolstaya, S.M. (ed.) (2011) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

30. Tokarev, S.A. (ed.) (2003) *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

31. Shuklin, V.V. (1995) *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

32. *Wikipedia. Svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia. The Free Encyclopedia]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org. (Accessed: 26.09.2019).

УДК 81-22
DOI: 10.17223/22274200/17/6

Го Лицзюнь, Сюй Хун

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ДВУЯЗЫЧНЫХ РУССКО-КИТАЙСКИХ СЛОВАРЕЙ В КИТАЕ

Рассматривается история составления русско-китайских словарей, которая насчитывает более двухсот лет. Описаны этапы развития лексикографии в области создания двуязычных словарей в Китае: XVIII век – период, связанный с разработкой русскими миссионерами «рукописных» словарей; XIX век – период составления словарей китайцами и русскими эмигрантами; XX век – период «расцвета» в области разработки теории и практики создания русско-китайских словарей. Анализируются особенности наиболее авторитетных словарей этого типа, созданных в Китае.
Ключевые слова: *практическая лексикография, теоретическая лексикография, история лексикографии, русско-китайские словари, лексикографическая традиция.*

Введение

Работа по составлению первых двуязычных словарей заключалась в сборе лексических единиц языка, их систематизации и упорядочивании. Такие сборники-рукописи издавались в виде словаря, т.е. сборника слов и выражений одного языка, которым соответствуют слова и выражения из другого языка [1. С. 55]. Как известно, в России первые попытки составления двуязычных словарей начались в XIII в., а в Китае составление такого типа словарей можно проследить еще со времени правления династии Тан в VII в., однако разработка русско-китайских словарей началась только в XVIII в. благодаря укреплению политических и экономических отношений между Китаем и Россией. Контакты двух государств обусловливали необходимость «находить общий язык» и, как следствие, побуждали китайцев и россиян учить язык друг друга. Вполне естественно, что первыми двуязычными словарями стали китайско-русские и составлять их начали члены русских дипломатических миссий, которые в силу рода занятий были вынуждены быстро овладевать китайскими языком и знаниями о культуре страны. Первые китайско-русские словари стали основными справочными пособиями для русских миссионеров и дипломатов, учивших

китайский язык. По мере развития китайско-русских отношений началось составление и русско-китайских словарей, этим занялись русские эмигранты, которые стекались на северо-восток Китая, в Харбин. В тот же период самими китайцами также было издано несколько русско-китайских словарей, но невысокого уровня.

Первая волна изучения русского языка среди китайцев началась в 1950 г., когда к власти в Китае пришла коммунистическая партия. В то время пригодных к использованию русско-китайских словарей было очень мало, так что в ход шел даже созданный в Японии «Русско-японский словарь» (露和辞典), в котором было множество китайских слов (см. об этом: [2]). В ноябре 1949 г. Го Цзинтянь опубликовал первый вышедший после образования Китайской Народной Республики (далее – КНР) «Русско-китайский словарь: в словарь включены синонимы, идиомы, морфология и синтаксис» (俄华求解同义 成语 文法四用辞典) (см. об этом: [1. С. 55]). Впоследствии вышли в свет ставшие классическими русско-китайские словари, включающие в себя большой массив лексического материала и имеющие более точные толкования: «Новый русско-китайский словарь» (俄汉新词典), «Большой русско-китайский словарь» (大俄汉词典), «Большой русско-китайский толковый словарь» 俄汉详解大辞典), «Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» (新时代俄汉详解大辞典).

В настоящее время в фонде литературы на китайском языке Национальной библиотеки Китая насчитывается в общей сложности 387 русско-китайских и китайско-русских словарей и подобных изданий, включая самый ранний «Уйгурско-китайско-русский словарь» (维汉俄辞典), изданный в 1953 г., и самый новый «Современный русско-китайский словарь неологизмов» (当代俄汉新词语词典), вышедший в 2018 г. Только за период с 2008 по 2018 г. увидели свет 44 словаря, и до настоящего времени в сфере русско-китайской лексикографии в Китае наблюдается оживление[1].

[1] Данные приведены по материалам коллекции литературы на китайском языке Национальной библиотеки Китая.

Первые русско-китайские словари, составленные российскими синологами

В 1712 г. российский император, будучи заинтересован в торговле с Китаем, а также ради защиты интересов православных верующих в Китае, впервые послал туда духовную миссию, которая в 1715 г. прибыла в Пекин. Перед членами миссии стояло множество задач: они должны были познакомиться с китайской культурой, разобраться в китайской религиозной обстановке, выучить китайский язык, проповедовать, осуществлять дипломатический функции и пр. С 1727 г. духовные миссии стали отправляться в Пекин на долгий срок, их сотрудники периодически менялись. Миссии стали представительством правительства России в Китае. По записям китайских исторических источников с 1715 по 1864 г. Россия отправила в Пекин в общей сложности 14 духовных миссий. Вместе с ними в Китай приехали 41 студент, 8 врачей и 1 ученый [3. С. 80].

Первые российские китаеведы, предпринявшие попытки по составлению русско-китайских, русско-маньчжурских словарей, вышли из среды миссионеров и студентов. Так, например, в составе второй Духовной миссии работал и успешно изучал китайский и маньчжурский языки Илларион Рассохин, который за время пребывания в Китае собрал большой лексический материал. По возвращении на родину, работая преподавателем китайского и маньчжурского языков при Академии наук, он создал словарь русско-китайского языка, объединив морфологический и тематический принципы организации материала. Этот словарь некоторые исследователи считают по задумке китайско-русским, поскольку он отражает преимущественно китайские реалии, русские слова в нем представлены для перевода китайских, и предназначен он для изучения китайского языка на начальном этапе [4. С. 101–102].

Деятельность Иллариона Рассохина – только один из множества примеров лексикографической работы преподавателей миссий того времени по накоплению китайской лексики. Обычно преподаватели самостоятельно составляли записные книжки-словари, которые активно использовались студентами в начальный период изучения китайского языка, как известно, переписывание источников было в то время основной методикой обучения китайскому языку. В 30-х гг. XIX в. начальник девятой Духовной миссии отец Иакинф, известный

в миру как Никита Яковлевич Бичурин, за время своего четырнадцатилетнего пребывания в Пекине составил первую часть Тонического китайско-русского словаря – «Китайско-латинский словарь» (для приезжавших в Цинский Китай русских китаистов). Позднее, сравнив этот словарь с китайским «Словарем Канси» (康熙字典), Иакинф сделал множество правок и дополнений к нему и переписал, разделив на девять томов [3. С. 81]. Сложившиеся в то время обстоятельства не позволили Н.Я. Бичурину опубликовать свой словарь. Однако когда Бичурин был в Кяхте, он также составил рукописный словарь для студентов учебных заведений, в которых преподавали китайский язык. К сожалению, этот словарь не получил известности среди профессиональных китаистов того времени.

В 1867 г. академик В.П. Васильев, известный китаевед, преподаватель Санкт-Петербургского университета, издал первый российский китайско-русский словарь «Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря» (汉字的编排体系——第一部汉俄词典试编) (см. об этом: [5. С. 61]). Им впервые была предпринята попытка упорядочить лексику китайского языка по форме иероглифа, найти систему в формах китайских иероглифов. Развивать эту графическую систему продолжил Д.А. Пещуров, преподаватель китайского языка из того же Санкт-Петербургского университета. В 1891 г. по распоряжению Факультета Восточных языков Санкт-Петербургского университета был выпущен в свет «Китайско-русский словарь по графической системе» (汉俄画法 合璧字汇) Д.А. Пещурова [6], который в 1907 г. переиздали в Пекине. Автор в предисловии отмечает, что его словарь составлен на основе той системы, которую разработал профессор Васильев, «в тех размерах относительно числа Китайских знаков, какой возможен по имеемому в настоящее время в Типографии Императорской Академии Наук Китайскому шрифту», и далее: «...относительно определения значений, вошедших в словарь Китайских знаков я пользовался новейшими трудами по лексикографии проф. Васильева, Архим. Палладия и П. Попова, Williams'a, Medhurst'a и других известных синологов» [6. С. 6–7]. Д.А. Пещуров, высоко оценивая полноту объяснения в словарях Палладия, Попова и других авторов не только «по значениям отдельных иероглифов, но и составных из двух и более», отмечал, однако, что «эти словари, так равно и все другие, составленные по ключевой системе, имеют весьма существенный недостаток в том, что пользование ими мало содей-

ствует усвоению памятью начертания Китайских знаков» [6. С. 3]. Работа Пещурова доказывала осуществимость применения в словарях малого формата графической системы китайских иероглифов, предложенной академиком Васильевым. Эта система стала общей чертой различных китайско-русских словарей, выходивших в конце XIX в. в России. Об интересе лингвистов к словарю, составленному В.П. Васильевым, свидетельствует его переиздание в связи с Годом китайского языка в России в 2010 г., осуществленное совместно Штабквартирой Института Конфуция и Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета [7].

В 1879 г. в Петербургском литографическом издательстве вышел «Русско-китайский словарь» (俄汉合璧字汇), созданный П.С. Поповым, драгоманом Российской дипломатической миссии; позже он был исправлен, дополнен и издан в 1896 г. в Пекине и в 1900 г. в Японии (см. об этом: [8. С. 16]). В 1888 г. Пекинской школой иностранных языков в Китае было опубликовано стереотипное издание первого тома «Китайско-русского словаря» (汉俄合璧韵编) (см. об этом: [9. С. 102]). Это издание представляло собой словарь, доработанный П.С. Поповым, который был тогда в Китае генеральным консулом, на основе рукописного словаря, составленного самим архимандритом Палладием[1] в период его работы в Китае. Кроме того, Попов добавил лично собранные материалы, внес аккуратные исправления и запросил осуществить выпуск издания за счет царских ассигнований. Этот словарь получил высокие оценки в научных кругах синологов и принес Палладию мировую известность. По его собственному мнению, его труд должен был стать «завершением» его научной деятельности, «...концентрацией его обсуждений разных китайских явлений <…> Он решил сделать этот словарь энциклопедией, поэтому в словаре присутствует разнообразное содержание, связанное с Китаем, в частности, разъясняются его философская и религиозная системы» [10]. Французский синолог Эдуард Шаванн (Emmanuel Edouard Chavannes) дал этой лексикографической работе такую оценку: «…словарь Палладия Кафарова зачастую является “последним резоном”, когда даже китайские словари не могут помочь <…> Пеллио, преподавая в Коллеж де Франс, тоже пользуется этим словарем» (цит. по:

[1] Палладий Кафаров был иеродиаконом в составе 12-й Русской духовной миссии в Пекине, начальником 13-й и 15-й миссий.

[5. С. 62]); российский синолог А.Л. Семенас считает, что «когда другие словари не могли помочь в чтении исторических документов, энциклопедичность “Китайско-русского словаря” с его богатым содержанием привела к тому, что он стал незаменимым помощником» (цит. по: [11. P. 36]).

В 1909 г. Пекинской Духовной Миссией был издан «Полный китайско-русский словарь…» (华俄词典) [12], главным редактором которого был архиепископ Иннокентий[1]. Так как словарь составлялся членами миссии, у которых не было опыта лексикографической работы, они могли только дополнить словарь Палладия Кафарова, доработанный П.С. Поповым, и сделать переводы широко распространенных в то время китайско-английского словаря Г. Джайлса и китайско-французского словаря С. Куврёра. Однако соответствующий перевод с английского или французского языков не мог гарантировать точности словарного толкования, поэтому в словаре Иннокентия содержалось много ошибок, и он не смог стать основным справочным пособием для перевода и чтения китайской литературы [11. С. 103].

Русское авторство двуязычных русско-китайских и китайско-русских словарей определяло и их функциональность: все словари были ориентированы в первую очередь на соотечественника, изучавшего китайский язык, и с этой точки зрения они были достаточно полными. Однако запросам китайцев на изучение русского языка эти лексикографические источники не удовлетворяли. «Вплоть до создания Китайской республики (провозглашена в 1911 г. – *Прим. пер.*) в Китае так и не появилось авторитетного русскоязычного словаря, который мог бы в полной мере служить для практических нужд» [Там же. С. 16].

[1] Митрополит Иннокентий (1863–1931), в миру Иван Аполлонович Фигуровский, в 1896 г. был начальником 18-й Русской духовной миссии в Пекине; в 1902 г. после того, как Россия основала православную епархию в Китае, стал ее первым епископом; занимал важное место в истории православия в Китае. Находясь на своей должности, Иннокентий всячески способствовал переводу и печатанию православной литературы, которая была необходима, чтобы удовлетворить потребности миссионерской деятельности в Китае. Также он предложил «основать переводческий комитет, чтобы переводить и выверять литературу» [13. С. 188]. Составление «китайско-русского словаря», несомненно, является его величайшим достижением.

Составление русско-китайских словарей в Китае с начала XX в. и до образования нового Китая

Составлять русско-китайские словари сами китайцы стали в начале XX в. В то время основная масса русских эмигрантов оседала в Харбине, как следствие, возникла потребность в обучении китайцев русскому языку и русских – китайскому. Несколько авторов составили и издали сравнительно небольшие по объему словари. Первым русско-китайским словарем, созданным в 1917 г., является «Большой китайско-русский коммерческий словарь» (华俄合璧商务大字典), составителем которого был Чэн Яочэнь – известный китайский русист начала XX в. Этот словарь завершил эпоху русско-китайских словарей, которые со времен Цинской династии составлялись российскими специалистами, и ознаменовал начало эры русско-китайских словарей, созданных китайцами. Одна из главных особенностей словаря состояла в том, что он фиксировал огромный лексический фонд, более 100 тысяч языковых единиц лексики, к которым предлагалось развернутое описание значений, в том числе переносных, однако во многих словарных статьях отсутствовали стилистические, грамматические и фонетические пометы, а также иллюстративный материал. Более того, зачастую толкования грешили некорректностью формулировок, поскольку в своей работе автор опирался на русско-китайские и русско-японские словари (последние составлены японцами) [10]. Несмотря на некоторые недостатки, словарь, составленный Чэн Яочэнем, был одобрен к публикации Министерством образования, а изданный на его основе в 1925 г. исправленный и значительно обогащенный лексикой «Полный русско-китайский словарь» сыграл роль первопроходца в истории преподавания русского языка в Китае.

Согласно сведениям о словарях, включенным в «Большой китайский словарь справочной литературы» (中国工具书大辞典), в этот период в Китае было издано семь русско-китайских и китайско-русских словарей, в частности «Большой русско-китайский словарь» (**俄**华大字典, под редакцией Чэн Яочэнь, Каллиграфическая лавка Биньцзян, 1925), «Новый русско-китайский словарь» (**俄**华新字典, под редакцией Лу Дахэ, Харбинское коммерческое печатное книгоиздательство, 1924), «Новый китайско-русский комбинированный словарь» (**中俄合璧新字典**, под редакцией Ван Инхай, Харбинское ком-

мерческое печатное книгоиздательство, 1929), «Новый большой китайско-русский словарь» (新中俄大字典, под редакцией Лу Дахэ и др., Харбинское коммерческое печатное книгоиздательство, 1930), «Большой китайско-русский коммерческий комбинированный словарь» (华俄合璧商务大字典, редактор и переводчик Чэн Яочэнь, Харбинское издательство Гуанцзи, 1917) [14]. Однако данные словари не могли отвечать запросам людей на повседневное использование при изучении языка, поскольку содержали только перевод русских слов, в них отсутствовали развернутые толкования, включающие грамматические и стилистические маркеры, а также прагматическую информацию, что существенно их обедняло и снижало практическую ценность для пользователя.

Развитие русско-китайской лексикографии в Китае после образования КНР

Интенсивное развитие лексикографической практики в области составления двуязычных русско-китайских словарей началось в Китае после образования в 1949 г. КНР. Традицию составления словарей можно связать с тремя периодами в истории жизни двух стран в социально-политической сфере, что обусловливало ситуацию и в науке. Рассмотрим подробнее состояние лексикографической практики в области разработки двуязычных словарей в указанные периоды.

1. *1950–1966 гг.* – время тесного сотрудничества Китая и СССР, обусловившего интерес граждан КНР к изучению русского языка. В 50-х гг. XX в. СССР направлял в Китай множество специалистов для оказания помощи в построении государства. Сотрудничество во всех областях между Советским Союзом и КНР было очень тесным и укреплялось с каждым днем. Среди китайцев начался «бум русского языка», для изучения которого требовалась справочная литература. Ответом на запрос преподавателей русского языка и граждан КНР, изучающих его, стало создание более 60 специализированных предметных словарей и глоссариев. Словари периодически переиздавались, подвергаясь дополнениям и исправлениям. Например, Издательство оборонной промышленности подготовило и выпустило более 100 (включая переиздания) «Русско-китайских словарей военной техники» (俄汉兵工辞典). Это была первая волна составления в Китае русско-китайских словарей [15. С. 110]. В данный период ввиду мало-

го количества лексикографов, специализирующихся в области русского языка, в свет выходили преимущественно словари малого формата, в частности специализированные терминологические словари, а филологические словари, например, идиоматических выражений, синонимов, антонимов, словообразовательные и т.д., можно было пересчитать по пальцам. Затишье наблюдалось и в области создания двуязычных словарей других иностранных языков, при этом те словари, которые все-таки составлялись, зачастую предлагали ограниченный круг лексики, включаемый в издание, что фиксировалось и в названиях книг: «Китайско-русский словарь общеупотребительных научных и технических терминов» (汉俄科技常用词汇), «Китайско-русско-английский сравнительный словарь общеупотребительных терминов валютного рынка», (中俄英对照外汇业务常用词汇), «Русско-китайский и китайско-русский словарь лингвистических терминов» (俄汉汉俄对照语言学名词) (см. об этом: [16. С. 4]).

В 1950 г. был издан «Русско-китайский словарь» (**俄**华词典) Го Цзинтяня. Он стал первым русско-китайским словарем, изданным в Китае после образования КНР, но охватываемый им объем слов, в особенности научной и военной лексики, был относительно мал, к тому же автор заимствовал японские переводы из «Русско-японского словаря» (**露和**词典), в результате чего в русско-китайском словаре возникло множество ошибок и несоответствий [15. С. 108].

В 1951 г. вышел другой «Русско-китайский словарь» (**俄**华词典), редактором которого был Чэнь Чанхао, а в 1953 г. появилось его исправленное издание. В предисловии ко второму изданию указывается, что этот словарь отличается от других русско-китайских лексикографических источников, созданных в Китае тем, что в нем более тщательно отобран материал и к нему разработаны новые комментарии [17]. Так как объем словаря был довольно ограниченным (примерно 26 тысяч русских слов) и к тому же он в основном предназначался для русских, изучавших китайский язык и переводивших с русского на китайский, словарь не вполне соответствовал запросам китайцев в изучении русского языка и не мог удовлетворить потребности обучающихся русскому языку и переводу.

В 1960 г. Коммерческое издательство выпустило «Большой русско-китайский словарь» (**俄**汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна, который содержал 105 тысяч словарных статей, насчитывал в общей

сложности 7 миллионов печатных знаков и имел 8 приложений. Словарь был создан по личному поручению председателя КПК Чжоу Эньлая китайским русистом старшего поколения Лю Цзэжуном, трижды встречавшимся с В.И. Лениным. Основой для этого издания послужил выпущенный в 1950-х гг. «Новый русско-китайский словарь» (俄汉新辞典), при его подготовке использовались советский «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, первые два тома «Словаря русского языка» Академии наук СССР, а также соответствующие статьи из «Словаря иностранных слов», «Большой советской энциклопедии», в ходе работы в китайский словарь были внесены серьезные правки и дополнения. Это был первый после образования КНР русско-китайский словарь, который включал наибольшее количество слов и их полные значения, был самым практичным в использовании, поэтому он заслужил признание китайцев и многократно переиздавался [16. С. 4].

2. *1967–1977 гг.* – время «культурной революции», когда работа по составлению словарей находилась в застое. С мая 1966 г. по октябрь 1976 г. Китай захлестнула «Великая пролетарская культурная революция», инициированная Мао Цзэдуном. Эта революция вызвала длительные беспорядки в китайском обществе, замедлила развитие народного хозяйства, добрососедские отношения с Россией прекратились на долгое время, система управления экономикой пришла в еще больший упадок, был нанесен тяжелый удар по образованию и культуре. Работа по составлению словарей русского языка, в которой уже были достигнуты определенные успехи, тоже попала под удар. Большая часть организаций, занимавшихся созданием словарей, была распущена, а руководство некоторых вузов, сочтя, что «университетам не следует заниматься составлением словарей», издало приказы о роспуске рабочих групп, которые трудились в этой области [18. С. 2].

Переиздание справочных материалов малого и среднего формата в период «культурной революции» не осуществлялось, пришлось приостановить запланированную ранее работу по исправлению и дополнению словарей. За эти десять лет в свет вышло менее десяти словарей русского языка.

3. *С 1978 г. по настоящее время* – период, когда в Китае складывалась теория лексикографии, активизировалась деятельность специалистов по составлению словарей русского языка. С началом политики реформ и открытости в 1978 г. началось стремительное движение в

области составления словарей русского языка. Помимо развития практической лексикографии, огромный прогресс наблюдался и в разработке теоретических положений лексикографической науки. В Китае теоретические исследования этой области начались главным образом в конце 70-х гг. XX в. В 1975 г. Министерство образования и Национальное издательство организовали в Гуанчжоу «Семинар по составлению и изданию китайско-иностранных словарей», который стал переломным моментом для китайской лексикографической отрасли. Множество учебных заведений и издательских организаций взяли на себя задачи по составлению различных научно-справочных работ, которые были запланированы на семинаре, в том числе по созданию словарей русского языка, что стало основой процветания лексикографической области в данный период [19. С. 8]. В 1986 г. Коммерческое издательство, Хэйлунцзянский университет и Гуанчжоуский институт иностранных языков организовали в Гуанчжоу первую с момента образования КНР конференцию по составлению русско-китайских и китайско-русских словарей. После этого конференции по теории составления двуязычных словарей были также проведены в Нанкине, Даляне, Сямэне, Чунцине. В Китае начался этап бурного развития в области лексикографических исследований, которые стимулировали работу по составлению словарей и обеспечивали их качество.

По прошествии нескольких десятков лет рыночного контроля и отбора следующие лексикографические источники получили всеобщее признание как высококлассные издания: изданные Шанхайским университетом иностранных языков «Китайско-русский словарь» (汉俄词典), «Большой китайско-русский словарь» (汉俄大词典), «Энциклопедический словарь русского языка» (俄罗斯语言百科词典), «Энциклопедический словарь русской литературы» (俄罗斯文学百科词典) и «Энциклопедический словарь русского переводоведения» (俄罗斯译学百科词典); «Большой русско-китайский словарь» (大俄汉词典), «Большой русско-китайский толковый словарь» (俄汉详解大词典) и «Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» (新时代俄汉详解大词典), выпущенные Хэйлунцзянским университетом; «Русско-китайский словарь наиболее употребительных слов» (俄语常用词词典), «Новый русско-китайский словарь» (现代俄汉双解词典)

Пекинского университета иностранных языков и «Страноведческий словарь (культура России)» (俄罗斯文化国情词典), созданный совместно с российским Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина; «Русско-китайский словарь для переводчиков художественной литературы» (俄汉文学翻译词典) Пекинского университета; «Русско-китайский фразеологический словарь» (俄汉成语词典) и «Русско-китайский этимологический словарь идиом» (俄汉成语语源词典) Педагогического университета Центрального Китая. Представим из вышеперечисленных лексикографических источников, изданных в КНР, три наиболее значимых русско-китайских словаря, которые признаны наивысшим достижением в области лексикографии и обучения русскому языку в современном Китае.

Большой русско-китайский словарь

В 1985 г. Коммерческое издательство выпустило «Большой русско-китайский словарь», который был составлен на основе «Большого русско-китайского словаря» (大俄汉词典) Лю Цзэжуна. В работе над этим значимым для китайского языкознания лексикографическим источником, которая заняла десять лет, принимали участие более 70 человек, в основном это были сотрудники лексикографического отдела факультета русского языка Хэйлунцзянского университета. При составлении словаря использовались также последние нормативные словари русского языка, выпущенные в СССР, которые имели несколько переизданий. Так, на свет появился однотомный «Большой русско-китайский словарь», который содержит 157 тысяч словарных статей, примерно 10,61 млн печатных знаков, а также 8 приложений, в том числе включающих мировые географические названия и список интернациональных морфем. Этот словарь, содержащий богатый лексический фонд, точные толкования слов, подробные комментарии, качественные примеры и грамотный перевод, стал для 80-х гг. XX в., по мнению исследователей, наиболее крупным, полным и новым монументальным трудом [20. С. 66]. О высоком уровне издания свидетельствуют его шесть переизданий и общий тираж свыше 80 тыс. экземпляров. В 1995 г. он был удостоен Государственной награды первой степени в области справочной литературы.

В этом же году редакторы приступили к работе по внесению исправлений и дополнений в «Большой русско-китайский словарь», ко-

торая заняла пять лет. В исправленное издание помимо 159 тысяч словарных статей из предыдущего издания вошло более 2 тыс. новых словарных дефиниций. Редакторы постарались добавить в словарь как можно больше новых слов, появившихся в литературном языке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Немалая часть из добавленных слов отражала новые научные понятия, а также новые реалии повседневной жизни, появившиеся в жизни общества в последние 20 лет [21].

Большой русско-китайский толковый словарь

В июне 1998 г. Хэйлунцзянское народное издательство выпустило многотомный словарь русского языка – «Большой русско-китайский толковый словарь» (俄汉详解大词典) [22]. Он создавался в течение 13 лет, главными редакторами стали Чжао Сюнь, Ли Сиинь, Пань Гоминь – компетентные специалисты в области русской лексикографии, работа которых получила мировое признание в среде научного сообщества. Среди приглашенных 52 китайских специалистов были опытные русисты: 34 профессора и 15 доцентов.

Данная лексикографическая работа включает в себя все словарные статьи из выпущенных в СССР четырехтомного «Словаря русского языка» [23], 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» [24] и китайских «Большого русско-китайского словаря» (Лю Цзэжуна) [25] и «Советского энциклопедического словаря» [26]. Он вобрал в себя достоинства советских (и, кроме того, американских) методов составления толковых словарей. После заголовочного слова в нем дается словарная статья, содержащая разностороннее описание значения и примеров употребления языкового факта. В словарь вошло 246 тысяч общеупотребительных слов, терминов, аббревиатур и имен собственных русского языка, в нем насчитывается в общей сложности 23 млн печатных знаков [27. С. 60].

При словарном описании языковых единиц наряду с переводом использовался метод многосторонней характеристики слова с указанием на сферу и границы его употребления в соответствии со сферой применения, с включением в словарную статью его синонимов, антонимов, латинских эквивалентов, этимологической характеристики. Как и в русских словарях, в толковании слова выделялись основное значение, его оттенок или оттенки и примеры употребления, благодаря чему удавалось избежать слишком широкого или слишком узкого толкования,

была видна семантическая система русского языка, связи между значениями одного полисеманта [28. С. 27]. Кроме того, одним из достоинств этого лексикографического источника представляется обширный иллюстративный материал, который вводится в словарную статью для уточнения значений слов, демонстрации использования той или иной языковой единицы в определенном контекстном окружении. Как и в словарях русского языка, большое количество иллюстративного материала извлекается из произведений русской классики и советской литературы.

Автором предисловия к этому словарю является известный синолог В.М. Солнцев, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института языкознания РАН. Во вступительном слове ученый написал: «В словаре представлено около 250 тысяч словарных статей, что примерно соответствует количеству словарных единиц в вышедшем несколько лет назад в бывшем Советском Союзе “Большом китайско-русском словаре” в 4 томах под редакцией профессора Ошанина. Теперь мы имеем два словаря приблизительно одинакового объема – один, изданный в России, другой – в Китае. Эти два словаря образуют вместе “большой мост” между китайским и русским языками, между культурами китайского и русского народов и, несомненно, будут служить делу укрепления и развития дружбы между народами КНР и Российской Федерации [21. С. 3] «Большой русско-китайский толковый словарь» считается «шедевром» в истории составления словарей русского языка в Китае. Его создание стало серьезным поворотом в решении таких вопросов, как объем словаря, его функциональность, описание семантики словарных лексем; его теоретическая и практическая ценность отразила высокий уровень китайских русистов того времени [29. С. 53].

В 1999 г. четырехтомный «Большой русско-китайский толковый словарь» удостоился высших государственных наград Китая в области лексикографии и литературы: четвертой государственной награды по литературе, третьей государственной награды первой степени по лексикографии.

Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи

В 2005 г. Коммерческое издательство предложило начать работу по пересмотру и исправлению «Большого русско-китайского толкового словаря». Пань Гоминь вместе с Чэнь Шуци, Чжэн Шупу, Ли Юньчжэнем и другими высококлассными китайскими специалистами, работающими над русско-китайскими двуязычными словарями, снова созда-

ли рабочую группу по составлению словаря (средний возраст ее участников был старше 70 лет). После десяти лет исправлений и дополнений, в декабре 2014 г. был наконец опубликован «Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» (新时代俄汉详解大词典) [30].

Составлением словаря занимался Институт лексикографии Центра исследований русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета[1], который является основной исследовательской базой гуманитарных и общественных исследований при Министерстве образования. В словаре насчитывается в общей сложности 7 576 страниц, которые содержат около 300 тысяч словарных статей и 27 млн печатных знаков. В него вошло более 54 тысяч новых слов и значений из более чем 40 словарей русского языка, выпущенных в России. Новые слова, а также новые значения и примеры употребления, добавленные к уже имевшимся словам, составляли 16% от общего объема словаря [30. С. 4]. Этот лексикографический источник является наиболее полным, наиболее объемным словарем русского языка, а также одним из самых больших по масштабу двуязычных словарей в мире. Кроме того, в нем дается многосторонняя характеристика слов, включающая в себя не только лексическое толкование, но и стилистическую, грамматическую, этимологическую, а также прагматическую информацию о языковом факте. Сотворивший это «чудо» в истории лексикографии коллектив авторов в 2016 г. получил титул (коллективный) «Человек года, потрясший Лунцзян», а главный редактор «Большого словаря» Пань Гоминь удостоился премии за достижения в области лексикографии [31].

Заключение

Если оглянуться на историю создания словарей русского языка в Китае, то становится видно, что она отражает долгую историю от-

[1] В сентябре 2000 г. Центр исследования русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета был утвержден Министерством образования в качестве ключевой исследовательской площадки гуманитарных и социальных наук. В составе этой базы имеются Исследовательский институт теоретической лингвистики, Китайский институт исследования терминологии, Институт лексикографии, Институт исследования русской литературы, Исследовательский институт переводческих наук, Институт исследования философии языка, Институт исследования русской культуры и Библиотечный центр.

ношений России и Китая: от первых китайско-русских словарей, которые составляли приезжавшие в Поднебесную русские миссионеры для удовлетворения своих бытовых и профессиональных потребностей, а также для общения с местным населением до русско-китайских словарей большого формата, созданных самими китайцами после прихода к власти коммунистической партии. Что касается современного развития двусторонних межгосударственных отношений, то подготовка русистов и издание словарей русского языка по-прежнему являются неотъемлемой частью политики реформ и открытости в Китае и имеют большие перспективы.

Литература

1. *张金忠*.《俄汉辞典编纂论纲》.哈尔滨：黑龙江大学. 2003. 240页.

2. *鲁桓*. 《大俄汉词典》如是我见. 辞书研究. 1987. № 6. 第42–45页.

3. *张金忠*.《我国早期的俄汉词典编纂》. 辞书研究. 2007. № 6. 第80–84页.

4. *Чэнь Шэннань*. Структура и лексические особенности русско-китайского словаря Иллариона Россохина (40-е годы XVIII века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 98–102.

5. *柳若梅*. 俄罗斯汉学家出版的早期汉语词典. 辞书研究. 2013. № 1. 第60–67页.

6. *Пещуров Д.А.* Китайско-русский словарь. По графической системе. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1891. 267 с.

7. *Васильев В.П.* Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб. : Студия «НП-Принт», 2010. 456 с.

8. *Янь Годун.* Первый русско-китайский словарь, составленный китайцем // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 13. Вып. 2. С. 16–25.

9. *萨夫罗诺夫 M. B.,* 谢载福. 华俄词典编纂史. 辞书研究. 1988. № 4. 第 102–108页.

10. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1608. Л. 77.

11. *Panskaya L.* Introduction to Palladii's Chinese Literature of the Muslims. By Ludmilla Panskaya in collaboration with Donald Daniel Leslie. Canberra : Australian National University Press, 1977. 106 p.

12. *Полный* китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия. Т. 1–2 / под ред. епископа Иннокентия. Пекин : Пекинская духовная миссия, 1909.

13. *Архимандрит* Авраамий Часовников. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. 1-е изд. Пекин : тип. Успенского монастыря, 1916. 223 с.

14. ***徐祖友***、沈益.《中国工具书大辞典》. 福州：福建人民出版社. 1991. 1138页.

15. ***吴丽坤***. 世纪回眸：俄汉词典编纂历史概述// 中国辞书学会双语词典专业委员会第四届年会暨学术研讨会论文集. 南京：江苏教育出版社. 2001. 第108–119页.

16. *陈楚祥*. 俄语类双语词典发展的世纪回顾. 辞书研究. 2001. № 4. 第1–10页.

17. *Русско-китайский* словарь : 26000 слов / сост. Чэнь Чан-хао, А.Г. Дубровский, А.В. Котов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Гос. изд. иностр. и национ. словарей, 1953. 975 с.

18. ***刘伟***. 黑龙江大学俄语学科词典编纂历史探究. 黑龙江教育：高教研究与评. 2008. № 3. 第1–3页.

19. ***左大成***. 辞书出版工作的回顾与思考. 辞书研究. 1989. № 1. 第8–10 页.

20. ***穆武祥***. 《大俄汉词典》的大、全、新. 辞书研究. 1987. № 6. 第 66–71页.

21. ***索恩采夫****B. M.* 黑龙江大学辞书研究所编《俄汉详解大词典》前言. 哈尔滨：黑龙江人民出版社, 1998. 第1–7页.

22. ***黑****龙江大学辞书研究所编*《俄汉详解大词典》. 哈尔滨：黑龙江人民出版社. 1998. 6205页.

23. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

24. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1965.

25. *Большой* русско-китайский словарь : ок. 105 000 слов / сост. Ван Цзыюн, Ли Ифан, Лю Цзэжун и др. ; гл. ред. Лю Цзэжун. Пекин : Шанву иншугуань, 1963. 1384 с.

26. *Введенский Б.А.* Советский энциклопедический словарь. М. : Большая советская энциклопедия, 1958. 3069 с.

27. ***李秀民***. 丰富经验的总结 群体智慧的结晶—简评《俄汉详解大词典》. 外语研究. 1999. № 2. 第 60–63页.

28. *李锡胤*. 多层次反映词义结构—谈《俄汉详解大词典》的释义特点. 辞书研究. 2000. № 1. 第 25–29页.

29. *征钧, 冯*华英. 20**世**纪末词林的一座丰碑——评《俄汉详解大词典》. **外**语与外语教学. 2000. № 7. **第** 53–55页.

30. *黑龙江大学***俄**罗斯语言文学与文化研究中心辞书研究所. **新**时代俄汉详解大词典. **北京**：**商**务印书馆, 2014. 7576页.

31. *Отчет* с официального сайта Хэйлунцзянского университета. URL : http://www.hlju.edu.cn/info/1043/1013.htm

The History of Russian-Chinese Bilingual Dictionaries Compilation in China

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 111–130.
DOI: 10.17223/22274200/17/6

Guo Lijun, Sun Yat-sen University (Guangzhou, China). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Xu Hong, Shanghai International Studies University (Shanghai, China). E-mail: katiaxu@shisu.edu.cn

Keywords: practical lexicography, theoretical lexicography, history of lexicography, Russian-Chinese dictionaries, lexicographic tradition.

The article analyzes the historical background of lexicography development in China in the sphere of bilingual dictionaries compiling, Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionaries in particular. The relevance of the study is based on linguists' undying interest in the theory and practice of compiling dictionaries of different types. Besides, the development of theory and practice of bilingual dictionaries compilation and the search for new methods to describe the vocabulary and grammar of different languages imply the establishment of international relations between scientific groups of different countries, which contributes to the formation of good neighborly relations. It is indicated that the development of lexicography is impossible without understanding its history; that is why the aim of this article is to highlight the main stages of formation of the lexicographic tradition in the compilation and publication of Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionaries. The source materials for this article were Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionaries, the information about these dictionaries was extracted from the literature collection in Chinese of the National Library of China, as well as from published works of mainly Chinese (and partially Russian) researchers on the history of bilingual dictionaries compiling in China. Through a descriptive and comparative analysis, the authors make an attempt to cover the main stages of the development of scientific research in the sphere of compiling Chinese-Russian and Russian-Chinese reference works. As a result, it is revealed that the traditions of Chinese-Russian lexicography date back over several centuries and the matters of its formation catch the attention of researchers in both China and Russia. The authors analyze the historical background of the development of bilingual dictionaries compilation starting with the first Russian-Chinese reference books, whose compiling was initiated by Russian missionaries in the 18th century due to the active development of the Celestial Empire, and up to the most significant modern Russian-Chinese dictionaries which have gained the highest recognition in the spheres of lexicography and teaching Russian in modern China. It is noted that the compiling of dictionaries is directly related to the political situation, both domestic and international. It describes the periods of lexicography efflorescence caused by the country's local situation (for example, a large number of emigrants from Russia after the revolution in 1917 largely determined the beginning of the dictionaries compilation by Chinese linguists, as well as the Cultural Revolution resulted in stagnancy in the scientific spheres, including linguistics) or by the country's course to develop good neighborly relations with Russia (for example, from 1978 to the present, while the theory and practice of lexicography has been actively developing, including the field of Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionaries compiling). In conclusion, the authors stress that the practice of research groups' cooperation in compiling dictionaries has great prospects within the framework of the reform and opening up policy.

References

1. Zhāng Jīnzhōng. (2003) *E'hàn cídiǎn biānzuǎn lùngāng.* Hā'ěrbīn: Hēilóngjiāng Dàxué. (In Chinese).

2. Lú Huán. (1987) Dà éhàn cídiǎn rú shì wǒ jiàn. *Císhū yánjiū.* 6. pp. 42–45. (In Chinese).

3. Zhāng Jīnzhōng. (2007) Wǒguó zǎoqī de é'hàn cídiǎn biānzuǎn. *Císhū yánjiū.* 6. pp. 80–84. (In Chinese).

4. Chen Shengnan. (2017) The Structure and Lexical Features of the Russian-Chinese Dictionary of Illarion Rossokhin (1740s). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 5 (166). pp. 98–102. (In Russian).

5. Liǔ Ruòméi. (2013) Eluósī hànxuéjiā chūbǎn de zǎoqī hànyǔ cídiǎn. *Císhū yánjiū*. 1. pp. 60–67. (In Chinese).

6. Peshchurov, D.A. (1891) *Kitaysko-russkiy slovar'. Po graficheskoy sisteme* [Chinese-Russian Dictionary. According to the graphic system]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.

7. Vasil'yev, V.P. (2010) *Graficheskaya sistema kitayskikh iyeroglifov. Opyt pervogo kitaysko-russkogo slovarya* [Graphic System of Chinese Characters. Experience of the First Chinese-Russian Dictionary]. Saint Petersburg: Studiya "NP-Print".

8. Yan Guodong. (2010) The first Russian-Chinese dictionary compiled by a Chinese. Translated from Chinese. *Vestnik SpbGU. Ser. 13 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13*. 2. pp. 16–25. (In Russian).

9. Safronov, M.V. & Xiè Zǎifú. (1988) Huá'é cídiǎn biānzuǎn shǐ. *Císhū yánjiū.* 4. pp. 102–108. (In Chinese).

10. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1385. List 1. File 1608. Page 77.

11. Panskaya, L. (1977) *Introduction to Palladii's Chinese Literature of the Muslims.* In collaboration with Donald Daniel Leslie. Canberra: Australian National University Press.

12. Kafarova, P.I. et al. (1909) *Polnyy kitaysko-russkiy slovar', sostavlennyy po slovaryam Chzhayl'sa, arkhimandrita Palladiya* [A Complete Sino-Russian Dictionary Compiled From the Dictionaries of Giles, Archimandrite Palladius]. Vols 1–2. Beijing: Beijing Spiritual Mission.

13. Archimandrite Abraham Chasovnikov. (1916) *Kratkaya istoriya Russkoy pravoslavnoy missii v Kitaye, sostavlennaya po sluchayu ispolnivshegosya v 1913 godu dvukhsotletnego yubileya ee sushchestvovaniya* [A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China, Compiled on the Occasion of the Bicentennial of Its Existence in 1913]. 1st ed. Beijing: Assumption Monastery.

14. Xú Zǔyǒu & Shěn Yì. (1991) *Zhōngguó gōngjùshū dà cídiǎn*. Fúzhōu: Fújiàn Rénmín Chūbǎnshè. (In Chinese).

15. Wú Lìkūn. (2001) Shìjì huímóu: é'hàn cídiǎn biānzuǎn lìshǐ gàishù. In: *Zhōngguó císhū xuéhuì shuāngyǔ cídiǎn zhuānyè wěiyuánhuì dìsìjiè niánhuì jì xuéshù yántǎohuì lùnwénjí*. Nánjīng: Jiāngsū Jiàoyù Chùbǎnshè. pp. 108–119. (In Chinese).

16. Chén Chǔxiáng. (2001) E'yǔlèi shuāngyǔ cídiǎn fāzhǎn de shìjì huígù. *Císhū yánjiū.* 4. pp. 1–10. (In Chinese).

17. Chen Changhao, Dubrovskiy, A.G. & Kotov, A.V. (1953) *Russko-kitayskiy slovar' : 26000 slov* [Russian-Chinese Dictionary: 26,000 Words]. 3rd ed. Moscow: Gos. izd. inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

18. Liú Wěi. (2008) Hēilóngjiāng Dàxué e'yǔ xuékē cídiǎn biānzuǎn lìshǐ tànjiū. *Hēilóngjiāng jiàoyù (gāojiào yánjiū yǔ pínggū bǎn)*. 3. pp. 1–3. (In Chinese).

19. Zuǒ Dàchéng. (1989) Císhū chùbǎn gōngzuò de huígù yǔ sīkǎo. *Císhū yánjiū.* 1. pp. 8–10. (In Chinese).

20. Mù Wǔxiáng. (1987) Dà éhàn cídiǎn de dà, quán, xīn. *Císhū yánjiū.* 6. pp. 66–71. (In Chinese).

21. Solntsev. V.M. (1998) *Hēilóngjiāng dàxué císhū yánjiūsuǒ biān "é'hàn xiángjiě dà cídiǎn" qiányán*. Hā'ěrbīn: Hēilóngjiāng Rénmín Chūbǎnshè. pp. 1–7. (In Chinese).

22. *Hēilóngjiāng dàxué císhū yánjiūsuǒ biān "é'hàn xiángjiě dà cídiǎn"*. (1998). Hā'ěrbīn: Hēilóngjiāng Rénmín Chūbǎnshè. (In Chinese).

23. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4 Vols. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

24. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Standard Language: In 17 Volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

25. Liu Zheong. (ed.) (1963) *Bol'shoy russko-kitayskiy slovar' : ok. 105000 slov* [Large Russian-Chinese Dictionary: Approx. 105,000 Words]. Beijing: Shanwu Inshuguan.

26. Vvedenskiy, B.A. (1958) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoye nauchnoye izdatel'stvo "Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya".

27. Lǐ Xiùmín. (1999) Fēngfù jīngyàn de zǒngjié qúntǐ zhìhuì de jiéjīng - jiǎnpíng"é'hàn xiángjiě dà *cídiǎn*". *Wàiyǔ yánjiū*. 2. pp. 60–63. (In Chinese).

28. Lǐ Xīyìn. (2000) Duōcéngcì fǎnyìng cíyì jiégòu – tán "é'hàn xiángjiě dà *cídiǎn*" de shìyì tèdiǎn. *Císhū yánjiū*. 2. pp. 25–29. (In Chinese).

29. Zhēng Jūn & Féng Huáyīng. (2000) 20 shìjìmò cílín de yīzuò fēngbēi – píng "é'hàn xiángjiě dà *cídiǎn*". *Wàiyǔ yǔ wàiyǔ jiàoxué*. 7. pp. 53–55. (In Chinese).

30. Hēilóngjiāng Dàxué E'luósī yǔyán wénxué yǔ wénhuà yánjiū zhōngxīn císhū yánjiūsuǒ. (2014) *Xīn shídaì é'hàn xiángjiě dà cídiǎn*. Běijīng: Shāngwù Yìnshūguǎn. (In Chinese).

31. Heilongjiang University. (2015) *Report form the university's official website*. [Online] Available from: http://www.hlju.edu.cn/info/1043/1013.htm. (In Chinese).

УДК 81
DOI: 10.17223/22274200/17/7

И.В. Зыкова

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА «ИДИОМАТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ[1]

Освещаются общая концепция и методология научного проекта «Идиоматика авангарда» и словаря «Идиоматика русского авангарда», которые формируются в русле новейших тенденций развития авторской лексикографии в отечественном языкознании. Вырабатываются критерии создания электронной библиотеки, обусловливающей специфику структурирования составляемого словаря. Рассматривается проблема формирования словника. Анализируются типы заголовочных единиц, которыми могут быть единицы как вербальной, так и невербальной идиоматики авангарда.

Ключевые слова: *идиоматика авангарда, фразеология, вербальные идиомы, невербальные идиомы, макроструктура словаря, словник, эмпирическая база данных.*

Введение: Авторская лексикография в свете новейших тенденций

В последнее десятилетие в условиях глобальных научно-социальных преобразований отмечается значительное усиление исследовательского и общественного интереса к вопросам авторской лексикографии, что свидетельствует о том передовом положении, которое занимает сегодня данная научная отрасль в процессе общего развития как лингвистической науки, так и культуры современного российского сообщества.

В настоящее время характер и пути развития авторской лексикографии отражаются во множестве новых и новейших словарных проектов, активно разрабатываемых на базе разных академических институтов, отечественных и зарубежных университетов. В их число

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134) в Институте языкознания РАН.

входят как долгосрочные проекты, которые стартовали на рубеже XX–XXI столетий, так и проекты, начало реализации которых приходится на последние несколько лет. Как отмечает Л.Л. Шестакова, «период рубежа веков, уже окрещенный “временем словарей”, “эпохой словарей”, стал плодотворным для авторской лексикографии» [1. С. 17; 2]. При изучении специфики лексикографических новаций, внедряемых в рамках разных лексикографических проектов, можно выделить ряд особенностей, которые определяют современные тенденции в области авторской лексикографии. Отметим некоторые из наиболее значимых.

В настоящее время можно констатировать активное развитие сложившейся традиции составления авторских словарей **по принципу**, в основу которого положено противопоставление **автор – авторы**. Как отмечают Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург, «отечественная авторская лексикография, как и мировая теория и практика создания словарей писателей, накопили богатый опыт лексикографической интерпретации языка выдающихся личностей современности и прошлого» [3. С. X]. В случае с одноавторскими словарями происходит существенное расширение круга лексикографируемых «выдающихся личностей» в результате усиления внимания к вербальному творчеству не только писателей, поэтов, литературных критиков, но и видных ученых, философов, известных деятелей культуры и искусства, политиков (см., например, [4–7]). Наряду с одноавторскими словарями заметно возрастает и число словарей, под сводом которых объединяются сразу несколько авторов на основании их принадлежности к одному художественному направлению (течению, движению), отнесенности их произведений к одному (определенному) литературному (художественному) жанру (типу произведений или текстов) и / или одному хронологическому периоду. К примеру, в «Словаре языка русской поэзии XX века», седьмой том которого вышел в 2017 г., объектом лексикографического представления является язык десяти русских поэтов Серебряного века – И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова и М. Цветаевой [8].

Современный облик авторской лексикографии также определяется сегодня интенсивной **разработкой дифференциального подхода** к лексикографической репрезентации языка произведений или идиолекта одного автора или ряда авторов, связанных хронологически или

общим художественным направлением. Внедрение такого подхода осуществлялось в рамках работы над составлением словаря языка Достоевского. Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург – авторы общей концепции «дифференциально-распределительной серии словарей», обосновывая целесообразность создания словарной серии, говорят о том, что «подход к созданию лексикографического образа лексического строя языка писателя как серии словарей отражает признание многоплановости языковой личности мастера слова, такого, каким был Ф.М. Достоевский; признание невозможности редуцировать языковое своеобразие любого художественного текста к какой-либо одной-единственной системе лексических или грамматических начал национального языка» [3. С. XXVIII]. По замыслу Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга, словарная серия включает базовый словарь (или «Словарь идиоглосс»), «Частотный словарь», «Словарь антропонимов», «Словарь топонимов», «Глоссарий», «Словарь грамматических слов», «Словарь фразеологизмов», «Словарь афоризмов», «Словарь прецедентных текстов» [3. С. XXXIII–XXXIV]. Как указывает Л.Л. Шестакова, «суммарные содержательные характеристики этих словарей, гипертекстовые формы их совместного использования (с помощью современных технологических приемов), способны <…> исчерпывающе отразить языковое богатство всего написанного Достоевским и синтезировать созданный им мир» [9].

Следует отметить, что такой дифференциальный подход широко применяется и в зарубежной лексикографии, о чем свидетельствуют, к примеру, многочисленные современные и новейшие, словари, посвященные творчеству Шекспира (см., например, [10, 11]). Данный подход применяется сегодня как к одноавторским, так и к сводным словарям.

В современной авторской лексикографии наблюдается также **интеграция принципов словарного описания**, которые приняты в отдельных типах авторских словарей или традиционно свойственны отдельным типам авторских словарей (например, толковым словарям, конкордансам, глоссариям, переводным, этимологическим и т.д.; о типологии авторских словарей см. подробнее: [1]). Данный факт можно было бы иначе обозначить как усиление тенденции к стиранию «жестких» типологических границ между словарями. Авторские словари нового поколения – это по преимуществу словари интегрального характера, который имеет самые разнообразные формы вопло-

щения. Интеграция может осуществляться по линии объединения вербального и невербального рядов (например, визуального) в репрезентации разного рода словарных данных, по линии методов и приемов внутренней организации словаря, по линии включаемой информации и т.д. К примеру, переводные словари создаются с привлечением методик толковых словарей, синхронические фразеологические словари включают этимологическую информацию, указание частотности и т.д. (см., например, [12]). Как указывает Л.Л. Шестакова, «эволюционный взгляд на инвариантную словарную статью в авторском словаре демонстрирует общую ее тенденцию (при сохранении основных структурогенных зон) к расширению рамок, усложнению организации, обогащению новыми параметрами, сведениями разного рода вплоть до ссылок на исследовательские труды, результатом чего становится появление пограничных текстов типа словарных эссе, этюдов и т.п.» [1. С. 13]. Таким образом, будучи отнесенным по изначальному замыслу составителей к какому-либо конкретному типу словаря, созданный словарь может фактически интегрировать в себе свойства или отличительные черты словарей других типов. В частности, интегральный характер «Словаря русской поэзии XX века» служит прецедентом для появления словаря нового типа или нового жанра – «комментирующего конкорданса», в котором «принцип конкорданса» сочетается «с элементами толкового словаря» [8. С. 248].

В настоящее время значительную степень реализации в области авторской лексикографии обретает тенденция к **внедрению новых информационно-коммуникационных** и **компьютерных технологий**, которые позволяют модернизировать и усовершенствовать процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки, организации, предоставления или репрезентации, восприятия, распространения и использования лексикографической информации. Это позволяет вывести теорию, методологию, практику авторской лексикографии на новый технический и эволюционный уровень и создавать авторские словари принципиально нового формата и нового типа. Одними из главных признаков новых словарей являются, в частности, их мультимедийный характер; возможность периодического содержательного обновления и корректировки (т.е. периодического введения новых, ранее неизвестных сведений); учет новых категорий пользователей (блогеров, пользователей Твиттера, смартфонов и т.д.); базирование на обширных массивах электронных (корпусных) баз эмпирических

данных; наличие специально разработанных поисково-информационных систем; реализация систем гипертекстовых связей широкого спектра и разновидностей и др. (см., например, [13–15]).

Отмеченные современные тенденции неизбежно влекут за собой непрекращающийся поиск новых решений к традиционным и фундаментальным проблемам и вопросам авторской лексикографии, касающимся различных аспектов составления авторских словарей, их макро- и микроструктуры.

В отношении **макроструктуры** в центре внимания находятся вопросы о выборе источника (источников) авторского словаря; о возможностях применения современных информационных и компьютерных технологий для создания полнотекстовых электронных библиотек лексикографируемых авторов; о выборе единиц словарного описания и принципах их лексикографической обработки; о соотношении и способах репрезентации общеязыкового и индивидуально-авторского; о разработке методов создания словника, о его полноте и специфике построения; о заглавной форме единиц лексикографического анализа; о создании компьютерных (открытых) словарных фондов авторов с возможностью включения в них вновь создаваемых словарей по принципу взаимодействия и взаимодополнительности.

В отношении **микроструктуры** словаря не теряют актуальности такие проблемы, как внутреннее устройство словарной статьи, обусловленное определенным типом и жанром авторского словаря; обсуждение целесообразности конкретных подходов к толкованию единиц словарного описания и типов дефиниций в авторских справочниках, которые определяют степень разработанности и полноты представления в них заголовочных единиц; вопрос об обязательности и факультативности конкретных словарных зон и подзон.

Все сказанное выше особенно релевантно в свете реализации новых словарных проектов, поиска эффективных путей их разработки, обоснования необходимости создания и оценки их ценности для дальнейшего развития теории и практики авторской лексикографии.

В настоящей статье на обсуждение выносится общая концепция научно-исследовательского проекта «Идиоматика авангарда» и проекта словаря «Идиоматика русского авангарда», развиваемая в русле новейших тенденций в области авторской лексикографии. Также освещается вопрос создания методологии проводимого лексикографического исследования. Особое внимание уделяется актуальным

проблемам конструирования макроструктуры словаря, в частности принципам и критериям создания электронной базы данных как источника лексикографической информации, которая обусловливает специфику микроструктуры словаря. В качестве одной из важнейших проблем анализируется типология идиоматики авангарда, направленная на выявление типов заголовочных единиц и формирование словника проектируемого словаря.

Проект «Идиоматика авангарда»: общая концепция, основные понятия, методологическая база

Проект «Идиоматика авангарда» замыслен его авторами (И.В. Зыкова, О.В. Соколова) как цикл исследований, посвященных такому художественно-литературному направлению, как авангард с учетом его исторического развития и возможной периодизации (ср.: *(ранний, классический, исторический) авангард* vs. *неоавангард* (или *поставангард*)), его движений в разных культурах (например, *русский авангард*, *итальянский футуризм*, *английский вортицизм*, *немецкий дадаизм*), а также его направлений в искусстве и литературе (например, в русской литературе: *кубофутуризм*, *ОБЕРИУ*). В основу данного проекта положена идея разработки серии сводных словарей, в каждом из которых объектом описания становится идиоматика, выделенная из произведений представителей одного из существующих авангардных направлений, формирование и развитие которых осуществлялось в России, а также и в других странах (например, в Италии и Великобритании) в разные периоды времени (начиная с XX в.). Иначе говоря, научно-исследовательский проект ориентирован на лексикографическую трактовку главным образом идиоматики русского авангарда, а также идиоматики итальянского, английского и другого авангарда с фокусированием внимания на конкретном авангардном направлении, например, кубофутуризм, ОБЕРИУ, сюрреализм и пр. Особо отметим, что проектируемые сводные словари рассчитаны на широкий круг читателей-пользователей, от специалистов-филологов, искусствоведов и исследователей смежных с филологией наук до любителей авангардного искусства и литературы, а также тех, кто только начинает свое знакомство с этой особой сферой художественной культуры со свойственным ей эстетическим отношением к художественному языку, создающему новую эстетическую реальность.

По сложившейся на сегодняшний день традиции создание авторского словаря предваряется и / или сопровождается проведением исследования соответствующего филологического (художественного и языкового) материала, в ходе которого формируется общая концепция словаря, вырабатываются понятийный аппарат и методологическая платформа лексикографической работы. Следуя этой общепринятой практике, проект «Идиоматика авангарда» базируется на изучении прежде всего литературного, а также художественного авангарда, на разработке в ходе его (т.е. проекта) реализации соответствующего инструментария операциональных понятий и собственной методологии проведения поэтапного лексикографического исследования.

Поскольку предметом словарного описания в данном случае является такой специфический класс единиц, используемых в разного рода художественных системах, как **идиоматика авангарда**, то в качестве первоочередной встает задача выработки ее дефиниции.

В рамках настоящего проекта принимается следующая рабочая дефиниция идиоматики авангарда. Под **идиоматикой авангарда** в широком смысле понимается «совокупность семиотически разнородных средств (вербальных и невербальных), целенаправленно создаваемых авангардистами в результате эксперимента, в основе которого лежат эстетическая и прагматическая интенции, направленные на формирование нового художественного языка литературы и искусства» [16. С. 210]. «Такие интенции реализуются за счет совмещения установок на отрицание существующих языковых конвенций и формирование новых норм, организующих новую идиоматику как основу нового языка» [17. С. 10]. С опорой на это понимание нами выделяются и разрабатываются два более частных понятия идиоматики авангарда – «вербальная идиоматика авангарда» и «невербальная идиоматика авангарда» (см. далее).

Наряду с центральным понятием «идиоматика авангарда» в сферу авторской лексикографии нами вводятся и разрабатываются следующие ключевые для настоящего проекта понятия: «установка на идиоматизацию в авангарде» и «собственно авангардная идиома» [Там же]; «ID card авангардной идиомы» (или «паспорт, идентификационная карта авангардной идиомы») [16]; «поэтика авангардного дискурса» и «поэтика авангардного манифеста»; «концептуально-метафорический коллаж», осмысливаемый нами как один из ведущих лингвокогнитивных приемов построения авангардного дискурса; «не-

вербальная идиоматика авангарда» [16, 18, 19]. С позиции лексикографической практики получают дальнейшую разработку такие понятия, релевантные для осознания природы идиоматики авангарда и ее отличности от других категорий (разрядов, классов) единиц языковой системы, как «межсемиотичность» [19–21], «деавтоматизация восприятия» и «алогичность» [22], «языковой эксперимент», «лингвокреативность», «фразеологическая креативность» [23].

В ходе проводимого исследования разрабатывается методология, направленная на идентификацию единиц идиоматики авангарда и позволяющая совершать верифицированный отбор заголовочных единиц из авангардных произведений для формирования словника проектируемых сводных словарей. В частности, разработан «метод идентификационной карты авангардной идиомы» [16]. Кроме того, применяются разные общие и частные методики проведения дискурс-анализа, лингвокогнитивные и лингвокультурологические методы (например, метод фреймовых семантик, метод лингвокультурологической реконструкции, основанный на теории концептуальной метафоры, метод дискурсного изучения фразеологической креативности) с целью изучения специфики авангардного дискурса, фразеологии и идиоматики, языковых новаций как результата языкового экспериментирования (см. подробнее: [18, 20, 22, 23]). В настоящее время ведется разработка алгоритма лексикографического описания идиоматики авангарда, учитывающего специфику авторского сводного словаря и целесообразность введения в микроструктуру словаря определенных словарных зон и подзон.

Таким образом, с учетом изложенной общей концепции, специфической природы идиоматики авангарда как объекта словарного описания, значительного объема эмпирического материала, являющего собой все множество произведений авангардистов – представителей разных авангардных направлений, а также и родожанровое разнообразие этих произведений, научно-исследовательский проект «Идиоматика авангарда» предполагает многоэтапную и долгосрочную реализацию. Его первый этап заключается в составлении словаря «Идиоматика русского авангарда». Перейдем к его краткому описанию.

Словарь «Идиоматика русского авангарда» как словарь нового типа

Проектируемое лексикографическое издание является **сводным словарем**. Его создание базируется на лексикографическом анализе

литературных и художественных произведений представителей раннего авангарда (1910-е – начало 1930-х гг.), главным образом кубофутуристов и некоторых из близких их кругу авторов, внесших значительный вклад в становление русского авангарда и его разных направлений (В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Б. Лившиц, Д. и Н. Бурлюки, К. Малевич, Е. Гуро, П. Филонов, А. Экстер, В. Шкловский, Р. Якобсон, М. Ларионов, И. Зданевич и некоторые другие).

Словарь «Идиоматика русского авангарда: (кубо)футуризм» базируется на **дифференциальном подходе**, применение которого выражается одновременно в трех основных ракурсах. Во-первых, на дифференциальный характер словаря указывает выбранный в качестве объекта лексикографического описания определенный пласт языка – идиоматика, извлеченная из произведений раннего авангарда. Во-вторых, применение дифференциального подхода отражается в том, что в фокусе лексикографического внимания находится идиоматика главным образом ведущих представителей кубофутуризма, извлекаемая в первую очередь из их наиболее значимых литературных и художественных произведений. В-третьих, целесообразным представляется создание отдельного словаря по идиоматике русского авангардного манифеста, т.е. по программным материалам идеологов или теоретиков авангарда. Авангардный манифест занимает особое положение в творчестве представителей раннего авангарда и оценивается в современной научной литературе в целом как центральный жанр авангарда. Согласно проведенному исследованию [16–18] в манифестах не только вырабатывается установка на идиоматизацию, проявляющаяся в ориентированности авангардистов на создание в ходе языкового и художественного экспериментирования своеобразных авангардных идиом, но также и на экспериментальное использование «традиционных» фразеологизмов. Авангардный манифест – это то актуальное или фактическое художественно-экспериментальное пространство, в котором данная установка находит свое первичное практическое воплощение. Этот факт делает авангардные манифесты особо интересным и ценным объектом лексикографического исследования. Таким образом, проектируемый словарь «Идиоматика русского авангарда» и словарь «Идиоматика русского авангардного манифеста» как «малый производный справочник» (в терминологии Л.Л. Шестаковой) вместе представляют минимальную словарную серию.

С точки зрения жанровой специфики словарь «Идиоматика русского авангарда» представляет собой **справочник-конкорданс интегративного типа**. Интегративность является многоплановой и проявляется в отношении разных аспектов словаря. С опорой на типологию авторских словарей Л.Л. Шестаковой [1], в которой выделяются 12 разграничивающих словари критериев, в рамках рассматриваемого словаря интегрируются по меньшей мере, следующие типологические признаки: <1> характер даваемых в словаре сведений (лингвистические vs. энциклопедические сведения); <5> основная цель описания (регистрирующие (фиксирующие, инвентаризующие) vs. объяснительные vs. переводные словари); <9> число языков (одноязычные vs. двуязычные vs. многоязычные); <11> функция и адресат (словари с научно-описательной ориентацией, адресованные специалистам-филологам vs. словари с учебной направленностью vs. словари, адресованные широкому кругу читателей). Интеграция данных признаков направлена на создание словаря «Идиоматика русского авангарда» как справочника-конкорданса, содержавшего не только лингвистическую, но в отдельных случаях и энциклопедическую и научную информацию. В нем не только регистрируются единицы идиоматики авангарда, но и дается по необходимости и возможности поясняющий комментарий к ним. Он является многофункциональным и многоадресным. Кроме того, видится целесообразным включать в Словарь переводы единиц идиоматики авангарда, контекстов их употреблений (в частности, на английский и итальянский языки), что делает конкорданс не одноязычным, а многоязычным изданием.

Отдельного внимания заслуживает и критерий <6>, выделенный в работе Л.Л. Шестаковой. В соответствии с этим критерием авторские словари разграничиваются по единице описания «на словари с заголовочной единицей, равной слову (словоформе), и заголовочной единицей больше или меньше слова (словари сочетаний, устойчивых выражений, цитат; словари морфем)» [1. С. 60–61]. Отличительная инновационная особенность рассматриваемого словаря состоит в том, что единицей описания в нем могут быть не только вербальные единицы «больше слова» (их подавляющее большинство) или «равные слову» (их намного меньше), но также и невербальные единицы (например, фрагменты произведений живописи). Данная особенность обусловлена типологией единиц идиоматики авангарда, рассмотренной подробно далее.

С учетом современной тенденции к применению в сфере авторской лексикографии компьютерных технологий проектируемый словарь базируется на **электронной библиотеке**. Создание данной библиотеки составляет важную исследовательско-аналитическую задачу, поскольку ее объем и характер включаемых в нее материалов во многом определяют то, какого рода информация будет структурировать содержание словаря и определять специфику его внутренней организации. Остановимся на этом подробнее.

Критерии создания электронной библиотеки как эмпирической базы лексикографического исследования

Первым шагом в составлении любого словаря является сбор необходимых данных и создание единого (электронного) ресурса, который будет служить эмпирической базой и главным источником требуемой лексикографической информации. В качестве такого ресурса и выступает электронная библиотека, которая формируется по ряду основных критериев, выделенных в рамках данной работы. Как представляется, важно учитывать:

1) объединение в рамках авангардного направления литераторов (поэтов и писателей) и художников, оставивших богатое литературное и художественное наследие и внесших разный вклад в становление авангарда и развитие (кубо)футуризма;

2) родожанровое и типологическое разнообразие литературных текстов представителей кубофутуризма, характеризующееся наличием как программно-теоретических работ (манифестов, статей), направленных на разработку концептуальных основ и теоретических установок указанного авангардного направления, так и собственно литературных и художественных произведений (проза, поэзия, драма и т.д.), призванных воплощать данные концепции и установки;

3) значимость отдельных литературных и художественных произведений и, как следствие, их разное влияние на развитие русской культуры (русской литературы и русского искусства), судить о котором возможно по степени их цитируемости или по количеству обращений к ним в разные периоды времени, наличию научных исследований и научно-исследовательских проектов, посвященных их изучению;

4) определенного рода взаимодействие с зарубежными авангардными движениями, а также их вклад в общий фонд мировой литера-

туры и мирового искусства, что отражается в наличии переводов литературных произведений представителей русского авангарда (в частности, кубофутуристов) на другие языки.

Таким образом, создаваемая электронная библиотека является комплексной и представляет собой совокупность отдельных электронных собраний, названия которых соответствуют указанным критериям. В ней объединяются следующие электронные коллекции:

/1/ электронное собрание основополагающих программно-теоретических работ манифестарного характера (или манифестов);

/2–3–4/ электронное собрание литературных произведений ведущих кубофутуристов – В. Хлебникова, В. Маяковского и А. Крученых, включающее оцифрованные (наиболее полные) их собрания сочинений;

/5/ электронное собрание наиболее значимых литературных и художественных произведений таких представителей раннего авангарда, как В. Лившиц, Д. и Н. Бурлюки, Е. Гуро, К. Малевич, В. Каменский, П. Филонов, О. Розанова, В. Шкловский, Р. Якобсон, М. Ларионов, И. Зданевич и И. Терентьев;

/6/ электронное собрание оцифрованных изданных авторских словарей, посвященных творчеству представителей кубофутуризма (например, «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой; словарь «Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий» Н.А. Тураниной; «Словарь фразоупотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского» Н.Н. Ничик и В.М. Ронгинского);

/7/ электронное собрание научных трудов ведущих специалистов в области изучения литературного и художественного творчества представителей раннего авангарда;

/8/ электронное собрание переводов литературных произведений лексикографируемых авангардистов на английский и итальянский языки (см., например, [24, 25]);

/9/ электронное собрание оцифрованных репродукций художественных произведений рассматриваемых авторов, выбор которых определяется их значимостью в творчестве авангардистов (в частности, (кубо)футуристов), а также наличием определенной связи с литературной линией деятельности ведущих представителей раннего авангарда и др.

Следует отметить, что произведения представителей кубофутуризма и близких их кругу авангардистов опубликованы в настоящее

время в значительном количестве в различных изданиях, вышедших в разное время и характеризующихся разной степенью охвата их творчества. Составляемая электронная библиотека призвана объединить и представить на единой платформе и в наиболее полном объеме (по замыслу составителей словаря) литературные произведения представителей раннего авангарда с отражением их связи с художественными произведениями, их переводы и новые научные данные, полученные в результате их исследования. К тому же каждое из собраний обладает своей функциональной направленностью и призвано служить эмпирической базой для проведения отдельных лексикографических исследований с целью разработки макроструктуры и микроструктуры словаря, определенных их разделов, зон и подзон. В частности, на основе электронных собраний /1–5/ и /9/ осуществляется формирование словника, в ходе которого на первый план выходит проблема идентификации, отбора и систематизации тех единиц идиоматики авангарда, которые могут стать предметом словарного описания, или, иначе говоря, проблема типологии идиоматики авангарда.

Типология идиоматики авангарда как лексикографическая проблема формирования словника

В разработке типологии идиоматики авангарда важно учитывать следующие ключевые установки и нововведения авангарда: стремление к «стиранию» границ между разными родами искусства (ср.: изобразительное искусство, вербальное искусство, музыкальное искусство, киноискусство и др.); примат синтеза различных видов творчества, их взаимопроникновения: экспериментирование в области искусства и литературы с целью выработать новый (единый) художественный язык, соответствующий устанавливаемым в начале XX в. новым эстетическим канонам.

Принимая во внимание данные установки и нововведения, в идиоматике авангарда представляется необходимым (как уже отмечалось выше) провести разграничение между двумя основными видами единиц, которые могут быть объектами лексикографического анализа: **вербальная идиоматика** и **невербальная идиоматика**. Каждая из двух выделенных разновидностей идиоматики авангарда подразделяется на определенные типы, лексикографическая интерпретация и репрезентация которых может как совпадать, так и (существенно) от-

личаться. Перейдем к рассмотрению этих основных видов идиоматики авангарда и их типологии.

Вербальная идиоматика понимается в настоящем исследования как совокупность вербальных единиц двух основных классов: 1) собственно авангардные идиомы, определяемые нами как языковые единицы, целенаправленно создаваемые в результате проведения языковых экспериментов в литературном авангарде (например: *путейцы языка, облако в штанах, следить <читать> мир с конца, ковать звучаль, баячи будущего*); 2) «традиционные» фразеологизмы в широком понимании, (экспериментально) используемые в произведениях литературного авангарда в узуальных и модифицированных формах (например: *класть / положить к ногам > Сегодня* ***к новым ногам ляжте!*** (В. Маяковский, «Флейта-позвоночник»).

Анализ вербальной идиоматики, экспериментально создаваемой и используемой в произведениях кубофутуристов и близких их кругу авторов, позволяет выделить на данном этапе ее изучения следующие типы собственно авангардных идиом:

– авангардные идиомы-термины, например: *новое слово; заумный язык; самовитое слово; вырубать формы; действовать цветом; графика духовного состояния*;

– авангардные идиомы-дескрипции или идиомы-экспрессемы, например: *не язык, а жалкий евнух; парфюмерный блуд; эстетическое гниение*; *сохранять от зла-порчи; обглоданное слово;*

– авангардные идиомы-эксперименты, например: *че воды; дыр бул щыл; чи брео зо*; *бэ го языков*; *чета небедей; величественно, как √ ЕВ Толстой*;

– авангардные паремии, имеющие структуру предложения и отличающиеся афористическим характером, например: *Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней; Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью*.

Среди «традиционных» фразеологизмов, функционирующих в произведениях лексикографируемых авторов, можно обнаружить такие их типы:

– фразеологизмы-термины или идиомы-термины, например: *золотой век; центр тяжести; ударная сила; земной шар; Млечный путь*;

– общеязыковые идиомы, например: *вилять хвостом; наступать на горло; пускать слезу; под спудом; точь в точь*;

– коллокации или фразеоматизмы, например: *оказывать воздействие; составлять основу; холодный разум; приносить плоды*;

– фразеологические единицы метаязыкового и модального характера, например: *так сказать; честно говоря; к слову*;

– фразеосхемы или фразеологизмы-конструкции, например: *смесь X с Y*; *не X, а X-ище*;

– паремии, например: *заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет*;

– прецедентные феномены, например: *«Кесарю кесарево – богу богово»*; *синяя птица; честный дядя; размер Хеопса; боги Эллады* (о возможности отнесения прецедентных феноменов к фразеологии см. в [26]);

– иноязычные устойчивые языковые единицы, например, *post hoe, ergo propter hoc; grand art*.

Под **невербальной идиоматикой** в настоящем исследовании понимается **совокупность невербальных (пластических) идиом**, извлекаемых из художественных произведений представителей раннего авангарда, а также их литературных произведений, содержащих разного рода художественные изображения (графические рисунки и живописные изображения, гравюры, литографические изображения и проч., см., например, в «Взорварь» и «Мирсконца»).

Несмотря на то что вопросы о существовании невербальных идиом и их отличительных чертах поднимался исследователями многократно, что подтверждается, в частности, функционированием в научной литературе таких терминов, как *пластическая идиома*, *идиоматический жест*, *звуковая идиома*, *изобразительная идиома* (см. также термины в английском языке: *artistic idiom*, *idioms of music*, *the dancer's idiom*, *theatrical idioms*, *Expressionist idiom*) [27, 28][1], объектом системного лексикографического анализа и описания невербальные идиомы не становились. В связи с этим разработка типологии аван-

[1] Отдельно заметим, что, к примеру, о выработке Бурлюком специфических *пластических идиом* как важной составляющей его живописного языка писал Б. Калаушин [29]. Рассматривая особенности живописи Экстер на примере ее альбома «Цветовые ритмы», Г.Ф. Коваленко отмечает, что «подход к альбому как к серии позволяет убедиться очень во многом, прежде всего – различать повторяющиеся *пластические идиомы* и в их стабильности распознать подлинный голос художника» [30. С. 209]. В своей работе М. Кленова обращает внимание на то, что «Malevich's new *pictorial idiom* allowed him to push his conceptual thinking further» [31. С. 69].

гардных невербальных идиом представляет собой самостоятельную задачу в нашем лексикографическом проекте. Нетривиальность и масштабность этой задачи требует проведения отдельного исследования с целью разработки комплексной методологии идентификации такого рода идиом в художественных произведениях лексикографируемых авторов. Сделанные на сегодняшний день наблюдения и полученные результаты первичного осмысления данной проблемы позволяют выделить по меньшей мере три основных критерия, которые следует учитывать при разработке типологии единиц, формирующих невербальную идиоматику авангарда.

В качестве первого критерия выступают виды искусства, одним из оснований классификации которых является трехчленная оппозиция: пластические искусства vs. временные искусства (музыка, литература) vs. синтетические искусства (театр, хореография, кино и др.). Особый интерес для нас представляют пластические искусства, которые, в свою очередь подразделяются на изобразительные (живопись, графика, скульптура и др.) и неизобразительные (архитектура, декоративно-прикладное искусство, художественное конструирование) [32]. Принимая во внимание специфику творческой деятельности лексикографируемых авторов, наше исследование направлено на анализ изобразительных (в частности, живописных, графических, литографических) идиом.

Вторым критерием является, на наш взгляд, степень сложности пластических изобразительных идиом, в соответствии с которой они могут представлять собой единичный изобразительный знак, совокупность изобразительных знаков, например, в виде отдельной фигуры, фрагмента картины, или соотноситься с целостной картиной.

Третьим критерием, с нашей точки зрения, следует считать (не)зависимость пластических изобразительных идиом от вербального творчества (или вербальных аналогов). Надо заметить, что в современной науке подход к пониманию невербальных идиом как вербально обусловленных сущностей получает широкое обсуждение. К примеру, невербальная идиома может трактоваться как «скрытая форма вербальности», т.е. как «идиома и фразеологизм, фигуры речи, имплицитно содержащиеся в повествовательной материи изображения» [33. С. 8]. Как указывает Н.В. Злыднева, «естественный язык определяет некоторые сегменты мышления художника, задавая те или иные стратегии визуальной наррации» [Там же. С. 8]. Кроме того, не-

вербальная идиома может представлять собой изобразительный знак или совокупность изобразительных знаков, специально разрабатываемых с целью образной передачи некоего смысла (значения, концепта и под.) и «замещающих» собой существующие вербальные знаки. Одним из примеров последнего являются специфические опыты подобных разработок В. Хлебникова, представленных, в частности, в его манифесте «Художники мира!» [34. С. 153–158]. Таким образом, в соответствии с наличием или отсутствием прямой или опосредованной связи с вербальными аналогами авангардные невербальные (пластические) идиомы можно разделить на те, которые основаны на, условно говоря, «чистых» визуальных (живописных) образах, и те, визуальные образы которых восходят к вербальным (образным) средствам, например, к устойчивым образным выражениям, распространенным (литературным) метафорам, крылатым выражениям, цитатам.

С опорой на данные критерии в поле исследовательского интереса оказываются в первую очередь специфические художественные (изобразительные) единицы, которые являются знаковыми в творчестве лексикографируемых авторов, характеризуют своеобразие их художественного подхода и идиостиля и могут быть квалифицированы как авангардные невербальные идиомы. К числу такого рода идиом представляется возможным отнести, к примеру, изображения черного креста, черного круга и черного квадрата Малевича (рис. 1).

Рис. 1. Казимир Малевич. «Черный квадрат», 1915 г.
Государственный Русский музей (Санкт-Петербург, Россия)

Исходя из отмеченных выше критериев, изображение, к примеру, черного квадрата можно определить как изобразительную (живопис-

ную) идиому, представляющую собой единичный изобразительный знак, своеобразие которого определяется по меньшей мере таким (минимальным) комплексом черт, как сочетание определенной формы (квадрат) с определенным цветом (черный). Анализ истории возникновения данной авангардной невербальной идиомы не обнаруживает ее связи с каким-либо вербальным (фразеологическим или идиоматическим) аналогом, который мог бы выступать в качестве источника ее появления. Создание идиомы традиционно относят к периоду работы Малевича над декорациями футуристической оперы «Победа над Солнцем» (М. Матюшин, А. Крученых, 1913) и ассоциируют с одноименной картиной, представленной на футуристической выставке «0.10» в Петербурге в 1915 г. Данный тип, а также и другие типы невербальных идиом, на установление которых направлено настоящее лексикографическое исследование, формируют **общую типологию невербальной идиоматики авангарда**.

Отдельно следует заметить, что при лексикографическом изучении невербальной идиоматики авангарда необходимо помнить о той принципиальной значимости, которой обладало для авангардистов взаимодействие литературы и искусства (разных его видов) в их новаторском творчестве. Именно установка на это взаимодействие и делает краеугольным камнем в создании идиоматики авангарда такой ее отличительный признак, как **межсемиотичность** [17, 20][1]. Рассмотрим несколько случаев реализации данного признака, требующих разного подхода к их лексикографическому описанию и представлению в словарной статье.

1. Указанием на непосредственное проявление признака «межсемиотичность» может выступать, например, название картины, осно-

[1] Отдельно поясним, что в рамках настоящего исследования межсемиотичность предполагает возможность перевода некоторого концептуального содержания из вербальной системы в невербальную или наоборот – из невербальной системы в вербальную (см. подробнее: [20]). Соответственно, создается возможность воплощения идиоматических или фразеологических образов как в вербальной, так и невербальной форме, а также одновременного в обеих формах. Иначе говоря, за межсемиотичностью стоят разные пути реализации процесса межсемиотической транспозиции (в терминологии Р. Якобсона). Таким образом, анализ категориального признака «межсемиотичность» позволяет осмыслить **специфику создания авангардных** не только **невербальных идиом**, но и **вербальных идиом**, а также учесть эту специфику при лексикографическом описании данных типов единиц идиоматики авангарда как заголовочных единиц.

ванное на устойчивом образном выражении или распространенной метафоре (а также другом тропе или фигуре речи), или введение в живописное произведение вербального компонента в виде буквы или букв, слова или слов, фразы или фраз, литературного текста. Одним из примеров может выступать картина Малевича «Англичанин в Москве», в структуре которой содержится специфическим образом изображенный и тем самым модифицированный фразеологизм-термин *частичное затмение*. Примечательно, что данная вербальная единица обладает и образным значением ‘временного помрачения сознания’ и коррелирует в смысловом плане с фразой *скаковое общество*, также изображенной на рассматриваемой картине (рис. 2). Добавим также, что весьма показательным является и рисунок Малевича «Прографачник», который определяется, например, И. Ароновым как «особый тип графической поэзии супрематизма» [35. С. 324], а А. Шатских – как «явления синестезии, соединение поэзии, рисунка и графической музыки» (цит. по: [35. С. 325]).

Рис. 2. Казимир Малевич. «Англичанин в Москве», 1914–1915 гг.

2. Признак «межсемиотичности» эксплицирован также в случаях включения в структуру литературного произведения рисунков, графических изображений, которые могут служить иллюстрациями

определенных вербальных выражений, в частности единиц вербальной идиоматики авангарда – собственно авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов. В качестве примера можно привести рисунок В. Маяковского, сделанный как иллюстрация к собственно авангардной идиоме *быть прибитым к бумаге гвоздями слов* в поэме «Флейта-позвоночник» (рис. 3). Данная идиома имеет глубокие культурно-исторические корни. Она восходит к выражениям *прибить гвоздями*, *прикрепить гвоздями*, которые в церковнославянском языке были связанны с образом распятого Христа [36]. Как указывают А. Сергеева-Клятис и А. Россомахин, «на финальной иллюстрации к созданному в 1919 году рукописному экземпляру “Флейты” Маяковский изобразил самого себя распятым на страницах собственной книги, прибитым к ней “гвоздями слов”, с которых стекает кровь. И поэтому начальная строка “В праздник красьте сегодняшнее число” способна прочитаться как день распятия поэта, день, чья календарная дата в буквальном смысле окрашена красной кровью» [37. С. 48].

Другим не менее показательным примером является и рисунок Маяковского, изображающий авангардную идиому *играть на флейте позвоночника*, которая образована на основе следующих стихотворных строк: «Я сегодня буду играть на флейте / на собственном позвоночнике» (рис. 4).

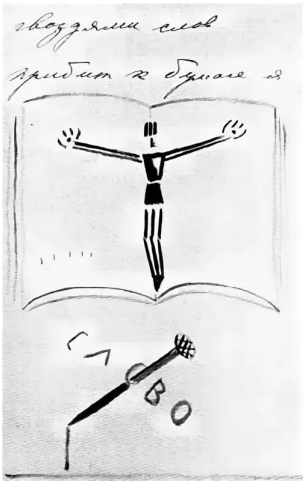

Рис. 3. Владимир Маяковский. Рисунок в рукописной книге «Флейта-позвоночник» (1919)

Рис. 4. Владимир Маяковский. Рисунок в рукописной книге «Флейта-позвоночник» (1919)

Внимания заслуживает и изображение собственно авангардной идиомы *маршрут шаризны*, представленное в одноименном манифесте «Маршрут шаризны» его автором И. Терентьевым (рис. 5).

Рис. 5. Игорь Терентьев. Рисунок в манифесте «Маршрут шаризны» (1919)

3. Одним из способов реализации признака межсемиотичности также является функционирование в литературных произведениях лексикографируемых авторов вербальных аналогов созданной ими невербальной идиоматики. Для примера можно сравнить изображение черного квадрата Малевича как невербальную идиому с ее вербальным аналогом – *черным квадратом*. Одним из главных источников вербализации рассматриваемой невербальной идиомы выступают многочисленные контексты ее описания художником, в частности:

(1) *Мы острою гранью делим время и ставим на первой странице плоскость в виде* ***квадрата, черного*** *как тайна, плоскость глядит на нас темным, как бы скрывая в себе новые страницы будущего. Она будет печатью нашего времени, куда и где бы ни повесили ее, она не затеряет лица своего* [38. С. 112].

(2) *Супрематизм делится на три стадии по числу* ***квадратов****, –* ***черного****, красного и белого, черный период, цветной и белый* [Там же. С. 185].

(3) ***Черный квадрат*** *определил экономию, кот<орую> я ввел как пятую меру искусства* [Там же. С. 188].

Приведенные выше и все остальные контексты, раскрывая метарефлексию художника в отношении созданной невербальной идиомы, призваны передать разнообразие стоящих за данной идиомой авторских смыслов и сформировать представление о ее целостной семантической структуре или целостной семантике. Вместе с тем данные контексты отражают и динамику процесса ее вербальной концептуализации и объективации, или, иначе говоря, процесс ее «перевода» из невербальной системы в вербальную. Вербализованная пластическая (точнее, изобразительная живописная) идиома может переходить со временем из специального (искусствоведческого) дискурса в общеязыковой узус, расширяя дискурсивное пространство своего функционирования и приближаясь в своем статусе к «традиционной» фразеологии.

Обобщая сказанное, отметим, что из приведенных выше примеров следует, что мы имеем дело с межсемиотичностью, основанной на (частичном или полном) переводе вербальной идиомы в художественную, изобразительно-живописную форму (*частичное затмение*, *быть прибитым к бумаге гвоздями слов, играть на флейте позвоночника*), и межсемиотичностью, основанной на (полном или частичном) переводе пластической (изобразительной живописной) идиомы в вер-

бальную форму (изображение черного квадрата → выражение *черный квадрат*). При этом мы предполагаем, что характер проявлений межсемиотических трансформаций является более сложным и гетерогенным. Его дальнейшее изучение позволит выявить другие разновидности, способы или формы проявления признака межсемиотичности. Исследование последних является принципиально важным для разработки общей типологии единиц невербальной идиоматики авангарда и их корректной лексикографической репрезентации.

Таким образом, одной из отличительных черт словаря «Идиоматика русского авангарда» является то, что в нем в качестве **заголовочной единицы словарных статей** может выступать **один из типов как вербальных, так и невербальных идиом**. Семиотически различная природа единиц идиоматики авангарда, внутреннее типологическое разнообразие ее двух основных видов не может не отражаться на специфике построения микроструктуры словарной статьи. Последнее является предметом отдельного рассмотрения, не входящего в задачи настоящей статьи.

Заключение

Как показано в статье, словарь «Идиоматика русского авангарда» составляется с учетом современных тенденций авторской лексикографии как справочник-конкорданс интегративного типа. Создание словаря сопровождается разработкой необходимых операциональных понятий и методов, направленных на раскрытие специфической природы лексикографируемого объекта – идиоматики авангарда, выявление ее видов и типов, на их идентификацию в весьма гетерогенном художественно-экспериментальном пространстве авангардного дискурса.

В результате исследования были выработаны критерии формирования электронной библиотеки, выступающей в качестве исходной базы данных для проведения отдельных лексикографических исследований, итогом которых является разработка макроструктуры и микроструктуры проектируемого словаря, в частности формирование словника.

Специфический характер творчества авангардистов, реализуемая в их творческой деятельности установка на синтез разных родов и видов искусств (в частности, стремление к взаимодействию, соедине-

нию вербальных и живописных элементов), приводит к формированию нового типа словника, в состав которого наряду с авангардными вербальными единицами входят и невербальные идиомы. Проведенная типология идиоматики авангарда позволила определить различные типы заголовочных единиц (вербальных и невербальных) как объектов словарной интерпретации. Как показало исследование, особого внимания с лексикографической точки зрения заслуживает категориальный признак «межсемиотичность». Разная реализация данного признака ложится в основу выделения разных типов невербальных идиом и, соответственно, влияет на характер построения и содержание микроструктуры словарной статьи.

В заключение отметим, что представленные в настоящей статье данные эксплицируют инновационный характер проектируемого словаря, основанного на формировании нового понимания объекта лексикографического описания, требующего выработки новых параметров его лексикографирования. В целом разрабатываемый в исследовании подход к лексикографическому анализу идиоматики авангарда как результата языкового и художественного экспериментирования способен расширить представления о способах и формах реализации креативного потенциала русского языка в литературе и искусстве авангарда (в частности, в живописи), а также о путях и формах взаимодействия и глубинных, концептуальных связях русской поэзии и поэтики с русским искусством начала XX в., ознаменовавшегося коренными переменами в русском обществе и радикальными инновациями в русской культуре. Словарь подобного рода также может быть полезен в разных сферах преподавания русской литературы и русского языка, в частности русского как иностранного, а также в преподавании ряда разделов искусствоведения и культурологии, посвященных изучению авангардного направления в искусстве и русской культуре.

Литература

1. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность : дис. … д-ра филол. наук. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2012. 580 с.

2. *Козырев В.А.*, *Черняк В.Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.

3. *Караулов Ю.Н.*, *Гинзбург Е.Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. М. : Азбуковник, 2001. С. IX–LXII.

4. *Волков С.С.* Трехъязычный словарь языка М.В. Ломоносова // Вестник РГНФ. 2012. № 3. С. 98–106.

5. *Словарь* Л.С. Выготского / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2010. 119 с.

6. *Логош О.*, *Петров В.* Словарь «Маятника Фуко» Умберто Эко. СПб. : Симпозиум, 2002. 553 с.

7. *Козловская Н.В.* Философский термин как объект авторской лексикографии (на материале произведений Н.Ф. Федорова) // Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М. : Аквилон, 2018. С. 19–27.

8. *Шестакова Л.Л.*, *Кулева А.С.* Из опыта работы над седьмым томом «Словаря языка русской поэзии XX века» // Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М. : Аквилон, 2018. С. 247–257.

9. *Шестакова Л.Л.* Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий // Знамя. 2009. № 12. URL: http://www.zh-zal.ru/znamia/2009/12/sh22.html (дата обращения: 1.03.2019).

10. *Davis J.*, *Frankforter A.* The Shakespeare Name Dictionary. London : Routledge, 2004. 552 p.

11. *Foster J.* A Doctor's Shakespeare: A Collection of Medical Quotations from Shakespeare. N.Y. : Xlibris Corporation, 2011. 266 p.

12. *Леденёва В.В.* Индивидуальное и общее в идиолекте Н.С. Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века : словарь : в 2 кн. М. : МГОУ, 2007. 276 с.

13. *Карпова О.М.* Новые энциклопедические словари Шекспира // Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М. : Аквилон, 2018. С. 99–105.

14. *Иванова О.Е.* «Словарь языка поэзии» и его реализация в виде поисковой системы // Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М. : Аквилон, 2018. С. 213–221.

15. *Петрова З.Ю.*, *Ребецкая Н.А.*, *Фатеева Н.А.* Проект создания информационно-поисковой системы на базе «Словаря метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» // Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. М. : Аквилон, 2018. С. 222–237.

16. *Зыкова И.В.* Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 210–219.

17. *Зыкова И.В.*, *Соколова О.В.* Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.

18. *Зыкова И.В.* «Назад в будущее»: разработка идиоматики в кубофутуризме // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 555–566.

19. *Зыкова И.В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М. : Либроком, 2011. 368 с.

20. *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеологии: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М. : ЛЕНАНД, 2015. 380 с.

21. *Соколова О.В.* От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М. : Культурная революция, 2019. 294 с.

22. *Соколова О.В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М. : Гнозис, 2014. 304 с.

23. *Зыкова И.В.* Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М. : Гнозис, 2017. 752 с.

24. *Kraiski G.* Le poetiche russe del Novecento: Dal simbolismo alla poesia proletaria. Bari : Laterza, 1968. 438 p.

25. *Wade J.* Mayakovsky maximum access / poems by Vladimir Mayakovsky translated by Jenny Wade. US : Sensitive Skin Books, 2018. 238 p.

26. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.

27. *Bennett B.* Theater as Problem: Modern Drama and its Place in Literature. Ithaca : Cornell University Press, 1990. 272 p.

28. *Flam J.* (ed.) Primitivism and the Twentieth-century Art: A Documentary History. Berkeley, CA : University of California Press, 2003. 491 p.

29. *Калаушин Б.* Бурлюк, цвет и рифма. Кн. 1: Отец русского футуризма. СПб. : Аполлон, 1995. 800 с.

30. *Коваленко Г.Ф.* Александра Экстер: «Цветовые ритмы» // Амазонки «Авангарда». М. : Наука, 2001. С. 198–215.

31. *Khlenova M.* Language, Space and Abstraction // Malevich. London : Tate Enterprise Ltd, 2014. P. 66–89.

32. ПХЭ – Популярная художественная энциклопедия / под ред. В.М. Полевого. М. : Советская энциклопедия, 1986. Кн. 2. 432 с.

33. *Злыднева Н.В.* Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М. : Индрик, 2008. 304 с.

34. *Хлебников В.* Собрание сочинений : в 6 т. 2-е изд., испр. / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М. : Дмитрий Сечин, 2014. Т. 6. 448 с.

35. *Аронов И.* Казимир Малевич: Опыты супрематической поэзии // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/47/index.shtml (дата обращения: 31.03.2019).

36. *Виноградов В.В.* Пригвоздить // История слов. М., 2010. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf (дата обращения: 5.04.2019).

37. *Сергеева-Клятис А.*, *Россомахин А.* Флейта-позвоночник Владимира Маяковского. Комментированное издание. Статьи. Факсимиле. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 136 с.

38. *Казимир Малевич*. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1: Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929 / под общ. ред. А.С. Шатских. М. : Гилея, 1995. 398 с.

General Conception, Methodology and Topical Issues of the Dictionary of a New Type *Idiomatics of Russian Avant-Garde* in the Context of Modern Trends of Authorial Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 131–160.
DOI: 10.17223/22274200/17/7

Irina V. Zykova, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zykova_iv@mail.ru
Keywords: avant-garde idiomatics, phraseology, verbal idioms, non-verbal idioms, dictionary macrostructure, glossary, empirical database.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No.18-012-00134.

The present article analyzes the latest trends in authorial lexicography in Russia, which are as follows: (1) compiling two opposing types of authorial dictionaries—single-author and several-author; (2) elaborating a differential approach aimed at creating whole series of single-author and several-author dictionaries; (3) compiling authorial dictionaries of an integrative type; (4) widely applying computer technologies due to the new tasks of authorial lexicographic practice as well as the new demands of modern language speakers. The dictionary *Idiomatics of Russian Avant-Garde* is one of the stages of the research project "Idiomatics of Avant-Garde". Its elaboration is carried out in line with the above-described modern lexicographic tendencies. The dictionary is a reference-concordance book of an integrative type. Its creation is accompanied by the development of operational notions and methodological tools aimed at revealing the specific nature of the lexicographic object—the avant-garde idiomatics, at identifying its various types in avant-garde discourse. The specificity of avant-garde discourse requires a special approach to the formation of the empirical basis of the lexicographic project, which is an e-library. The conducted research results in establishing the criteria for the organization of an e-library, owing to which it is a representative electronic resource of data that comprehensively presents the artistic and literary works of the authors under lexicographic analysis. Besides, the e-library allows carrying out separate lexicographic studies in order to elaborate various constituents of the macro- and microstructure of the dictionary designed, in particular, the headword index. The specific nature of avant-gardists' creative activity, their intention to synthesize different kinds of art (in particular, to combine verbal and pictorial elements) leads to the formation of a new type of the headword index. Along with verbal units, it includes non-verbal idioms. The typology of avant-garde idiomatics elaborated in the research makes it possible to identify various (verbal and non-verbal) types of headwords and reveal special relevance of the categorial feature "inter-semioticity" in the systematization of non-verbal idiomatics of avant-garde. In general, the elaborated approach to the lexicographic analysis of avant-garde idiomatics as a result of linguistic and artistic experimentation reveals various methods and forms of realizing the creative potential of the Russian language in the avant-garde literature and art (particularly in painting). It also gives insights into the ways and forms of both the interaction and the conceptual relations of Russian poetry and poetics with the Russian art of the early 20th century, which was marked by indigenous changes in Russian society and radical innovations in Russian culture.

References

1. Shestakova, L.L. (2012) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author's lexicography: theory, history, modernity]. Philology Dr. Diss. Moscow.

2. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian Language: The present and past centuries]. 2nd ed. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

3. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (2001) Yazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii [The language and thought of Dostoevsky in the vocabulary mapping]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Leksicheskiy stroy idiolekta* [Dictionary of the Language of Dostoevsky: The lexical system of the idiolect]. Moscow: Azbukovnik. pp. IX–LXII.

4. Volkov, S.S. (2012) Trilingual "Dictionary of V.M. Lomonosov's Language". *Vestnik RGNF*. 3. pp. 98–106. (In Russian).

5. Leont'ev, A.A. (ed.) (2010) *Slovar' L.S. Vygotskogo* [LS Vygotsky's Dictionary]. Moscow: Smysl.

6. Logosh, O. & Petrov, V. (2002) *Slovar' "Mayatnika Fuko" Umberto Eko* [Dictionary of Foucault's Pendulum by Umberto Eco]. Saint Petersburg: Simpozium.

7. Kozlovskaya, N.V. (2018) Filosofskiy termin kak ob"ekt avtorskoy leksikografii (na materiale proizvedeniy N.F. Fedorova) [The philosophical term as an object of author's lexicography (based on the works of N.F. Fedorov)]. In: Shestakova, L.L. (ed.) *Sovremennye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Authorial Lexicography]. Moscow: Akvilon. pp. 19–27.

8. Shestakova, L.L. & Kuleva, A.S. (2018) Iz opyta raboty nad sed'mym tomom "Slovarya yazyka russkoy poezii XX veka" [From the Experience of Work on the Seventh Volume of the Dictionary of the Language of Russian Poetry of the 20th Century]. In: Shestakova, L.L. (ed.) *Sovremennye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Authorial Lexicography]. Moscow: Akvilon. pp. 247–257.

9. Shestakova, L.L. (2009) Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossariy [Dictionary of the language of Dostoevsky. Idioglossary]. *Znamya*. 12. [Online] Available from: http://www.zh-zal.ru/znamia/2009/12/sh22.html. (Accessed: 1.03.2019).

10. Davis, J. & Frankforter, A. (2004) *The Shakespeare Name Dictionary*. London: Routledge.

11. Foster, J. (2011) *A Doctor's Shakespeare: A Collection of Medical Quotations from Shakespeare*. New York: Xlibris Corporation.

12. Ledenyova, V.V. (2007) *Individual'noe i obshchee v idiolekte N.S. Leskova: Leksicheskiy sostav epistolyarnykh tekstov 90-kh godov XIX veka* [Individual and General in the Idiolect of N.S. Leskov: Lexical composition of the epistolary texts of the 1890s]. Moscow: Moscow Region State University.

13. Karpova, O.M. (2018) Novye entsiklopedicheskie slovari Shekspira [New Encyclopedic Dictionaries of Shakespeare]. In: Shestakova, L.L. (ed.) *Sovremennye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Authorial Lexicography]. Moscow: Akvilon. pp. 99–105.

14. Ivanova, O.E. (2018) "Slovar' yazyka poezii" i ego realizatsiya v vide poiskovoy sistemy ["Dictionary of the language of poetry" and its implementation in the form of a search engine]. In: Shestakova, L.L. (ed.) *Sovremennye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Authorial Lexicography]. Moscow: Akvilon. pp. 213–221.

15. Petrova, Z.Yu., Rebetskaya, N.A. & Fateeva, N.A. (2018) Proekt sozdaniya informatsionno-poiskovoy sistemy na baze "Slovarya metafor i sravneniy russkoy literatury XIX–XXI vv." [The project of creating an information and search system based on the "Dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the 19th – 21st centuries"]. In: Shestakova, L.L. (ed.) *Sovremennye problemy avtorskoy leksikografii* [Modern Problems of Authorial Lexicography]. Moscow: Akvilon. pp. 222–237.

16. Zykova, I.V. (2018) Idiomatics of the avant-garde: elaborating the idiom ID card in the avant-garde discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 35. pp. 210–219. (In Russian).

17. Zykova, I.V. & Sokolova, O.V. (2019) Language experiment as the attitude to the process of idiom-formation in cubofuturists' manifestos: idiomatics of the avant-garde. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 7–20. (In Russian).

18. Zykova, I.V. (2019) "Back to the future": elaborating idiomatics in Cubofuturism. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 36. pp. 555–566. (In Russian).

19. Zykova, I.V. (2011) *Kul'tura kak informatsionnaya sistema: Dukhovnoe, mental'noe, material'no-znakovoe* [Culture as an Information System: Spiritual, mental, material and symbolic]. Moscow: Librokom.

20. Zykova, I.V. (2015) *Kontseptosfera kul'tury i frazeologii: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya* [The Conceptual Sphere of Culture and Phraseology: Theory and methods of linguocultural studies]. Moscow: LENAND.

21. Sokolova, O.V. (2019) *Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy* [From Avant-Garde to Neo-Avant-Garde: Language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

22. Sokolova, O.V. (2014) *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeystviya: poeticheskiy avangard, reklama i PR* [Typology of active influence discourses: poetic avant-garde, advertising and PR]. Moscow: Gnozis.

23. Zykova, I.V. (2017) *Metayazyk lingvokul'turologii: Konstanty i variant* [Metalanguage of Linguocultural Studies: Constants and Variants]. Moscow: Gnozis.

24. Kraiski, G. (1968) *Le poetiche russe del Novecento: Dal simbolismo alla poesia proletaria*. Bari: Laterza.

25. Wade, J. (2018) *Mayakovsky maximum access*. US: Sensitive Skin Books.

26. Teliya, V.N. (2005) O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazheniy [On the phenomenon of reproducibility of language expressions]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 30. Moscow: MAKS Press. pp. 4–42.

27. Bennett, B. (1990) *Theater as Problem: Modern Drama and its Place in Literature*. Ithaca: Cornell University Press.

28. Flam, J. (ed.) (2003) *Primitivism and the Twentieth-century Art: A Documentary History*. Berkeley, CA: University of California Press.

29. Kalaushin, B. (1995) *Burlyuk, tsvet i rifma* [Burliuk, Color and Rhyme]. Vol. 1. Saint Petersburg: Apollon.

30. Kovalenko, G.F. (2001) Aleksandra Ekster: "Tsvetovye ritmy" [Alexandra Exter: "Color Rhythms"]. In: Kovalenko, G.F. (ed.) *Amazonki "Avangarda"* [Amazons of the "Avant-Garde"]. Moscow: Nauka. pp. 198–215.

31. Khlenova, M. (2014) Language, Space and Abstraction. In: Borchardt-Hume, A. (ed.) *Malevich*. London: Tate Enterprise Ltd. pp. 66–89.

32. Polevoy, V.M. (ed.) (1986) *Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya* [Popular Art Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo "Sovetskaya entsiklopediya".

33. Zlydneva, N.V. (2008) *Izobrazhenie i slovo v ritorike russkoy kul'tury XX veka* [Image and Word in the Rhetoric of Russian Culture of the 20th Century]. Moscow: Indrik.

34. Khlebnikov, V. (2014) *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Vol. 6. 2nd ed. Moscow: Izd. "Dmitriy Sechin".

35. Aronov, I. (2014) Kazimir Malevich: Opyty suprematicheskoy poezii [Experiments of Suprematist poetry]. *Toronto Slavic Quarterly*. 47. [Online] Available from: http://sites.utoronto.ca/tsq/47/index.shtml. (Accessed: 31.03.2019).

36. Vinogradov, V.V. (2010) Prigvozdit' [Nail]. *Istoriya slov* [History of words.]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf. (Accessed: 5.04.2019). (In Russian).

37. Sergeeva-Klyatis, A. & Rossomakhin, A. (2015) *Fleyta-pozvonochnik Vladimira Mayakovskogo* [Vladimir Mayakovsky's Backbone Flute]. Saint Petersburg: European University at St Petersburg.

38. Shatskikh, A.S. (ed.) (1995*) Kazimir Malevich. Sobranie sochineniy* [Kazimir Malevich. Collection of Works]. Vol. 1. Moscow: Gileya.

УДК 81'374.822
DOI: 10.17223/22274200/17/8

Э.Г. Новикова, К.С. Шиляев

«300 КРЫЛАТЫХ»: ПРОЕКТ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ЛАТИНСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ

Статья посвящена электронному латинско-русскому словарю крылатых фраз: представлены его структура и отличия от существующих аналогов. Цель авторов словаря – преподавателей и студентов Томского государственного университета – создание современного, доступного, удобного в использовании пособия для студентов, изучающих латынь в российских вузах. Словарь призван не только облегчить процесс освоения учебной дисциплины, но и повысить интерес молодых людей к латинскому языку, культуре и истории его носителей.
Ключевые слова: *лексикография, компьютерная лексикография, крылатые слова, крылатые фразы, латинско-русский словарь, ABBYY Lingvo.*

Цель данной статьи – рассказать о работе над мультимедийным латинско-русским словарём крылатых фраз. Латинские крылатые фразы (крылатые слова, выражения, изречения) – это фразеологические единицы латинского языка. Как правило, к ним относят авторские цитаты, созданные на их основе афористические и образные выражения, передающие смысл первоисточника, пословицы и поговорки, а также устойчивые формулы и словосочетания – единицы, превосходящие по объему слово, но в буквальном смысле фразами не являющиеся.

Словарь начал создаваться в рамках учебного курса «Общая и компьютерная лексикография» совместно со студентами бакалавриата, обучающимися по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Таким образом, специфика словаря заключается в том, что он одновременно представляет собой продукт и инструмент обучения будущих лингвистов. Последнее обстоятельство обусловило ориентацию на новейшие тенденции в области практической лексикографии.

Очевидно, что наиболее активные, заметные процессы, происходящие в мировой и отечественной лексикографии, связаны с переходом от бумажных словарей к электронным. При этом, если зарубежные лексикографы переводят в электронную форму целые семейства

словарей, полностью отказываясь от их печатных версий (издательства Oxford, Macmillan, Collins и др.), в России большая часть ценнейших лексикографических источников не представлена в электронном формате, и даже самые современные лексикографические труды часто создаются с ориентацией на бумажный носитель. Это приводит к тому, что они в лучшем случае имеют в сети полноценные pdf-версии, как первые тома «Активного словаря русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна [1, 2]. Гораздо хуже, когда электронная версия словаря разрушает концептуальную структуру, искажая его суть, как произошло с «Русским семантическим словарем» под ред. Н.Ю. Шведовой [3], представленном на сайте «СЛОВАРИ.РУ» [4]: в «разобранном» на отдельные словарные статьи виде, без наглядного отражения их группировки в лексико-семантические классы и без обобщающих схем (которыми снабжены печатные тома) этот семантический словарь превратился в толковый. Предельной становится ситуация, когда лексикографический труд оказывается практически недоступен конечному пользователю, как происходит с одним из самых масштабных отечественных лексикографических проектов – «Большим академическим словарем русского языка», с новым БАСом [5], электронный вариант которого нам не удалось найти в интернете, в то время как приобретать и хранить его многотомную бумажную версию могут себе позволить разве что крупные библиотеки.

При этом люди, не являющиеся специалистами ни в лингвистике, ни в лексикографии, активно откликаются на социальный заказ и с помощью программ-компиляторов переводят в электронный формат авторитетные бумажные словари, делая их более доступными и удобными в использовании. Ограничением данных продуктов является то, что они, являясь электронными копиями печатных изданий, реализуют только навигационные возможности электронного формата, которые еще не делают их «особым лексикографическим объектом» [6]. Именно реализация таких возможностей, как представление информации в разных форматах (мультимедиа) и создание нелинейной системы переходов между информационными блоками (гипертекст) стала одной из задач проекта латинско-русского словаря крылатых фраз «300 крылатых».

Для создания словаря была выбрана программная оболочка ABBYY Lingvo, разработанная российскими специалистами, в которую на сегодняшний день преобразованы многие авторитетные сло-

вари, не только двуязычные, но и толковые, энциклопедические, специальные и др. Так, многоязычная версия ABBYY Lingvo включает «Латинско-русский словарь» (Universal (La-Ru)), в основе которого – словарь под редакцией И.Х. Дворецкого, выдержавший 12 печатных изданий [7] и с 1998 г. увеличивший свой объем до 200 тысяч слов и словосочетаний. Электронная версия словаря, подготовленная издательством «Русский язык-Медиа», оснащена грамматическими справками и аппаратом гиперссылок, что значительно облегчает и ускоряет процесс перевода [8].

В этом же издательстве вышел «Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц» Н.Т. Бабичева и Я.М. Боровского (LatinProverbs (La-Ru)) [9], с 1982 г. выдержавший 8 печатных изданий и остающийся одним из лучших словарей данного типа. В электронном виде визуальный облик словарной статьи претерпел минимальные изменения, касающиеся стандартов оформления словарей ABBYY Lingvo, а система гиперссылок затронула только некоторые фразы, установив между ними синонимические, антонимические или паронимические отношения.

На специализированных форумах также можно найти электронные латинско-русские словари крылатых слов, составленные компиляторами-энтузиастами на основе информации, взятой с разных интернет-сайтов [10] или путем оцифровки бумажных изданий [11]. Несмотря на то что волонтерская и любительская лексикография, по оценке аналитиков, является общемировой тенденцией [12], проанализированные нами электронные ресурсы латинских крылатых фраз не отражают уровня современной профессиональной лексикографии, реализуя только возможности быстрого поиска и доступа к информации с электронных устройств.

Очевидно, что авторами и составителями латинско-русских словарей, существующих в электронном формате, в силу разных обстоятельств не учитывались возможности последнего. При этом современный студент все реже обращается к печатным изданиям, предпочитая качеству информации (маркером которого является авторитетность источника) ее максимальную доступность. Естественно, основным источником информации о латинских афоризмах становятся интернет-сайты. Чаще всего такие сайты представляют собой анонимные компиляции и репликации, не гарантирующие отсутствия грамматических и фактических ошибок и тем более не претендующие на какое-либо качественное и смысловое приращение.

Отдельно необходимо сказать о сайте лексикографической базы данных «Академик», включающей «Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений» [13]. Как следует из аннотации, в основе данного словаря лежит все тот же словарь Н.Т. Бабичева и Я.М. Боровского. Люди и организации, работающие над электронной версией словаря, не указаны. Несомненным достоинством данного ресурса являются развитая система гиперссылок и возможность обратного перевода фразы. В сравнении с печатным изданием, словник расширен до 3 тыс. статей, незначительная часть которых включает зону звучания. Объемная зона иллюстрации, представляющая особую ценность, не претерпевает каких-либо изменений и отражает «жизнь» латинских крылатых слов в письменной речи до 80-х гг. XX в.

Все вышесказанное обусловило актуальность создания современного, доступного и удобного в использовании латинско-русского словаря крылатых слов, предназначенного, в первую очередь, для студентов, изучающих латинский язык в российских вузах. Целью словаря стало помочь студенту-первокурснику освоить фразеологический минимум по латинскому языку. При разработке концепции словаря авторы ориентировались на опыт преподавания в Томском государственном университете: в рамках курса по латинскому языку студенты должны выбрать и выучить 100 крылатых фраз, знать их авторов и уметь объяснять грамматические формы слов. Это обусловило и изначальный минимальный объем словника – 300 единиц – с учетом возможности его увеличения (в ходе работы написано 380 словарных статей). Формирование словника осуществлялось с опорой на существующие печатные издания: словари латинских крылатых слов (выражений), сборники афоризмов и методические пособия по латинскому языку.

При отборе фраз авторы соблюдали два основных принципа: субъективной и объективной оценки актуальности фразы. Исходя из цели словаря, отбор материала осуществлялся через вопрос: какие латинские крылатые фразы студент-первокурсник захочет выбрать и запомнить? Так как студенты выступили и в качестве составителей и в качестве информантов, являясь представителями ядра целевой аудитории, для сбора материала была разработана и применена следующая инструкция:

«*Для выбора фраз следует ориентироваться на два взаимогармонизирующих параметра: на своё собственное и на коллективное язы-*

ковое сознание. То есть в процессе отбора все фразы должны быть пропущены через два фильтра:

1. Фильтр субъективной оценки (основной фильтр).

Не подходите к выбору крылатых фраз формально. За несколько веков активного функционирования латинского языка (античная, а затем средневековая латынь) много мудрых людей произнесли много интересных и актуальных до сих пор высказываний. Выберите те, которые Вам действительно понравились, т.е. отражают близкое Вам миропонимание, способны выразить Ваше мнение в определённых ситуациях, фразы, которые Вам хотелось бы запомнить, чтобы произносить вслух (для собеседников) или для себя лично.

Помните: Вы – тот самый современный студент, для которого создаётся словарь.

То, что не заслуживает Вашего внимания, не стоит помещать в словарь. Ведь он ограничен по объёму.

2. Фильтр объективной оценки (прецедентность текста).

Чтобы понять, насколько данная фраза важна для современного общества и культуры в целом, можно узнать, как часто она цитируется в текстах культуры (в художественной литературе, в кинотекстах, в нехудожественных формах устной и письменной коммуникации).

В качестве дополнительных параметров для отбора материала можно использовать:

– лаконичность фразы;

– частоту её встречаемости в учебниках и учебных пособиях;

– неоднозначность, вариативность её понимания и истолкования в культуре;

– сложности дословного перевода, требующие лингвокультурологического комментария».

При разработке макро- и микроструктуры словаря учитывались, с одной стороны, возможности оболочки ABBYY Lingvo и принятые в этом типе словарей способы разметки (так, навигация по словарю осуществляется с помощью функции «Поиск» или пролистыванием списка словарных статей, расположенных в алфавитном порядке), с другой стороны, потребности адресата – студента, изучающего латинский язык (этим, в частности, обусловлено появление зоны грамматического комментария с полным грамматическим разбором латинской фразы).

Структура словарной статьи словаря «300 крылатых» включает семь зон:

1. Словарный вход.
2. Звучание фразы на латинском языке.
3. Перевод фразы на русский язык.
4. Имя автора.
5. Зона грамматического комментария.
6. Зона историко-культурного комментария.
7. Зона иллюстрации.

Ниже приведен пример словарной статьи (рис. 1).

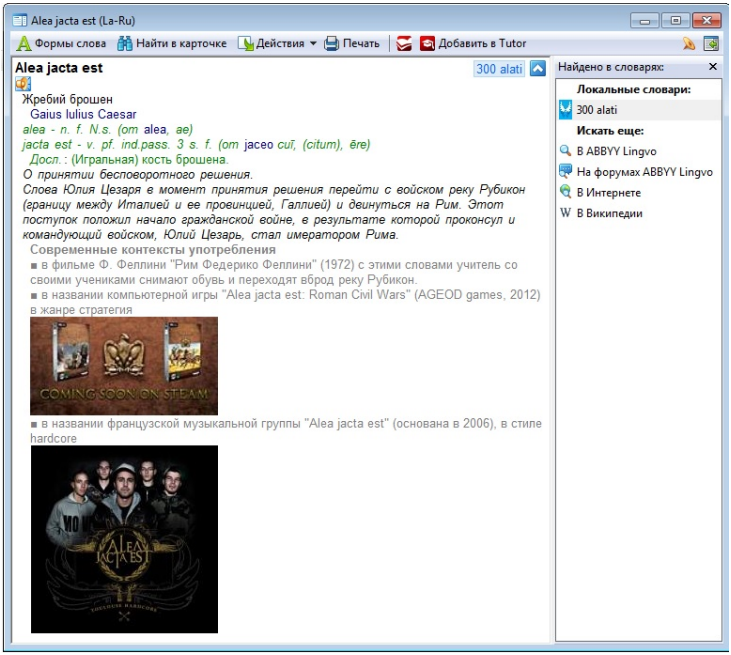

Рис. 1. Пример словарной статьи

Для удобства пользователей лексикографических продуктов ABBYY Lingvo шрифтовое оформление каждой зоны словарной статьи соответствует типографике, принятой в данных словарях. При определении последовательности расположения словарных зон авто-

ры ориентировались на существующую лексикографическую традицию и на принцип «от основной информации к дополнительной».

Словарный вход представлен крылатой фразой на латинском языке, без простановки долготы над гласными (см. рис. 1).

Звучание фразы на латинском языке представляет собой встроенный аудиофайл, доступ к которому осуществляется активацией стандартной иконки с изображением репродуктора. Аудиофайлы созданы при помощи программы Audacity. Фразы записаны голосами студентов и произносятся в соответствии с правилами чтения, принятыми в большинстве российских вузов, в том числе в ТГУ. Крылатые фразы, представляющие собой цитаты из стихотворных текстов, читаются по правилам грамматического, а не метрического ударения, так как они не всегда равны стихотворной строке. В процессе записи дикторы стремились, во-первых, к четкости произношения, во-вторых, к передаче при помощи интонации смыслового содержания фразы с целью создания яркого звукового образа. Фразы, авторство которых приписывается мужчинам, озвучиваются мужским голосом. Последние два качества отличают «300 крылатых» от словаря, доступного на сайте «Академик». В настоящий момент озвучено 136 фраз. Аудиозаписи обработаны с использованием полупрофессионального оборудования и программного обеспечения iZotope RX 6 с целью нормировки сигнала по мощности, устранения шумов, треска и посильного уменьшения реверберации.

Имя автора дано на латинском языке и оформлено как гиперссылка на карточку с краткой энциклопедической справкой об авторе. Данные карточки будут представлять собой статьи энциклопедического характера, которые должны отличаться не только точностью и лаконизмом, но и отражать характерные черты исторической личности или запоминающиеся факты ее биографии, чтобы возбуждать живой интерес у адресатов словаря, воздействуя на их образное мышление (рис. 2).

Как известно, не все авторы известных нам латинских крылатых фраз являются римлянами: среди них есть древние греки (Платон, Аристотель, Гиппократ, Аристофан, Хилон Спартанский, Клеанф и др.), средневековые авторы (французский философ Жан Буридан, папа римский Бонифаций VIII, папа римский Павел IV, немецкий теолог Фома Кемпийский и др.), философы нового времени (француз Рене Декарт, англичанин Фрэнсис Бэкон, голландец Бенедикт Спиноза и др.), исторические и культурные деятели XIX в. (канцлер Германии

Отто фон Бисмарк, немецкий физиолог Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон и др.) и даже русский писатель А.П. Чехов, которому принадлежит фраза «Lingua est hostis hominum amicusque diaboli et feminārum» (Язык – враг людей и друг дьявола и женщин) [14. С. 411]. При этом вход словарной статьи может быть оформлен только на языке словаря ABBYY Lingvo, что вызывает определенные сложности: если имена культурных и исторических деятелей до XIX в. часто имеют общепринятый латинский вариант (например, Рене Декарт – Renatus Cartesius), то для авторов XIX–XX вв. такого варианта не существует.

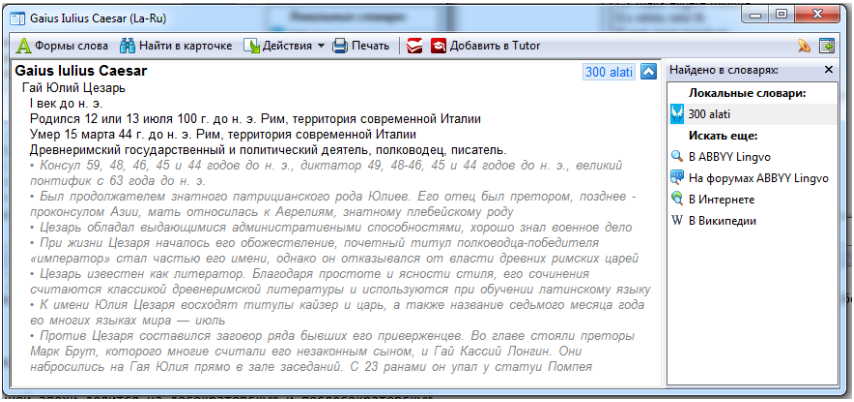

Рис. 2. Пример энциклопедической справки об авторе

Зона грамматического комментария включает начальные формы каждого слова, которые связаны гиперссылками с латинско-русским словарем «Universal (La-Ru)», а также полную грамматическую характеристику словоформы, использованной во фразе, и дословный перевод фразы (в случае его значимого расхождения с литературным переводом). Насколько известно авторам, на настоящий момент не существует ни одного словаря или справочного пособия, содержащего такую информацию. Программы автоматического перевода, обученные на переводах с английского языка, не справляются с фразами и текстами на латинском языке.

Данная зона, по мысли авторов, должна выполнять не только справочную, но и учебную функцию: она может быть использована как для проверки правильности собственного перевода, так и для выявле-

ния языковых (в том числе грамматических) и культурных лакун, вызывающих сложность перевода и понимания иноязычной фразы. Например, фраза *Amor non est medicabilis herbis – Нет лекарства от любви*, дословно переводится ‘*Любовь не исцелима травами*’, благодаря чему выявляется разница между «прототипическими» древнеримскими и современными методами лечения, а также между грамматическими конструкциями, помещающими в «фокус эмпатии» [15. С. 256] любовь (в дословном) переводе или лекарства (в литературном варианте перевода). Литературный перевод фразы *Amicus certus in re incerta cernitur – Истинный друг познается в беде* не передает паронимической аттракции, которую можно частично передать дословным переводом: *Надежный друг познается в ненадежном деле* или *Верный друг познается в неверном деле*. При этом *ненадежное, неверное* (*incerta*) – это *рискованное, опасное или сомнительное дело*. Таким образом, исходная фраза обретает смысл, отличный от русского аналога, выступающего в качестве перевода в некоторых словарях [16. С. 20], сближая ее скорее с ситуацией из песни В. Высоцкого: «*Парня в горы тяни – рискни! / Не бросай одного его, / Пусть он в связке в одной с тобой – Там поймешь, кто такой*» [17]. Интересно отметить, что несмотря на то, что в бумажном словаре под ред. Я.М. Боровского даны оба варианта перевода: «”Верный друг познается в неверном деле” т.е. истинный друг познается в беде» [14. С. 61], на сайте «Академик» оставлен только один вариант: «*верный друг познается в беде*» [18]. Такое упрощение трансформирует исходную семантику фразы, не позволяя передать мировосприятие древнего римлянина, которое может представлять отдельный интерес.

Зона историко-культурного комментария содержит информацию о тексте-источнике цитаты или о ситуации, в которой, согласно легенде, была произнесена данная фраза. Например, фраза *Vita brevis est, ars longa*, наиболее известный литературный перевод которой звучит как *Жизнь коротка, искусство вечно*, впервые на латинском языке встречается в тексте Сенеки «О скоротечности жизни», а приписывается древнегреческому врачу Гиппократу, который под *ars* (др.-гр. τέχνη – искусство, наука) понимал искусство медицины – науку столь обширную, что учиться ей надо долго, не хватит одной жизни (гр. Ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρή…). Такая интерпретация принципиально отлична от современного понимания данной фразы: *великие произведения искусства переживают своих создателей* [19].

Историко-культурные комментарии, содержащиеся в фундаментальных словарях и сборниках [14, 20, 21] и отсутствующие в кратких справочниках и интернет-источниках, позволяют восстановить изначальный смысл фразы и уловить происходящие со временем изменения этого смысла. Появление в 1990-х гг. культурологических комментариев в лингвистических словарях исследователи отмечают в качестве общемировой тенденции развития современной лексикографии [12, 22, 23], которая способствует формированию пользователя как полноценной коммуникативной личности благодаря одновременному усвоению двух семиотических кодов: языкового и культурного [23. С. 116]. Мы полагаем, что особенно это важно для адресата словаря «300 крылатых», через язык изучающего античную культуру и историю.

Зона иллюстрации представлена современными (XX–XXI вв.) контекстами употребления латинских крылатых фраз. Возникновение данной зоны связано с одним из параметров, предложенных для отбора материала – с объективной оценкой актуальности фразы. Поиск контекстов употребления фразы в интернете, преимущественно осуществляемый при помощи поисковых машин Яндекс и Google, позволил обнаружить, что крылатые фразы на латинском языке активно функционируют в современном русскоязычном и иноязычном коммуникативном пространстве. Было выявлено, что они используются в самых различных контекстах, и не только в академической (как этого следовало ожидать), но и в неформальной молодёжной среде. Латинские крылатые фразы оказались востребованными как высокой культурой, так и массовой, и контркультурой: цитаты из книг и фильмов, названия литературных произведений, музыкальных композиций, компьютерных игр, видеороликов, фанфиков, интернет-блогов, самых различных сообществ; татуировки на теле, надписи на предметах (значках, футболках, нашивках, кольцах, оружии) и многое другое (рис. 3).

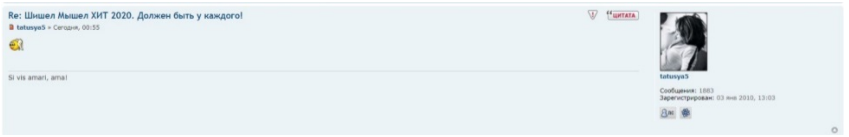

Рис. 3. Подпись пользователя на форуме «Совместных покупок»:
Si vis amari, ama! – Если хочешь быть любимым, люби!

Зона иллюстрации будет включать как цитаты (фразы, используемые во вторичном тексте в исходной форме), так и квазицитаты, претерпевшие различные трансформации, которые являются маркером прецедентности фразы. Оформление данной зоны еще предстоит разработать. Ориентиром может стать создаваемый в настоящее время «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка», авторы которого ставят перед собой в том числе и аналогичные задачи [24], а также практики, описанные на веб-сайтах и в изданиях, посвященных использованию сети «Интернет» как корпуса [25–27].

Электронный формат словаря особенно эффективен для передачи лингвокультурологической информации [28. С. 8], так как позволит включить в качестве иллюстративного материала не только письменные вербальные тексты, но и графические изображения, видео- и аудиофрагменты, а также создать систему активных гиперссылок на интернет-ресурсы. Благодаря организованной таким образом Зоне иллюстрации латинские крылатые фразы предстанут перед студентом – адресатом словаря – не как фрагменты «мертвого языка», а как «живые» формально-смысловые единицы, тесно вплетенные в современную культуру, проникающие в разные ее пласты и активно функционирующие в речи ее носителей. Необходимо отметить, что такой способ представления материала, согласующийся с антропоцентрическим характером современной лексикографии, связан с потребностью пользователя видеть в словарях «живой язык в его живом функционировании» [29. С. 161]. По замыслу авторов словаря материалы, представленные в зоне иллюстрации, позволят использовать словарь в качестве источника для студенческих исследовательских работ.

Таким образом, новизна проектируемого словаря латинских крылатых фраз обусловлена рядом параметров. Словарь изначально создается в электронном формате, возможности которого (аппарат гиперссылок, включение мультимедиа файлов) учитываются уже на этапе проектирования, чего не было в проанализированных в рамках обзора электронных версиях бумажных словарей. Словарь проектируется с ориентацией на адресата – студента, изучающего латинский язык, с чем связано новое наполнение словарных зон и новые способы подачи материала – включение образной компоненты через выразительное, осмысленное звучание фраз, через яркую, запоминающуюся характеристику их авторов. Необходимо заметить, что если в английской лексикографии традиционное выделение студентов в осо-

бую целевую аудиторию нашло отражение в отдельном направлении лексикографических продуктов (students' learners dictionaries), то в России до недавнего времени основной целевой аудиторией учебных словарей являлись школьники [29]. По этому параметру словарь вписывается в новое направление в отечественной лексикографии, разрабатываемое уральской лексикографической школой под руководством Н.Г. Бабенко [30–32]. Словарь также отличает органичное сочетание семантической и грамматической информации, что свойственно словарям новейшего типа (грамматическая информация, согласно исследованиям Европейской ассоциации лексикографов, является особенно востребованной у русскоязычного пользователя [12]). В словаре также будет представлена разноаспектная культурологическая информация за счет включения, во-первых, историко-культурных комментариев и энциклопедических справок об авторах, что соответствует лучшим традициям словарей данного типа, во-вторых, современных (XX–XXI вв.) не только литературных, но и разных по сфере использования и по семиотической природе контекстов употребления, позволяющих более объективно представить поле функционирования латинских фраз в современном дискурсивном пространстве.

Авторы надеются, что перечисленные качества позволят словарю «300 крылатых» стать востребованным лексикографическим продуктом, отвечающим современному уровню развития данной отрасли.

Авторы статьи выражают глубокую благодарность коллегам: Ирине Викторовне Садыковой, Софье Юрьевне Сухановой и Светлане Александровне Толстик – за помощь и консультации по вопросам латинского языка и античной литературы, Андрею Александровичу Степаненко – за помощь в работе с программным обеспечением, и, конечно, студентам, которые вдохновляют на этот проект и принимают участие на всех этапах работы над словарем, особенно Павлу Домбровскому, Римме Хохловой, Виталине Шевченко, Татьяне Петровой, Елене Шлотгауэр и Софье Костаревой.

Литература

1. *Активный* словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1–2.

2. *Активный* словарь русского языка. Т. 3: Д–З / ред. В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б.Л. Иомдин ; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

3. *Русский* семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2002–2007. Т. 1–4.

4. *СЛОВАРИ.РУ*. URL: slovari.ru (дата обращения: 30.05.2018).

5. *Большой* академический словарь русского языка : [в 30 т.] / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. [и др.] : Наука, 2004–2014. Т. 1–23.

6. *Селегей В.* Электронные словари и компьютерная лексикография. URL: https://studfiles.net/preview/1771482/page:28/ (дата обращения: 30.05.2018).

7. *Латинско-русский* словарь : более 200 000 слов и словосочетаний. 12-е изд., стер. М. : Дрофа ; Русский язык-Медиа, 2009. 1055 с.

8. *Латинско-русский* словарь: 200 тыс. слов и словосочетаний. Universal (La-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x5). М. : Русский язык-Медиа, 2005.

9. *Словарь* латинских крылатых слов: 2,5 тыс. статей. LatinProverbs (La-Ru) (к версии ABBYY Lingvo 12) (10386 + 9917 слов). М. : Русский язык-Медиа, 2003.

10. *Словарь* латинских фраз и выражений (Lat-Rus). Версия 1.1 (ред. 02.10.2011). Количество заголовков: 2877. Количество карточек: 2858 / составление и компиляция в Lingvo EdwART. 2011. URL: http://dadako.narod.ru/paperpoe.htm (дата обращения: 30.05.2018).

11. *Крылатая* латынь: 1426 заголовков (GoldenDict). 2018. URL: http://lingvodics.com/dics/details/5585 (дата обращения: 30.05.2018).

12. *Карпова О.М.* Новые вызовы современной английской лексикографии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 24–28.

13. *Латинско-русский* и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений // Академик. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_proverbs (дата обращения: 31.05.2018).

14. *Словарь* латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я.М. Боровского. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1988. 960 с.

15. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика : учеб. 4-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 352 с.

16. *Корнеев А.* 3000 латинских крылатых выражений. Донецк : ПКФ БАО, 2011. 304 с.

17. *Высоцкий В.* Песня о друге // Русская поэзия. URL: https://rupoem.ru/vysotskiy/esli-drug-okazalsya-vdrug.aspx (дата обращения: 30.06.2019).

18. Amicus certus in re incerta cernitur // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/5942/Amicus (дата обращения: 30.05.2018).

19. Сенека Л.А. О скоротечности жизни // Философские трактаты / пер. с лат. и ком. Т.Ю. Бородай. 2-е изд. СПб. : Алетейя, 2001. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1424920954 (дата обращения: 30.05.2018).

20. *Большой* словарь латинских цитат и выражений / под науч. ред. Д.О. Торшилова. М. : Эксмо, 2013. 976 с.

21. *Крылатые* латинские выражения / авт.-сост. Ю.С. Цыбульник ; худ.-оформ. Б.Ф. Бублик, В.А. Мурлыкин. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 830 с.

22. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.

23. *Шаховский В.И.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 2 (65). Серия: Гуманитарные науки (филология). С. 116–120.

24. *Вознесенская М.М., Шмелева Е.Я.* О проекте словаря «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка»: книжный vs. мультимедийный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог 2019». М., 2019. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4637/voznesenskayammplusshmelevaeya-108.pdf

25. *The Web* as Corpus Community. URL: http://webascorpus.sourceforge.net/ (дата обращения: 23.09.2019).

26. *Gatto M.* Web as corpus: Theory and practice. Bloomsbury Academic, 2014. 255 p.

27. *Ooi V.* Using the Web for lexicographic purposes // The Routledge Handbook of Lexicography. Routledge, 2018. P. 684–700.

28. *Агапова Н.А., Картофелева Н.Ф.* О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 6–10.

29. *Карпова О.М.* Словари современного русского языка в свете новых тенденций западноевропейской лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 160–164.

30. *Большой* толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 2005. 862 с.

31. *Большой* толковый словарь русских глаголов : свыше 10 000 глаголов, идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / [авт.-сост. Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 567 с.

32. *Словарь-тезаурус* русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : Проспект, 2014. 224 с.

“300 Alati”: A Multimedia Latin-Russian Dictionary of Popular Latin Quotations

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 161–177.
DOI: 10.17223/22274200/17/8

Eleonora G. Novikova, Konstantin S. Shilyaev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: linx@rambler.ru / shilyaevc@gmail.com

Keywords: lexicography, computational lexicography, popular Latin quotations, Latin-Russian dictionary, ABBYY Lingvo.

The article aims to outline the project of creating a multimedia Latin-Russian dictionary of popular Latin quotations. This term includes various idiomatic units of the Latin language, ranging from separate words to complete sentences. The dictionary began as a project in the course of General and Computational Lexicography and its creation was assisted by the students in the program of General and Applied Linguistics at Tomsk State University. As such, one of its defining features is that the dictionary

functions both as the product and the means of educating linguistics students. One of its principal objectives is to aid first-year students in learning the so-called "phraseological minimum" in Latin. One of the tasks in creating the "300 alati" dictionary was the implementation of such functions as providing information in various formats (using multiple media formats) and creating a non-linear system of transition between blocks of information (hypertext linking). The authors chose ABBYY Lingvo as the optimal shell that provided the required functional capacity. The article provides a brief comparative review of the existing print and electronic analogs to the present dictionary: dictionaries of popular Latin words and expressions, collected aphorisms and websites. The principles for selecting particular quotations take into account the target audience of the dictionary and how often the phrase is referenced, which reflects its significance for the contemporary society and culture. In the development of the macro- and microstructure of the dictionary, the authors took into account the resources offered by the ABBYY Lingvo shell and the types of mark-up it normally used, and the needs of the end user—the student of Latin (which explains the appearance of the grammar field with a complete explanation of the grammar of the phrase). The microstructure of the dictionary entry of the "300 alati" dictionary includes seven fields: 1. Entry identity. 2. Audio recording of the phrase in Latin. 3. Translation to Russian. 4. Author's name. 5. Grammatical commentary. 6. Historical and cultural commentary. 7. Examples of usage. The innovative character of the "300 alati" dictionary manifests itself in a number of features. The dictionary makes use of the functions offered by the electronic format, such as hyperlinking the entries and integrating multimedia files. These functions were taken into consideration at the stage of planning the dictionary, which is not the case when print dictionaries are converted into electronic versions. The architecture of the dictionary is oriented towards the end user—a student of Latin: the entry fields include updated content and usage information, expressive pronunciation of the Latin phrase and a memorable characteristic of the phrase's author. The dictionary combines linguistic (semantic and grammatical) information, as is customary in all modern dictionaries. The entries also include a vast amount of encyclopedic information, namely, historical and cultural commentary and encyclopedic entries about the authors. The entry also includes a contemporary usage field with examples from literary and non-literary domains, including various semiotic systems, in order to provide a fuller reflection of how popular Latin quotations are understood and used today. The authors hope that innovations provided in the dictionary "300 alati" will help to make it a lexicographic product relevant to many customers with a secure place among the state-of-the-art electronic dictionaries.

References

1. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

2. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2017) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

3. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2002–2001) *Russkiy semanticheskiy slovar'* [Russian Semantic Dictionary]. Vols 1–4. Moscow: Azbukovnik.

4. *SLOVARI.RU.* [Online] Available from: slovari.ru. (Accessed: 30.05.2018).

5. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004–2014) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The large academic dictionary of the Russian language]. Vols 1–23. Moscow: Nauka.

6. Selegey, V. (n.d.) *Elektronnye slovari i komp'yuternaya leksikografiya* [Electronic Dictionaries and Computer Lexicography]. [Online]. Available from: https://studfiles.net/preview/1771482/page:28/. (Accessed: 30.05.2018).

7. Dvoretskiy, I.Kh. (2009) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. 12th ed. Moscow: Drofa: Russkiy yazyk-Media.

8. Dvoretskiy, I.Kh. (2005) *Latinsko-russkiy slovar'. Universal (La-Ru) (k versii ABBYY Lingvo x5)* [Latin-Russian dictionary. Universal (La-Ru) (to ABBYY Lingvo x5 version)]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.

9. Babichev, N.T. & Borovskiy, Ya.M. (2003) *Slovar' latinskikh krylatykh slov. LatinProverbs (La-Ru) (k versii ABBYY Lingvo 12)* [Dictionary of Latin winged words. LatinProverbs (La-Ru) (to ABBYY Lingvo 12 version)]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.

10. Lingvo EdwART. (2011) *Slovar' latinskikh fraz i vyrazheniy (Lat-Rus). Versiya 1.1* [Dictionary of Latin phrases and expressions (Lat-Rus). Version 1.1]. [Online] Available from: http://dadako.narod.ru/paperpoe.htm. (Accessed: 30.05.2018). (In Russian).

11. Dushenko, K. & Bagryanovskiy, G. (2018) *Krylataya latyn' (GoldenDict)* [Winged Latin (GoldenDict)]. [Online] Available from: http://lingvodics.com/dics/details/5585. (Accessed: 30.05.2018).

12. Karpova, O.M. (2018) New challenges for modern english lexicography. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 24–28. (In Russian).

13. *Akademik.* (1988) *Latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Latin-Russian and Russian-Latin dictionary of winged words and expressions]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_proverbs. (Accessed: 31.05.2018).

14. Borovskiy, Ya.M. (ed.) (1988) *Slovar' latinskikh krylatykh slov* [Dictionary of Latin Winged Words]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

15. Kobozeva, I.M. (2009) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. 4th ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

16. Korneev, A. (2011) *3000 latinskikh krylatykh vyrazheniy* [3000 Latin winged expressions]. Donetsk: OOO "PKF BAO".

17. Vysotskiy, V. (1966) Pesnya o druge [A Song of a Friend]. *Russkaya poeziya* [Russian Poetry]. [Online] Available from: https://rupoem.ru/vysotskiy/esli-drug-okazalsya-vdrug.aspx. (Accessed: 30.06.2019).

18. Babichev, N.T. & Borovskoy, Ya.M. (eds) (1982) Amicus certus in re incerta cernitur. In: *Latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow: Russkiy Yazyk. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/5942/Amicus. (Accessed: 30.05.2018).

19. Seneca, L.A. (2001) O skorotechnosti zhizni [On the Shortness of Life]. In: Seneca, L.A. *Filosofskie traktaty* [Philosophical Treatises]. 2nd ed. Translated from Latin by T.Yu. Boroday. Saint Petersburg: Aleteyya. [Online] Available from: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1424920954. (Accessed: 30.05.2018).

20. Torshilov, D.O. (ed.) (2013) *Bol'shoy slovar' latinskikh tsitat i vyrazheniy* [A Large Dictionary of Latin Quotes and Expressions]. Moscow: Eksmo: Center of Scientific Information Studies in Humanities INION RAN.

21. Tsybul'nik, Yu.S. (2003) *Krylatye latinskie vyrazheniya* [Winged Latin Expressions]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST"; Khar'kov: "Folio".

22. Kozyrev, V.A. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 1 (5). pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/5/1

23. Shakhovskiy, V.I. (2007) Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Culturological Commentary / Editor-in Chief V.N. Teliya. M.: AST-Press Kniga, 2006. 784 p. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (65). pp. 116–120. (In Russian).

24. Voznesenskaya, M.M. & Shmeleva, E.Ya. (2019) [On a new dictionary "Intertextual Vocabulary of Modern Russian": paper vs. multimedia]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer linguistics and intellectual technologie]. Proceedings of the International Conference "Dialog 2019" [Dialogue 2019]. Moscow. 29 May – 1 June 2019. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4637/voznesenskayammplusshmelevaeya-108.pdf. (In Russian).

25. *The Web as Corpus Community.* [Online] Available from: http://webascorpus.sourceforge.net/. (Accessed: 23.09.2019).

26. Gatto, M. (2014) *Web as corpus: Theory and practice.* London and New York: Bloomsbury Academic.

27. Ooi, V. (2018) Using the Web for lexicographic purposes. In: Fuertes-Olivera, P. (ed) *Routledge Handbook of Lexicography*. London: Routledge. pp. 684–700.

28. Agapova, N.A. & Kartofeleva, N.F. (2014) On the principles of creating an electronic dictionary of the linguoculturological type: raising the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 382. pp. 6–10. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/382/1

29. Karpova, O.M. (2016) Dictionaries of modern Russian in relation to new tendencies in western lexicography. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication.* 4. pp. 160–164. (In Russian).

30. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh* [A Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns]. Moscow: AST-PRESS.

31. Babenko, L.G. (ed.) (2007) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs]. Moscow: AST-PRESS.

32. Babenko, L.G. (ed.) (2014) *Slovar'-tezaurus russkikh prilagatel'nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam* [Dictionary-Thesaurus of Russian Adjectives, Distributed by Thematic Groups]. Moscow: Prospekt.

УДК 811.161.1
DOI: 10.17223/22274200/17/9

М.В. Пименова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОБОРОТОВ)

Обсуждаются перспективы создания специального словаря древнерусских устойчивых сочетаний слов на материале одного из видов подобных единиц – оборотов с глагольным стержневым компонентом. Рассматриваются их структурные модели: ядерная (глагол + существительное в винительном падеже) и периферийные. Представляется синкретичная семантика данных оборотов: 'ритуальное действие, направленное на объект + результат'. Демонстрируются принципы описания устойчивых глагольных оборотов в исторических словарях XIX–XXI вв.
Ключевые слова: *лексикография, исторические словари, диахрония, устойчивые сочетания слов, глагольный стержневой компонент.*

Исследователи отмечают, что «за последнее время создано более ста специальных фразеологических словарей разных типов» [1. С. 437], среди которых толковые, этимологические, диалектные, идеографические, аспектные (словари фразеологических синонимов, устойчивых сравнений, паремий, перифраз, трансформаций / варьирования, окказиональных ФЕ) и др. [2. С. 486–529]. Диахронический аспект изучения устойчивых сочетаний слов «…долгое время оставался в тени синхронных исследований, и не удивительно поэтому, что историческая фразеология до сих пор находится на начальной стадии развития» [1. С. 454].

В книге «История русской лексикографии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина указывают на «единственный исторический фразеологический словарь, точнее, "Материалы для фразеологического словаря XVIII в." М.Ф. Палевской (1980)» [1. С. 454], который «…носит экспериментальный характер и не претендует на полный охват фразеологического состава русского языка описываемого периода» [1. С. 454]. Л.А. Ивашко в учебнике «Лексикография русского языка» (раздел «Исторические фразеологические словари») приводит описание также только этого словаря [2. С. 512–513]. В 2011 г. вышел в свет толково-энциклопедический «Фразеологический словарь старо-

славянского языка», содержащий свыше 500 устойчивых лексико-семантических единиц «первого литературного языка славян» [3. С. 6] (подробнее см.: [4]). Что касается лексикографического описания **древнерусских** устойчивых сочетаний слов **донациональной эпохи** (XI–XVII вв.), то оно, насколько нам известно, не предпринималось, хотя «идиомы и устойчивые обороты всегда включались составителями в толковые словари русского языка» [5. С. 71]. По мнению исследователей, «…начало более или менее регулярной словарной фиксации устойчивых словосочетаний (УС) фразеологического характера следует связывать с Азбуковниками XVI–XVII вв. – сборниками языковедческой направленности, объединившими предшествующие словарные материалы и новые опыты лексикографического анализа библейских текстов, учительской литературы, патериков, житий и т.п.» [1. С. 440].

Изучение в древнерусских текстах устойчивых сочетаний слов «…с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов», как отмечает Б.А. Ларин, началось еще в XIX в. [6. С. 129]. Для этих лексико-семантических единиц исследователи использовали самые разнообразные термины, среди которых как *фразеологизмы* [3; 6. С. 148; 7; 8. С. 118–141; 9; 10. С. 163–174; 11], так и номинации, имплицитно указывающие на их «особость» по сравнению с современными ФЕ: *неизменные выражения* (В.О. Ключевский) [12. С. 63], *застывшие сочетания* (А.М. Пешковский) [13. С. 263], *словесные формулы* (Д.С. Лихачев) [14. С. 81], *устойчивые словесные комплексы* (А.Г. Ломов) [15], *формулы-синтагмы* (В.В. Колесов) [16. С. 137–138], *коллокации* (Е.М. Верещагин) [17. С. 19–21], *фигуры* (figurae) (Р. Пиккио) [18. С. 38, 483] и др. (см. также [19. С. 52]). Конечно, данные термины могут иметь право на существование, но все они используются в отрыве от лингвистической терминологической системы.

Мы для обозначения устойчивых лексико-семантических единиц в диахронии предложили термин **синкретемы** [19. С. 52–53; 20. С. 249], корень которого выражает значение, указывающее на особенности ментальности донациональной эпохи, а суффикс – на ряд эмических единиц различных языковых уровней: *синкрет-* (ср.: *синкретизм* – слитность мировосприятия, нерасчлененность чувственного созерцания и абстрактной деятельности мышления; *синкрета* – минимальная единица древнего текста; *синкретсемия* – лексико-

семантическая категория, объединяющая случаи выражения синкретичного значения) + *-ем-а* (ср.: *фонема, морфема, морфонема, лексема, семема, синтаксема, фразема* и т.д.). Отличительной чертой синкретем на фоне современных ФЕ является **синкретичное значение**, отражающее древнюю концептуальную форму русской ментальности – ***ментализацию*** (XI–XIV вв.), связанную с *метонимией* [21. С. 13–14] (а не с *метафорой*, как большинство современных ФЕ).

Основанные на смежности метонимические переносы предопределяют, на наш взгляд, следующие дифференциальные признаки синкретем:

1) ***системность*** в связи с регулярностью метонимии (ср.: *нерегулярность, вторичность* и относительная *«единичность»* метафорических ФЕ);

2) ***синтагматический*** характер структурно-семантических типов синкретем в связи с построением метонимией ***синтагмы*** (ср.: метафорическая *парадигма* ФЕ[1]);

3) разработка ***объема понятия***, в связи с чем наблюдается преимущественная связь значения с ***денотатом*** (ср.: метафорическая разработка *содержания понятия* у ФЕ) [19. С. 50–58].

В своих работах мы уже обсуждали общетеоретические проблемы создания исторического словаря древнерусских устойчивых единиц [20]. Нами накоплен определенный опыт в лексикографическом описании отдельных видов синкретем: под нашим руководством защищены кандидатские диссертации, посвященные **парным именованиям** (*радость и веселье*, *хлѣбъ и соль*, *слово и дело*, *гуси-лебеди, путь-дорога* – 349 единиц, 1 230 контекстов) [23], **устойчивым сравнениям** (*белыи аки снегъ, горекъ яко пелынь, сияти яко светило, быти яко звѣзда, стрѣлы аки дождь* – 543 единицы, 910 контекстов) [24], **сочетаниям с творительным ограничения** (*красенъ лицемъ, простъ умомъ, одержимъ невѣриемъ, честенъ сѣдинами* – 325 единиц, 1 157 контекстов) [25].

В настоящее время идет работа над лексикографическим описанием ещё одного вида древнерусских синкретем – устойчивых оборотов, в которых стержневым компонентом является **глагол** (типа *утвердити / створити любовь, цвѣлити мечи, искати славы, удари / бити челом, дати труды, оттрясти сон, творити молитву, учинится смерть / поруха и недобор* и т.д.). Данные единицы изучались лингви-

[1] См., например, парадигму русской пищевой метафоры [22].

стами в синхронном и диахроническом аспектах с использованием различных терминов: *описательные формы глагола* (Ф.И. Буслаев) [26. С. 509–511], *глагольные фразеологические единицы* (А.Г. Ломов, Л.Я. Костючук) [15, 27], *сочетания глагол + абстрактное существительное* (М.М. Копыленко) [9], *устойчивые глагольно-именные словосочетания* (В.М. Дерибас) [28], *описательные глагольно-именные обороты* (П.А. Лекант, Е.Н. Лагузова) [29, 30], *коллокации* (Е.Г. Борисова) [31] и др. Мы используем для обозначения данного вида синкретем термин **устойчивый глагольный оборот**. Материалы собираются нами и нашими учениками методом сплошной выборки из памятников XI–XVII вв.: выявлено 380 устойчивых глагольных оборотов, употребленных в 526 контекстах (Остромирово евангелие, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Слово о полку Игореве» [32], «Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского», «Повесть о битве на Липице», памятники деловой письменности и др.).

Приведем примеры употребления устойчивых глагольных оборотов в древнерусских текстах различных типов.

Народно-литературный: «(6453) *И от тѣх заповедано обновити ветъхий миръ, и* ***утвердити любовь*** *межю Греки и Русью <…>* ***створити любовь*** *съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта*» [33. Т. 1. Стлб. 47]. *«О, моя сыновча, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю* ***мечи цвѣлити****, а себѣ* ***славы искати***» [34. С. 382]. «*И бысть вторник 4 недели, выеха Ярослав самъ из града,* ***удари челом*** *Константину брату*» [35. С. 126].

Книжно-славянский: «*Разумѣвъ же Иисус, рече имъ: “Почто* ***труды дѣете*** *женѣ?*”» [36. Л. 153]. «*Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего, въстани,* ***оттряси сонъ***» [37. С. 505]. «*А самъ вълѣзъ въ шатьръ свои начать* ***мълитву творити*** *вечернюю*» [38. С. 284].

Деловой: «*Црю гсдрю і великомu knязю Алекhю Михаиловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержьцu* ***бьют челом*** *і извещают сироты твоі Шуи посадu земъскоі старостишко Сенка Ликоянов… с таварыщи <…> И биде гсдрь ему головѣ от тово воеводскова бою* ***учинится смерть*** *а на крижешном дворѣ твоем великого гсдря денежноі казнѣ* ***учинится поруха и недобор***» [39. С. 190].

Следует отметить, что устойчивые глагольные обороты образованы по нескольким **структурным моделям.** Ядерной и самой воспроизводимой является модель «глагол + существительное в винительном падеже». Образованные по этой модели единицы, как правило, выражают следующее **значение**: ‘произвести / производить действие по значению существительного / прямого дополнения’ (действие, направленное на объект, являющийся одновременно и его результатом). Например: *взять волю, взяти рать, взяти / одержати победу*, *възложити вѣнецъ, възложити чьсть, вознести гласъ, восприяти величество, дати мудрость, дати суд, даровати прозьрение, дьржати ключь, дьржати ѹзыкъ, заградити уста, избыть болезнь, имѣти любовь*, *источити слезы*, *отворити ворота, приклонити ухо, приносити молитву, прилѣпи срьдце, пролити кровь, приѧти вѣсть, сътворити грѣхъ, сътворити миръ, творити врѣдъ, творити память / поминанье, творити труды, творити чюдо / знамение, цѣловати крьсть, ѧти вѣру* и др.

Среди периферийных и непродуктивных структурных моделей можно выделить следующие (приводим их в порядке частотности):

а) «глагол + предлог + существительное в винительном падеже»: *быти / ставити в версту, бити (въ) прьси, въпасти въ грѣхъ, возложити на умъ / разумъ*, *въсѣсти на конь, подразити (под) нози*;

б) «глагол + существительное в творительном падеже»: *бити челом, бити ѹзыкъмъ, глазами покывати, костию пасти, украсити иконами/золотом*;

в) «глагол + (предлог) + существительное в дательном падеже»: *бити по рукамъ, разумети книгам, предати съмьрти, преставитися к Богу*;

г) «глагол + существительное в родительном падеже»: *вознести до облакъ / облака, выдавати без суда*;

д) «глагол + существительное в предложном падеже»: *дьржати въ оумѣ, говорити в срьдце (своем)* и др.

Особенностью **семантики** большинства устойчивых глагольных оборотов является то, что они связаны с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное). Наличие «раздвоения» становится особенно наглядным при сопоставлении устойчивого глагольного оборота с одной лексической единицей, которой его можно заменить фактически без какого-либо

изменения значения: *бити въ прьси* – раскаиваться, *бити по рукам* – договариваться, *бити челом* – просить (жаловаться), *бити ѹзыкъмъ* – ругать, *взяти / створити победу* – победить, *возложити на умъ* – внушить, *вознести гласъ* – заговорить, *восприяти величество* – зазнаться, *въдати доушоу* – умереть, *въздати длъгъ* – расплатиться, *възложити вѣнецъ* – венчать, *възложити чьсть* – чествовать, *възяти / сътворити миръ* – (по)мириться, *въпасти въ грѣхъ / сотворити грѣхъ* – согрешить, *вѣру ѹти* – верить, *дати судъ* – судить, *дьржати въ оумѣ* – помнить, *дьржати ѹзыкъ* – молчать, *изгонити бѣсы* – исцелить, *источити / испустити слезы* – (за)плакать, *любы деяти* – любить, *отворити ворота* – сдаться, *отътрясати / отътрясти сонъ* – проснуться / воскреснуть, *преставитися к богу* – умереть, *приклонити ухо* – прислушаться, *прилѣпи срьдце (свое)* – полюбить, *творити / приносити молитвы* – молиться, *учинится съмьрть* – умереть, *съмьрти предати* – убить и под.

При синхронном описании современного русского языка похожие (но не идентичные) случаи ученые обозначают терминами «дополнение результата» (*он построил дом, она рисует цветы* – О. Есперсен [40. С. 181–182]), «винительный результата» (*строить дом, шить платье* – А.М. Пешковский [13. С. 262]), «двусмысленность» и «синкретизм при выражении валентностей» (*убираться в комнате*: ‘место’ + ‘объект’ – Ю.Д. Апресян [41. С. 140, 180–181, 186]) и др. (см. также: [42. С. 29]).

С подобными сочетаниями устойчивые глагольные обороты **объединяет *общая структура*** (глагол + существительное) и ***синкретизм*** (нерасчлененность) ***семантики*** (объект + результат и др.), а **отличает** – наличие ***устойчивости*** и ***воспроизводимости*** модели, ***«раздвоение»*** денотата (которое можно выявить при помощи трансформации словосочетания), ***абстрактность***, а не конкретность, семантики. Кроме того, в древнерусском тексте бытование устойчивых глагольных оборотов было поддержано существованием ***ритуальных действий***. Например, возложение венца при вступлении на престол (*венчать на царство*), целование креста при принятии присяги на верность (*цѣловати крьстъ*), ритуал начала военного похода (*вѣсти на конь*), клятва землёй (*положити ряд*) и др. Так, О.П. Лопутько пишет: «В договорах русских с греками 911 года употреблено выражение *положити ряд* (‘заключить договор’), являющееся характерным для древнерусских памятников различных жанров. Однако истоки

его, несомненно, находятся в устной традиции обычного права восточных славян, о чем свидетельствует связь данной устойчивой формулы с весьма архаичным ритуалом клятвы землей. Более того, в древнерусских текстах старшего периода различных жанров – не только деловых – появляется вполне четкая система формул, связанных со всем комплексом ритуалов, которые регулировали отношения в данной культурной области <…> Далее мы приводим основные элементы системы формул, восходящих к ритуалу клятвы землей… *Положити ряд*, *сотворити рядъ* (‘заключить договор’), *възвести на рядъ* (‘официально ввести в должность с осуществлением подобающего обряда’), *стояти въ ряду* (‘соблюдать условия договора’), *поити на рядъ* (‘вступить в переговоры’), *съступити ряду*, *переступити рядъ* (‘нарушить договор’), *раздьрати рядъ* (‘нарушить общественное согласие’)» [43. С. 79–80].

Как уже отмечалось, специального словаря древнерусских устойчивых сочетаний слов, в том числе глагольных оборотов, не существует, однако в исторических толковых словарях наблюдается фиксация данных единиц, правда, не системная, а спорадическая.

В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского «устойчивые словосочетания… приводятся после толкования значения заголовочного слова в качестве иллюстраций к нему» [1. С. 440]. Приведем примеры иллюстраций, включающих устойчивые глагольные обороты: «*Аже Смолнянинъ… не росплативъся* ***поид ть къ Богови***, *а кто его задьницю възьметъ, т мъ и гостиныи тъваръ дасть*». Смол. гр. п. 1230 г. (Срезн. Т. I. Стлб. 138); «*И сроубиша новгородци городъ новъ. а с Литвою* ***миръ взяша»***. Новг. I л. 6706 г. (Срезн. Т. II. Стлб. 150); «*Слышав же владыка Семеонъ особую рать промежи своими дѣтми и* ***испусти слезы*** *изъ очию*». Новг. I л. 6926 г. (Срезн. Т. III. Стлб. 438).

В «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» текст самого известного памятника Древней Руси рассматривается «…на фоне словарного состава древнерусского языка XI–XVII вв.» (Сл.-Спр. Вып. 6. С. 6), в который включены и устойчивые единицы, в том числе глагольные. Например: «**~ Творити миръ** – заключать мирный договор, мириться. *Сынъ же его, вѣдыи, яко Антиохъ не умолчить, силы собраше земныя, с римляны* ***миръ творяше***. Флав. Полон. Иерус., 168 (XVI в. ~ нач. XII в.). 980: *И рече Блудъ Ярополку: Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не переборoти.* ***Твори миръ*** *съ бра-*

томъ своимъ. Пов. врем. лет, 55 (1377 ~ нач. XII в.). **~ Творити чюдо (знамение)**. *И рече ему: Равви, …никъто же бо не можеть* ***знамении*** *сихъ* ***творити****, яже ты твориши*. Остр. ев., 7об. (1056–1057 гг.). ***Чюдо творить*** *творьць, судиму ти, отьче: блудьна бо жена, стрьмлениемь ята бѣсовьскыимь, всѣмъ являше тя чиста, Григорие*. Мин. нояб., 444 (1097 г.)» (Сл.-Спр. Вып. 6. С. 13).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.», как указывают исследователи, «существенно увеличен объем фразеологического материала», причем устойчивые сочетания слов отграничиваются от словарной статьи заголовочного слова при помощи специального знака (◇), хотя эти обороты не дифференцируются [1. С. 442]. Например: «◇ **Бити по рукамъ** – договариваться, заключать торговую сделку. *И они, головы, на томъ съ ними договорилися, что имъ руки подавати, что ихъ не побить и выпустить ихъ съ женами, и съ дѣтьми, и с ихъ животы, и на томъ словѣ съ ними* ***били по рукам***. АМГ I, 403. 1632 г. *Он Мишка рыбу сторговал купил и* ***по рукам бил***. Якут. а., карт. 1, № 1, сст. 394, 1640 г.» (СлРЯ. Вып. 1. С. 188); «◇ **Возложити на сердцѣ (въ сердцѣ), на умъ (на разумъ)** – внушить кому-л. какие-л. мысли, чувства. (1051): *По сем же* ***возложи*** *б_ъ князю* ***въ ср_дце****, постави его* [Илариона] *митрополитомъ ст_ѣи Софьи*. Ипат. лет., 144. *И се прѣже реченыи онъ боляринъ, б_у ему* ***възложьшю на умъ***, се бо *напълнивъ три возы брашьна, хлѣбъ и сыръ и рыбъ… и то посъла къ блаженому въ манастырь*. Ж. Феодос. Нест., 75. XII ~ ок. 1088 г.» (СлРЯ. Вып. 2. С. 293).

Словарь «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника», «…содержащий элементы разговорной речи и церковнославянизмы, цитаты из Библии и образные народные изречения, особенно ценен как источник материала для историков фразеологии. Большое количество устойчивых сочетаний, находящихся на разной стадии фразеологизации, вошли в ЛФМ. Под знаком △ в конце словарных статей даются идиомы с четким графическим оформлением вариантности, толкованиями различным типов, указаниями на ситуации употребления» [1. С. 441]. Примеры фиксации устойчивых глагольных оборотов: «**Восприяти величество.** Возомнить о себе, зазнаться. *Аще ли буду богат, то гордость* ***восприиму*** *и* ***величество****, аще ли буду убог, то помышляю на татбу и на разбои* $ПВ_6$» (ЛФМ. С. 30); «**Прилѣпи сердце свое** *кому, к кому*. Полюбить, привязаться. *Мужа мудра обрѣтъ, глаголи к нему и тому* ***прилѣпи сердце свое*** (ср. Иис. Сир.

VI. 35) УЧ$_{53}$; …*и* ***прилѣпи к нему сердце свое*** Сл$_{37}$ (ср. ***прилепис(я)***) Нк$_{35}$» (ЛФМ. С. 160–161)[1].

В Предисловии к «Словарю древнерусского языка XI–XIV вв.» отмечается, что «к фразеологическим единицам в Словаре относятся раздельно оформленные языковые единицы (т.е. состоящие из двух или более слов), имеющие целостное значение или фразеологически связанное значение одного из компонентов. Фразеологические единицы выделяются одним чёрным ромбом (♦) в конце значения или двумя ромбами в конце статьи (♦♦), если трудно установить, к какому значению ФЕ относится» (СлДРЯ. Т. I. С. 13). Например: «♦ **"зыкъмъ бити** – ругать, поносить: *ѡоставивъ же ѥвлоги" великыи антонии. нача* ***"зыкъмъ бити*** *раслабленаго. не достоинѣ н_бси и земл# ... как смеѥши на х(с)а тако извещати.* ПрЛ XIII, 14г.»; «♦ **цѣловати крьсть на** (чем-л.), **къ** (кому-л.) – присягать, давать клятву: *на техъ же грамотахъ* ***целовалъ*** *есмь* ***крестъ****. а се мо" печать.* Гр 1229, сп. В (смол.)» (СлДРЯ. Т. IV. С. 317).

В «Словаре обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.», как отмечают О.С. Мжельская и С.Св. Волков, устойчивые единицы представлены в соответствии с классификацией Б.А. Ларина: «… в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов, выделяемых в словарной статье знаками ромба, треугольника и угла. Идиомы, значение которых не мотивировано значениями входящих в словосочетание слов, даются со знаком ◊. Фразеологизмы с мотивированным значением отделяются знаком △. Устойчивые словосочетания – знаком >» (СлОЯМР. Вып. 1. С. 14). Устойчивые глагольные обороты в СлОЯМР фиксируются, как правило, под знаком >, однако встречается и их обозначение при помощи △, например: « > **Взять под руки** кого. Оказать кому-л. почет, уважение, провожая куда-л. *А как Иван с судна вышел, и Сеферя* ***взял*** *Ивана* ***под руки*** *и проводили его в судебню перед городными вороты.* Ст. сп. Новосильцева, 64, 1570 г. <…> > **Взять волю**. Поступать по своему же-

[1] В цитатах из словаря «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника» содержатся указания на следующие списки и редакции памятника (нижний индекс обозначает параграф текста): ПВ$_{6}$ – список Погодина, список Владимирского музея (переделка I редакции); УЧ$_{53}$ – список Ундольского, Чудиновский список (II редакция); Сл$_{37}$ – список Соловецкого монастыря (1-я переделка II редакции); Нк$_{35}$ – список Никольского (1-я переделка II редакции) (ЛФМ. С. 231).

ланию, не считаясь ни с кем. *Смиряйте их* [раскольников], *потому: буде не смирите и* ***возьмут волю*** *никакого добра не ждите от них, потому что воры, которые были с Стенькою, оне суть большая часть, которые делают нынешние мятежи*. РД III, 387, 1688 г. *Богъ воленъ да жена коли* ***волю взяла***. Сим. Послов., 84. XVII в.» (СлОЯМР. Вып. 2. С. 171, 333–334); «△ **Снять голову** *кому*. Строго наказать кого-л. *И какъ пришелъ стрѣлецъ Оська къ мужику къ Федькѣ, и тотъ Федька учалъ стрѣльца лаять съ воеводы: намъ де и государь сталъ пуще Лисовскаго, и Лисовский де мнѣ* ***головы*** *так* ***не снялъ****, какъ государь*. СиД, 6, 1616 г.» (СлОЯМР. Вып. 4. С. 139).

Обобщая особенности представления устойчивых глагольных оборотов в исторических словарях XIX–XXI вв., необходимо отметить следующие изменения: а) Срезн.: использование в составе иллюстраций; б) Сл.-Спр., СлРЯ, ЛФМ, СлДРЯ: недифференцированное выделение в словарных статьях; в) СлОЯМР: разделение данных единиц на устойчивые словосочетания и фразеологизмы с мотивированным значением. Подобная дифференциация, в основу которой положен ***критерий степени семантической спаянности компонентов***, на наш взгляд, не совсем корректна по отношению к древнерусскому материалу, поскольку, не имея объективных алгоритмов, опирается на языковое чутье исследователей-лексикографов, носителей современного русского языка, что может приводить к искажению средневековой языковой картины мира. Мы полагаем, что целесообразнее учитывать более объективные ***(количественные) критерии*** – **частотность** и **воспроизводимость** устойчивых глагольных оборотов в древнерусских текстах.

Безусловно, вопросы дифференциации устойчивых сочетаний слов в диахронии требуют дальнейшего изучения и обсуждения, а для их лексикографического описания необходимо решить еще целый ряд проблем, связанных с алгоритмом вычленения данных единиц, критериями отграничения от свободных словосочетаний и смежных видов семантических сближений, принципами расположения в историческом словаре, особенностями представления семантики, структуры, варьирования и т.д.

Список условных сокращений

ЛФМ – *Лексика* и фразеология «Моления» Даниила Заточника / под ред. Е.М. Иссерлин, С.С. Волкова, В.П. Фелицыной. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 232 с.

СлДРЯ – *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988–2016. Т. I–XI. Издание продолжается.

СлОЯМР – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб. : Наука, 2004–2018. Вып. 1–8. Издание продолжается.

СлРЯ – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М. ; СПб. : Наука ; Азбуковник: Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30. Издание продолжается.

Сл.-Спр. – *Словарь-справочник* «Слова о полку Игореве» / сост. В.А. Виноградова; под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Л. : Наука, 1965–1984. Вып. 1–6.

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1912. Т. 1–3.

Литература

1. *История* русской лексикографии / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб. : Наука, 1998. 610 с.

2. *Лексикография* русского языка / под ред. Д.М. Поцепни. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 672 с.

3. *Фразеологический* словарь старославянского языка / отв. ред. С.Г. Шулежкова. М. : Флинта ; Наука, 2011. 424 с.

4. *Пименова М.Вас., Богрова К.М.* Проблемы фразеографического описания старославянского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. Вестник Магнитогорского государственного университета. 2011. № 3. С. 318–320.

5. *Андрианова Д.В.* Изменение лексикографических принципов представления фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Большом академическом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 71–82.

6. *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977. 224 с.

7. *Архангельский В.Л.* Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1950. 16 с.

8. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография / под ред. В.Г. Костомарова. М. : Наука, 1977. 312 с.

9. *Копыленко М.М.* Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1967. 47 с.

10. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1980. 207 с.

11. *Толстой Н.И.* Дополнительные суждения о реконструкции праславянской фразеологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / под ред. Г.К. Венедиктова. М. : Индрик, 1999. С. 47–63.

12. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : Наука, 1989. 512 с. (репринтное издание 1871 года).

13. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. 452 с.

14. *Лихачев* Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М. : Наука, 1979. 352 с.

15. *Ломов А.Г.* Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969. 33 с.

16. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 295 с.

17. *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия. М. : Мартис, 1997. 315 с.

18. *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык / отв. ред. Н.Н. Запольская. М. : Знак, 2003. 720 с.

19. *Пименова М.Вас. Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Владимир : ВГПУ, 2007. 415 с. (Филологические исследования).

20. *Пименова М.Вас*. Проблемы создания словаря устойчивых единиц в диахронии: язык и ментальность // Русский язык в поликультурном мире / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь : Типография «АРИАЛ», 2018. Т. 1. С. 248–254.

21. *Колесов В.В.* История русского языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005. 672 с.

22. *Словарь* русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015–2017. Т. 1–2.

23. *Артамонова М.В.* Парные именования в древнерусском тексте : дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2005. 171 с.

24. *Богрова К.М.* Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура : дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2012. 180 с.

25. *Рыкин Е.Ю.* Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте : дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2014. 204 с.

26. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 623 с.

27. *Костючук* Л.Я. Устойчивые словесные комплексы в древнерусском деловом языке (по грамотам XI–XIV вв.): структурно-грамматическая характеристика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 22 с.

28. *Дерибас* В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М. : Русский язык, 1975. 265 с.

29. *Лекант П.А.* Очерки по грамматике русского языка. М. : Изд-во МГОУ, 2002. 312 с.

30. *Лагузова Е.Н.* Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М. : Изд-во МГОУ, 2003. 243 с.

31. *Борисова Е.Г.* Слово в тексте: словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М. : Филология, 1995. 149 с.

32. *Константинов Е.С.* Устойчивые глагольные обороты в древнерусском тексте // Дни науки студентов Владимирского государственного университета

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. С. 2222–2227.

33. *Полное* собрание русских летописей. М. : Наука, 1962. Т. 1, 2.

34. *Слово* о полку Игореве / подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М. : Худ. лит., 1980. С. 372–387.

35. *Повесть* о битве на Липице / подгот. текста, пер. и коммент. Я.С. Лурье. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М. : Художественная литература, 1981. С. 114–127.

36. *Остромирово* Евангелие 1056–1057 гг. М. ; Л. : Издат. отдел Моск. Патриархата; Аврора, 1988. 294 л.

37. *Митрополит* Иларион. Слово о Законе и Благодати / подгот. текста и коммент. А.М. Молдована // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М. : Художественная литература, 1994. С. 583–619.

38. *Сказание* о Борисе и Глебе / подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М. : Худ. лит., 1978. С. 278–303.

39. *Памятники* деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С.И. Коткова. М. : Наука, 1984. 367 с.

40. *Есперсен О.* Философия грамматики. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 400 с.

41. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 368 с.

42. *Пименова М.Вас.* Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

43. *Лопутько О.П.* История русского литературного языка: древнейший период. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2005. 189 с.

Lexicographic Description of Old Russian Set Combinations of Words (On the Material of Verb Phrases)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 178–194.
DOI: 10.17223/22274200/17/9

Marina V. Pimenova, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russian Federation). E-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru

Keywords: lexicography, historical dictionaries, diachrony, set combinations of words, verb component.

The aim of the article is to discuss the prospects of creating a special dictionary of old Russian set combinations of words. This dictionary would fill the existing gap in the number of hundreds of lexicographic descriptions of phraseological expressions of the modern Russian language, as well as one dictionary of the 18th century and a phraseological dictionary of the old Slavic language. The article analyzes the nominations scientists used since the 19th century to designate set combinations of words in diachrony (*invariant expressions, hardened combinations of words, formulas*, etc.). The author proposes the term “syncretemes” speaking about the peculiarities of the mentality of ancient times that determine the differences of these units from modern phraseol-

ogy (from *syncretism* as a non-dismemberment of sensual contemplation and abstract thinking activities). The article reports about the experience the author accumulated in the lexicographic description of some types of syncretemes—*paired names, set comparisons, phrases with instrumental case in the meaning of restriction*. The article analyzes the set combinations of words with a verb core component (such as *vzyati rat'*). 380 such units, extracted by the continuous sampling method from 526 contexts of written monuments, were identified. The author considers the structure of these units built according to the following models: (a) productive and frequent "verb + $noun_4$" (*vzyat' volyu*); (b) unproductive "verb + $noun_5$" (*biti chelom*), "verb + $noun_3$" (*razumeti knigam*), etc. The author focuses attention on the feature of syncretic semantics of these syncretemes: action directed at the object, which is simultaneously its result. The feature manifests itself in the conditional "split" of the denotate ('pobedit' ' – *vzyati pobedu*). The author compares the fixation of set verb phrases in the historical dictionaries of the 19th–21st centuries, pointing to the following changes: (1) the use of illustrative examples; (2) undifferentiated emphasis in the dictionary; (3) the separation of these units into set combinations of words and phraseological units with a motivated meaning. According to the author, such a differentiation, which is based on the criterion *of the degree of the semantic cohesion of the components*, is not quite correct in relation to the old Russian material because it has no objective algorithms and is based on modern researchers' feeling for language. The author proposes to take into account more objective criteria—*frequency* and *productivity* of set verb phrases in old Russian texts. In the conclusion, it is indicated that the lexicographic description of set combinations of words requires solving a number of problems related to the algorithm of detecting these units, to the criteria of separating them from free combinations of words, to the principles of locating them in the historical dictionary, to the peculiarities of presenting their semantics and structure.

References

1. Sorokoletov, F.P. (1998) *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Saint Petersburg: Nauka.

2. Potsepnya, D.M. (ed.) (2009) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Arts and Philology.

3. Shulezhkova, S.G. (ed.) (2011) *Frazeologicheskiy slovar' staroslavyanskogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Old Slavonic Language]. Moscow: Flinta: Nauka.

4. Pimenova, M.V. & Bogrova, K.M. (2011) Phraseographic presentation of Old Slavonic. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3. pp. 318–320. (In Russian).

5. Andrianova, D.V. (2019) The Changes in the Lexicographic Principles of Representation of Phraseological Units and Stable Word Combinations in the Dictionary of the Modern Russian Literary Language and in the Large Academic Dictionary of the Russian Language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 71–82. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/5

6. Larin, B.A. (1977) *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.

7. Arkhangel'skiy, V.L. (1950) *Frazeologiya "Pouchenіya" Vladimira Monomakha v svyazi s obshchimi voprosami frazeologii russkogo yazyka* [Phraseology of the "Instruction" by Vladimir Monomakh in connection with general questions of the phraseology of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

8. Vinogradov, V.V. (1977) *Leksikologiya i leksikografiya* [Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka.

9. Kopylenko, M.M. (1967) *Issledovanie v oblasti slavyanskoy frazeologii drevneyshey pory* [Research in the field of Slavic phraseology of ancient times]. Abstract of Philology Dr. Diss. Lenigrad.

10. Mokienko, V.M. (1980) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic Phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

11. Tolstoy, N.I. (1999) Dopolnitel'nye suzhdeniya o rekonstruktsii praslavyanskoy frazeologii [Additional thoughts on the reconstruction of the Pre-Slavic phraseology]. In: Venediktov, G.K. (ed.) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. Problems of lexicology and semantics. The word in the context of culture]. Moscow: Indrik. pp. 47–63.

12. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Hagiographies as a Historical Source]. Reprint of 1871 edition. Moscow: Nauka.

13. Peshkovskiy, A.M. (1935) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax In Scientific Coverage]. 5th ed. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.

14. Likhachev, D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Ancient Russian Literature]. 3rd ed. Moscow: Nauka.

15. Lomov, A.G. (1969) *Ustoychivye slovesnye kompleksy drevneyshikh russkikh letopisey* [Stable verbal complexes of the most ancient Russian chronicles]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samarkand.

16. Kolesov, V.V. (1989) *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad: Leningrad State University.

17. Vereshchagin, E.M. (1997) *Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya* [The History of the Emergence of the Ancient Slavonic Literary Language. Translation activities of Cyril and Methodius]. Moscow: Martis.

18. Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and language]. Moscow: Znak.

19. Pimenova, M.V. (2007) *Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoy otsenki v drevnerusskom tekste* [Krasotoyu Ukrasi: An expression of aesthetic evaluation in the Old Russian text]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology; Vladimir: Vladimir State Pedagogical University.

20. Pimenova, M.V. (2018) Problemy sozdaniya slovarya ustoychivykh edinits v diakhronii: yazyk i mental'nost' [Problems of creating a dictionary of stable units in diachrony: language and mentality]. In: Titarenko, E.Ya. (ed.) *Russkiy yazyk v*

polikul'turnom mire [Russian Language in the Multicultural World]. Vol. 1. Simferopol: OOO "Izd-vo Tipografiya "ARIAL"". pp. 248–254.

21. Kolesov, V.V. (2005) *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian Language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of Philology; Moscow: Akademiya.

22. Yurina, E.A. (ed.) (2015–2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of the Russian Food Metaphor]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

23. Artamonova, M.V. (2005) *Parnye imenovaniya v drevnerusskom tekste* [Paired naming in the Old Russian text]. Philology Cand. Diss. Vladimir.

24. Bogrova, K.M. (2012) *Ustoychivye sravneniya v drevnerusskom tekste: semantika i struktura* [Stable comparisons in the Old Russian text: semantics and structure]. Philology Cand. Diss. Vladimir.

25. Rykin, E.Yu. (2014) *Sochetaniya s tvoritel'nym ogranicheniya kak sredstvo vyrazheniya otsenki v drevnerusskom tekste* [Combinations with the instrumental restrictive case as a means of expressing evaluation in the Old Russian text]. Philology Cand. Diss. Vladimir.

26. Buslaev, F.I. (1959) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.

27. Kostyuchuk, L.Ya. (1964) *Ustoychivye slovesnye kompleksy v drevnerusskom delovom yazyke (po gramotam XI–XIV vv.): strukturno-grammaticheskaya kharakteristika* [Stable verbal complexes in the Old Russian business language (according to the letters of the 11th–14th centuries): structural and grammatical characteristic]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.

28. Deribas, V.M. (1975) *Ustoychivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka* [Stable Verb-Noun Phrases of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

29. Lekant, P.A. (2002) *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow: Moscow Region State University.

30. Laguzova, E.N. (2003) *Opisatel'nyy glagol'no-imennoy oborot kak edinitsa nominatsii* [Descriptive Verb-Noun Phrase as a Unit of Nomination]. Moscow: Moscow Region State University.

31. Borisova, E.G. (1995) *Slovo v tekste: slovar' kollokatsiy (ustoychivykh sochetaniy) russkogo yazyka s anglo-russkim slovarem klyuchevykh slov* [Word in the Text: Dictionary of collocations (stable combinations) of the Russian language with the English-Russian dictionary of keywords]. Moscow: Filologiya.

32. Konstantinov, E.S. (2019) [Stable verb phrases in the Old Russian text]. *Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh* [Student Science Days of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs]. Proceedings of the Conferences. Vladimir. 18 March – 5 April 2019. Vladimir: Vladimir State University. pp. 2222–2227. (In Russian).

33. Karskiy, I.F. & Shakhmatov, A.A. (1962) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vols 1–2. Moscow: Nauka.

34. Tvorogov, O.V. (ed.) (1980) Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi.*

XII vek [Literary Monuments of Ancient Russia. 12th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 372–387.

35. Lur'e, Ya.S. (ed.) (1981) Povest' o bitve na Lipitse [The story of the battle of Lipica]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek* [Literary Monuments of Ancient Russia. 13th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 114–127.

36. Anon. (1988) *Ostromirovo Evangelie 1056–1057 gg.* [Ostromir Gospels, 1056–1057]. Moscow: Izdatel'skiy otdel Moskovskogo Patriarkhata; Leningrad: "Avrora".

37. Metropolitan Hilarion. (ed.) (1994) Slovo o Zakone i Blagodati [Sermon on Law and Grace]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Literary Monuments of Ancient Russia. 17th century]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 583–619.

38. Dmitriev, L.A. (ed.) (1978) Skazanie o Borise i Glebe [The Tale of Boris and Gleb]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XI – nachalo XII veka.* [Literary Monuments of Ancient Russia. 11th – early 12th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 278–303.

39. Kotkov, S.I. (ed.) (1984) *Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVII veka. Vladimirskiy kray* [Monuments of Business Writing of the 17th Century]. Moscow: Nauka.

40. Jespersen, O. (1958) *Filosofiya grammatiki* [The Philosophy of Grammar]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.

41. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Moscow: Nauka.

42. Pimenova, M.V. (2011) Syncretism in lexical semantics manifesting the linguistic asymmetry between form and meaning. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 19–48. (In Russian).

43. Loput'ko, O.P. (2005) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: drevneyshiy period* [History of the Russian Standard Language: The earliest period]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

УДК 81'374.3
DOI: 10.17223/22274200/17/10

М.Н. Приемышева, Е.Г. Стукова

АКАДЕМИЧЕСКИЙ «СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА Н.С. ДЕРЖАВИНА (1929–1937 гг.) В ИСТОРИИ РУССКОЙ ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматривается малоизвестный академический «Словарь русского языка» под ред. Н.С. Державина (1929–1937 гг.), продолживший «шахматовское» издание, закрытый в 1937 г. по обвинению в троцкизме. Рассматриваются история, специфика словаря и определяется его роль в формировании традиции русской толковой лексикографии. Анализируется влияние на принципы, жанровую и методологическую специфику Большого академического словаря – «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах.
Ключевые слова: *русская лексикография, толковые словари, история русского языка.*

Несмотря на то что история академической толковой лексикографии достаточно хорошо освещена в целом ряде работ [1–4] и в своих основных тенденциях уже много десятилетий изучается в вузовской практике, есть в ней, однако, еще не до конца исследованные страницы. Одна из таких страниц связана с продолжением шахматовской редакции академического толкового словаря русского языка в 20–30-е гг. XX в. и с началом создания нового издания академического «Словаря русского языка», предшествующего широко известному фундаментальному Большому академическому словарю – «Словарю современного русского литературного языка» в 17 томах. Его изучение и анализ представляют особый интерес не только для общей истории, но и для теории и практики толковой русской лексикографии в целом…

Этот словарь, работа над которым началась в 1929 г. по решению Общего собрания АН СССР, с одной стороны, продолжил шахматовские традиции, с другой – существенно их изменил и дополнил. Однако в 1937 г. работа над словарем была прекращена по обвинению авторов и выборщиков картотеки в троцкизме, опубликованные выпуски издания были изъяты из библиотек (вследствие чего они малодоступны), и словарь оказался практически вычеркнутым из общей истории русской лексикографии и в конечном результате – не извест-

ным или малоизвестным не только широкой, но даже и профессиональной аудитории. Словарь вскользь [5] и, как правило, в критическом и даже в отрицательном ключе упоминается лишь в ряде публикаций 1940–1950-х гг. (ср., например, [1. С. 108; 6. С. 236; 7. С. 89; 8. С. 184–186]) и в дальнейшем исчезает из истории русской лексикографии, растворившись среди более чем 40 выпусков незавершенного «Словаря русского языка» под редакцией Я.К. Грота–А.А. Шахматова 1891–1937 гг.

Однако этот словарь, несмотря на заслуженную в свое время критику, по целому ряду научных параметров стал важнейшим этапом развития толковой академической лексикографии, так как оказался закономерным завершением шахматовской концепции «Словаря русского языка» и необходимым и безусловно важным периодом подготовки будущего самого большого в России академического словаря (БАСа) – «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах.

За период с 1929 по 1937 г. вышло 24 выпуска словаря на буквы А–О (каждая из них не закончена) общим объемом примерно 250 а. л. Отметим малоизвестный в русской науке факт: словарь был переиздан в Англии в 1980-е гг. издательством А. Флегона (Flegon Press, London). Совокупный объем переизданных выпусков составил четырехтомник, сопоставимый по объему со «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. и «Толковым словарем русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова.

Если современные исследователи в той или иной форме обращались к этому словарю, то чаще всего рассматривали его в череде многочисленных выпусков шахматовского издания. Неслучайно поэтому датировка шахматовского издания академического словаря определяется исследователями непоследовательно: либо периодом 1891–1920 гг. [9], либо периодом 1891–1929 гг. [2, 8], либо периодом 1891–1937 гг. [10–13 и др.]. Такие широкие хронологические границы для истории науки вполне оправданны: для не посвященных в историю создания словаря дифференциация издания на периоды не была важна, так как словарь в целом оказался малодоступным, не законченным и потому не востребованным специалистами, а для авторов словаря и исследователей, которые были свидетелями его закрытия по сфабрикованному политическому делу, такая обобщенная датировка позволяла без сильного исторического искажения фактов отождествлять

новое, седьмое, «запрещенное» издание (1929–1937 гг.) с изданием, которое именовалось шахматовским (1891–1929 гг.).

Однако со строгой научно-исторической точки зрения в истории гротовско-шахматовского «Словаря русского языка» Академии наук в *широком понимании* (1891–1937 гг.), процесс создания которого растянулся более чем на 40 лет, закономерно выделение нескольких этапов, а по сути – нескольких фактически самостоятельных словарных проектов.

Достаточно хорошо в истории науки осмыслены, изучены и описаны первые два словарных издания: первое – издание *нормативного* словаря русского *литературного* языка – осуществлялось с 1891 по 1895 г. под редакций Я.К. Грота (А–Д) (см. подробнее: [2, 14]); второе – издание словаря *русского национального языка* – подготавливалось с 1895 г. после назначения редактором Словаря А.А. Шахматова и было прервано в 1920 г. после смерти академика (см. подробнее: [2, 9]). Однако и в истории этого издания есть некоторые нюансы: собственно, при участии А.А. Шахматова были подготовлены только материалы на буквы Е–З (1897–1906 гг.), составившие отдельный том. Далее для ускорения работы было решено работать одному редактору над одной буквой: поэтому были начаты выпуски на буквы И, К, Л, М, Н, О, но в силу объективных причин степень подготовки каждой из букв на 1920 г. была различна.

Третий период работы над словарем можно считать научно проблемным, но формально состоявшимся: после смерти А.А. Шахматова работа над словарем была продолжена сотрудниками специально созданной при Отделении историко-филологических наук Академии наук Постоянной Словарной комиссией под руководством председателя отделения академика В.М. Истрина: с 1922 по 1929 г. было опубликовано 18 подготовленных еще до 1920 г. (с некоторыми доработками) выпусков на буквы И, К, Л, М, Н, О (не закончены), издание продолжалось в старой орфографии (см. подробнее: [2]). Формально данные выпуски абсолютно по праву считаются шахматовским изданием и, безусловно, к нему относятся.

Однако в истории шахматовского словаря в широком понимании научно принципиально, а исторически справедливо и давно оправданно выделение и обособление четвертого самостоятельного словаря: с конца 1929 г. в Академии наук под руководством академика Н.С. Державина началась работа по *переизданию* шахматовского сло-

варя в новой орфографии и с учетом новых, послереволюционных языковых изменений, однако очень быстро в процессе работы обновленного коллектива, а также с учетом новых научных и политических задач было заявлено о создании нового словаря.

В предисловии ко 2-му выпуску буквы А отмечается: «…н о в о е издание Словаря русского языка, начатое с конца 1929 г., является в серии словарных академических изданий с е д ь м ы м , представляя собой *совершенно новое предприятие*: это – толковый словарь с о в р е м е н н о г о русского языка, взятый в историческом развитии» (разрядка источника, курсив наш. – *М.П., Е.С.*) [15].

Таким образом, по замыслу авторов, исторически и теоретически, с 1929 г. началась работа над *новым* словарем *современного* русского языка.

Однако нечеткость новой концепции, полиграфическая аналогичность с предшествующим изданием, незаконченность словаря в целом, использование авторами материалов предшествующих выпусков, недостаточная организованность работы, а главное – политические причины его закрытия способствовали тому, что этот самостоятельный в истории шахматовского издания словарь не успел остаться в научной истории. Дополнительную научную трудность в характеристике самостоятельности издания представляет и тот факт, что в силу целого ряда объективных причин принципы первых лет работы (1929–1931) над данным словарем существенно отличались от принципов работы над ним в 1934–1937 гг. Это позволило исследователям в свое время обозначить его как словарь «компромиссного» [1. С. 105] или «смешанного, гибридного» типа [6. С. 235].

Однако целый ряд нововведений, попытки реализации новых теоретических подходов и концепций, потенциальная смена названия, обновленный авторский коллектив, работа с начала алфавита, использование новых источников и нового языкового материала, создание «Инструкций» и целый ряд других критериев, безусловно, вслед за авторами словаря позволяют считать этот период самостоятельным этапом в истории толковой лексикографии, этапом создания *седьмого* (начиная с САР-1) издания «Словаря русского языка», который необходимо выделить и исторически отграничить от собственно шахматовского словаря.

Нельзя не согласиться с английским издателем словаря А. Флегоном в том, что его история совершенно особая: «Словарь, который считается специалистами самым лучшим, а сталинистами

самым плохим… нуждается несомненно в пояснениях. Для того, чтобы правильно оценить работу, которую русские академики начали в 80-х годах прошлого столетия и были вынуждены прекратить 5-го августа 1937 г., следует ознакомиться с его историей. Вероятно, ни один словарь мира не был так связан с историей своего народа, как настоящий словарь русского языка» [16. С. 1].

История создания словаря представляет собой особый историко-научный интерес, пожалуй, больший, чем история создания всех предшествующих изданий. Она в той или иной степени в настоящее время освещена в ряде работ [12, 16–19], хотя обращение к этой проблеме, особенно к истории его закрытия в 1937 г., остается актуальным. Большую проблему до последнего времени ввиду малодоступности в библиотеках представлял сам перечень выпусков как всего шахматовского издания, так и – особенно – его последней части [12]. Однако эта проблема последовательно и скрупулезно решена в издании [18. С. 422–433].

В настоящей же статье мы остановимся на аспекте, который еще не был предметом научного анализа, – на выявлении научной роли этого издания в истории, теории и практике русской толковой лексикографии.

Как отмечалось выше, за период с 1929 по 1937 г. было опубликовано 24 выпуска словаря на буквы А, Д, Е, И, Л, М, Н, О [20, 21].

В отчете Института языка и мышления Академии наук за 1934 г., в структуру которого в 1931 г. в качестве самостоятельного отдела вошла Постоянная Словарная комиссия, занимавшаяся в предшествующие годы составлением академического словаря, отмечается, что словарь «имеет задачей наиполнейшим образом охватить *современный русский язык*, живой и письменный, литературный, научный, технический и областную речь, входя вместе с тем в прошлое *до половины XVIII столетия»* [22. С. 386]. В этом же отчете указывается, что цель словаря – продемонстрировать не только семантическую сторону жизни слова, но и его функционирование в языке на примере цитат из литературы XVIII–XX вв., раскрывающих его стилистические особенности и фразеологический потенциал, демонстрирующих его грамматические и орфографические характеристики.

Словарь в целом ввиду незаконченности, ввиду несформированности общей лексикографической и научной концепции, ввиду сложностей организационного характера (алфавитная непоследовательность

выпусков, их нумерации) и по ряду других причин несовершенен. Однако по целому ряду параметров он, безусловно, стал важным этапом в истории русской толковой академической лексикографии, существенно повлиявшим на весь ход теоретической и практической лексикографической работы в Академии наук.

Во-первых, это был первый толковый словарь, который создавался на определенной теоретической базе.

Ранее традиционно словник, системы помет, метаязык толковых академических словарей освещались только в предисловиях к ним. Подчеркнем, что изменение концепции с «гротовской» на «шахматовскую» освещено очень кратко в предисловии ко 2-му тому (Е–Ж) и имеет обоснование только в ряде выступлений А.А. Шахматова на заседаниях в Академии наук и его записок [23]. Изменение же концепции шахматовской редакции и переход на новое издание получили существенное научное обоснование в программных статьях Н.С. Державина [24, 25].

Хоть словарь и планировался как полный словарь русского языка (влияние шахматовского издания), но принципиальным для новой концепции становится обращенность на *современный* русский язык, что было подчеркнуто в его обновленном названии. Ср.: «[Словарь] должен дать в себе, по возможности, весь запас лексики русского языка, все его словесное богатство во всем разнообразии его социального бытования на всей занимаемой им территории за *определенный период* хозяйственной жизни и развития его носителя – народа, условно в данном случае определяемый рамками XVIII–XX вв., когда именно складывалось основное ядро так называемого *современного русского языка*» [24. С. 6].

Для истории русской толковой лексикографии принципиальным отличием концепции от шахматовского принципа становится следующий тезис: «Учитывая наследие прошлого в нашей речевой современности, в центр нашего внимания… *мы должны ставить... подлинно современное, новое, сегодняшнее массовое речетворчество, создаваемое в бурном росте социалистического строительства*» (курсив наш. – *М.П., Е.С.*) [24. С. 7].

Важнейшим фактом, существенно повлиявшим на дальнейшую традицию теории лексикографии, стал выход инструкций к словарю. Впервые в истории отечественной лексикографии авторы составили и опубликовали «Инструкции для выборщиков и редакторов», в кото-

рых научному сообществу была представлена в деталях теоретическая и методическая база подготовительной словарной работы, позволяющая оценить сложность, тщательность, научную ответственность предварительного труда, предшествующего собственно выходу словаря.

«Инструкция для выборщиков» [26] включала разделы «Источники словарных выписок», «Текст карточек» и «Техника записи и ссылок» и выводила техническую методику подготовительной работы на новый научный уровень. В первом разделе («Источники словарных выписок») подробно разъясняется, какие бывают источники словарных выписок и для каких именно целей используется каждый из них. Даны сведения о типах выборок и подходящих для них источниках. Второй раздел («Текст карточек») дает классификацию типов карточек и информацию о том, что должны включать в себя эти карточки. В третьем разделе («Техника записи ссылок») регламентируется, на что следует обращать внимание выборщику (правила цитирования источников и ссылки на них, графическое оформление карточек и пр.). Все разделы этой инструкции снабжены большим количеством примеров.

Сложность редакторской и научно-теоретической работы над словарем отражена в «Инструкции для редакторов» [27]. «Инструкция...» включает разделы: «Правописание», «Произношение», «Грамматическая характеристика», «Значение», «Фразеология и стилистика», «Происхождение слова», «Образующая роль слова», а также список сокращений, используемых в словаре, и содержательно освещает правила составления каждой зоны словарной статьи, а также основные критерии лексикографической интерпретации того или иного случая, предпочтения того или иного варианта в спорных и сложных случаях.

Научное следствие этих эпизодических, казалось бы, в своей основе изданий оказалось очень важным. Во-первых, данные инструкции в значительной части вошли в «Проект Словаря современного русского литературного языка» [28], а также в «Инструкцию для выборщиков» [29], методически и исторически доказывая тесную взаимосвязь проекта данного словаря и последующего БАСа. Во-вторых, они задали новую лексикографическую традицию: в дальнейшем каждое крупное лексикографическое академическое предприятие не обходилось без издания своего проекта или инструкции.

Во-вторых, словник и иллюстративный материал словаря, в силу влияния шахматовской традиции (полнота, исчерпанность), с одной

стороны, и нового принципа – обновления словарного состава с учетом тенденции эпохи (использование новых источников и включение новой лексики) – с другой, позволили представить в словаре *язык советского государства 30-х гг.*, более нигде в таком масштабе не отраженный. Принципиально синхронный своему времени иллюстративный материал делает этот словарь ценнейшим источником по истории русского языка 30-х гг. XX в.

Современность отражаемого языка авторы пытались подчеркнуть не только за счет новой лексики, но и за счет актуального иллюстративного материала. Чтобы осовременить словарь, сделать его словарем «современного русского языка», выпуски были существенно дополнены цитатами из актуальной литературы и газет 30-х гг., что особенным образом изменило облик и содержание словаря.

Как, например, отмечалось в отчете Института языка и мышления за 1933 г., «отдельная бригада сотрудников (С.П. Обнорский, Н.Ф. Текутьева, И.А. Фалев) ежедневно просматривали центральные газеты (Известия ВЦИК, Правда) в целях использования соответствующего лексического материала для Словаря; в этой работе принимал участие и редактор издания акад. Н.С. Державин» [30. С. 356].

В работе по истории Большой словарной картотеки, которую начал собирать еще Я.К. Грот с 1886 г., Р.П. Рогожникова об описываемом периоде писала: «Особенно велик был приток материалов в Картотеку в 1933–37 гг. ...Тогда в картотеку поступило около 2 млн карточек. Все они обрабатывались внештатными сотрудниками... Таких сотрудников было около 150 человек. Среди них следует назвать Е.С. Истрину, С.П. Обнорского, С.И. Ожегова, Н.С. Державина, В.И. Чернышева, И.А. Фалева… и многих других.

Выборка материалов для картотеки велась очень широко. Расписывались современные газеты и журналы: “Правда”, “Известия”, “Вестник коммунистической академии”, “Социалистическая реконструкция и наука”, “Техника”, “Искусство”, “Красная новь”, “Октябрь” и мн. др.» [13. С. 55–56].

Привлечение газетных источников впервые в истории русской толковой лексикографии существенно изменило облик словаря: отсутствие принципа *нормативности* позволило авторам в угоду принципу *современности* широко включать сиюминутные, окказиональные, индивидуально-авторские, публицистические новообразования. А их иллюстрирование цитатами из газет создает неповторимый ко-

лорит эпохи, который на современном этапе реконструировать даже в специальных исторических словарях фактически невозможно. Оставляя в стороне оценку научной обоснованности и целесообразности включения такой лексики в толковый словарь, отметим, что задачу отражения «современного» языка и речи авторы тем самым решали вполне успешно.

Рассмотрим для примера несколько словообразовательных гнезд, очень показательных не только с точки зрения отражения абсолютно новой, современной словарю и эпохе лексики, но и с точки зрения ее иллюстрирования.

Техническое и сельскохозяйственное развитие эпохи 1930-х гг. отражено, например, в невероятной продуктивности словообразовательных гнезд **АВИА-, АВТО-, -АГРО.**

Так, например, гнездо на **АВИА-** содержит 127 заголовочных слов. Для сравнения отметим, что в словаре Д.Н. Ушакова данное гнездо представлено 8 заголовочными словами, а в БАСе – 14 (с учетом слов внутри гнезд). Бóльшая часть этих слов зафиксирована в русском языке впервые и более нигде не встречалась: *авиаборьба, авиадизель-мотор, авиаконференция, авиалес, авиауголок, авиахимпросвещение* и мн. др. Значительное их число либо очень быстро вышло из употребления, либо относилось к окказионализмам, но сам факт их фиксации в словаре отражает реалии своего времени, в частности бурное развитие техники и большой интерес общества к нему. Ср., например:

> **Авиавýз**, а, *м.* Вуз, готовящий специалистов по авиации («Авиация и химия». 1931. № 1, объявл) [31. С. 83].

> **Авиаглáвк**, а, *м.* Главный, центральный орган, ведающий авиаделом (в период военного коммунизма 1918–20). *Руководители московского авиаглавка несколько удивились давности канальниковского документа.* М. Кольцов, Один летчик и два письма (II, 238) [Там же. С. 84].

Значительное по объему словообразовательное гнездо с первым компонентом **АГИТ-** весьма показательно с точки зрения яркого отражения «эпохи революции и социалистического строительства». Оно содержит 91 заголовочное слово, в то время как словарь Д.Н. Ушакова – 8, а БАС – 12 лексических единиц. Толкование получают слова, называющие лиц, занимающихся агитацией (*агитбригадник, агитпроповец, агитфельетонист* и др.), мероприятия (*агиткарнавал,*

агитполёт, агитпробег и др.), места (*агитпропкабинет, агитшкола, агитпункт*), произведения искусства (*агитпоэзия, агитфильм, агитпоэма* и др.), печатные издания (*агитлистовка, агитгазета, агитлитература*).

Ярко иллюстрирует такую лексику и используемый авторами современный им цитатный материал. См., например:

> **Агиттруба́**, ы, *ж.* Агитационная труба. Встрет. у Д. Бедного в образном выражении: *трубить во все агиттрубы*.
>
> *Для нас дух лени в тысячу раз Опаснее „духа Локарно*!," Вот про что, натрудивши губы, Во все агит-трубы Я б упорно трубил.* Д. Бедный, Опасный дух (XII, 244) [31. С. 158].

> **Агитфи́льм**, а, *м.* Кинематографический фильм агитационного характера. *Они* (действующие лица в кинокартине), *так как агитфильм монашеский, необыкновенно скромно целуются.* О. Форш, Лурдские чудеса (Под куполом. 208) [31. С. 158].

В-третьих, словарь уникален и по степени семантической разработки лексики в силу инерционного влияния предшествующей шахматовской традиции не только по факту фиксации максимально возможного количества обнаруженных слов, но и по тщательности и детальности семантического описания лексики.

Редакторами и составителями данного словаря являлись русисты, которые впоследствии стали известными лексикографами. Помимо И.А. Фалева, В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, Е.С. Истриной, которые работали в предшествующем издании словаря, в начале 30-х гг. к работе подключились С.И. Ожегов (Т. 5: Д–Даятельный) и Л.В. Щерба (Т. 9: И–Идеализироваться). Как отмечал в свое время В.В. Виноградов, «составленная им [Я.К. Гротом] часть академического словаря <…> является до сих пор непревзойденным образцом (*выше по качеству лишь выпуск на И до слова идеализироваться, обработанный Щербой*)» (курсив наш. – *М.П., Е.С.*) [6. С. 231]. О высочайшем уровне семантической разработки лексики в томе 9 (вып. 1), подготовленном Л.В. Щербой, писали также Е.С. Истрина [32. С. 82] и Р.М. Цейтлин [1. С. 106–108].

В составе издания есть беспрецедентный по объему и уровню семантической разработки выпуск, подготовленный В.И. Чернышевым, посвященный описанию частицы «не» в русском языке [33]. Объем статьи-выпуска составляет примерно 20 а. л.

Подход к разработке семантики в словаре, с одной стороны, напрямую продолжает принцип предшествующего издания и может оцениваться критически. С другой стороны, учет принципа «современности» позволил авторам семантически описывать не весь имеющийся под рукой материал, что затрудняло его понимание и осмысление в предшествующем издании, а структурировать только актуальную для современного языка семантику, что вело к новой лексикографической традиции, с успехом использованной впоследствии авторами БАСа. Подчеркнем, что для современного русского языка наибольшее количество значений у многозначных слов представлено именно в БАСе.

В-четвертых, словарь исторически и теоретически по ряду параметров оказался прямым предшественником БАСа. Начало работы над новым «Словарем современного русского литературного языка» было объявлено на том же заседании Президиума АН СССР 5 августа 1937 г., на котором была остановлена работа над «Словарем русского языка» [34].

В истории лексикографии совершенно неизвестен тот факт, что после закрытия проекта его материалы были широко использованы практически тем же авторским коллективом при создании первых томов «Словаря современного русского литературного языка» (известного в дальнейшем как БАС), т.е. словарь оказывается предысторией и основой, с которой началось создание БАСа.

Поскольку времени у авторов нового словаря литературного языка фактически не было – к 1938 г. по поручению Президиума АН должен был выйти первый том нового словаря, им пришлось использовать опыт и наработки предшествующего издания. Состав авторов словаря изменился в эти годы незначительно: после увольнения всех сотрудников словаря в августе 1937 г. часть из них, избежавшая политического преследования, была вновь принята на работу в декабре 1937 г.

Редакторский и авторский коллектив первых томов (Е.С. Истрина, И.А. Фалев, В.И. Чернышев и др.), фрагментарно словник, фрагментарно иллюстративный материал первых букв, теоретические принципы, структура и основные содержательные аспекты «Проекта» (в основе опирающиеся на «Инструкции» 1936 г.), детализация семантической разработки, обилие иллюстративного материала, обусловившие его многотомность и, одновременно, фундаментальность, становятся той базой, которую новый БАС позаимствовал от своего предшественника. Важнейшим и принципиальным отличием нового словаря становится ориентация его на современный русский *литературный* язык.

Первые два тома «Словаря современного русского литературного языка» были опубликованы в 1948 и 1950 гг. под ред. В.И. Чернышева, однако они были подготовлены еще до войны и сильно отличаются от последующих томов. На это указывал еще С.И. Ожегов, один из авторов «державинского» издания: «В конце 30-х гг. произошла реорганизация академического словаря, приведшая к выходу в 1948–1950-х гг. первого и второго томов из 15-томного “Словаря современного русского языка”» [7. С. 91]. См. подробнее об этом в [19].

Таким образом, «Словарь русского языка» Академии наук СССР 1929–1937 гг. под ред. Н.С. Державина по объективным причинам остался в исторический тени «Словаря русского языка» под ред. Я.К. Грота–А.А. Шахматова 1891–1937 гг. и выпал, надеемся, временно, из официальной истории русской академической лексикографии. Тем не менее он является самостоятельным, хоть и незаконченным, изданием, ставшим лексикографической экспериментальной лабораторией, в которой с учетом новых исторических реалий подготавливалась новая традиция толковой академической лексикографии. На примере этого словаря становится особенно наглядным то, что научный путь от «Словаря русского языка» (1891–1937) к «Словарю *современного* русского *литературного* языка» (1948–1965) для истории и теории лексикографии оказался очень долгим и мучительным: каждое слово в названии самого большого толкового словаря русского языка отражало новый этап его создания и новый принцип описания русского языка, за которыми стояли напряженная научная работа, политическая борьба, колоссальный лексикографический и филологический труд, а также судьбы нескольких десятков и даже сотен людей...

Литература

1. *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М. : Учпедгиз, 1958. 136 с.

2. *История* русской лексикографии. СПб. : Наука, 1998. 610 с.

3. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Кто есть кто в русской лексикографии. СПб. : Свое издательство, 2016. 592 с.

4. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.

5. *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. 2-е изд. Харьков : Радяньска школа, 1937. 328 с.

6. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 206–242.

7. *Ожегов С.И.* О трёх типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.

8. *Галкина-Федорук Е.М.* Современный русский язык. Лексика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1954. 204 с.

9. *Шиманская И.Н.* Академический словарь русского языка под ред. А.А. Шахматова : дис. … канд. филол. наук. Л., 1964. 235 л.

10. *Коготкова Т.С.* Словарь Я.К. Грота–А.А. Шахматова // Русская речь. 1970. № 5. С. 35–37.

11. *Круглов В.М.* Новые данные об употреблении специальных помет в толковом академическом «Словаре русского языка» 1891–1937 гг. (по материалам архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 1. С. 736–743.

12. *Еськова Н.А.* Указатель к академическому словарю 1891–1937 гг. // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 149–153.

13. *Рогожникова Р.П.* Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб. : Наука, 2003. 106 с.

14. *Галаванова Г.П.* Я.К. Грот как лексикограф : дис. … канд. филол. наук. Л., 1953. Т. 1. 524 л.; Т. 2. 309 л.

15. *Словарь* русского языка. Т. 1: Ажно–Аллотриология. Новое издание. Вып. 2. Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1933. II стр. + 160 (225−384) стлб.

16. *Флегон А.* Предисловие (История создания словаря) // Slovar russkogo jazyka. 1891–1929. London : Flegon Press, [б/г]. Вып. 1. С. 1–29.

17. *Костина В.М.* История создания академического словаря русского языка как отражение «тоталитарной» лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 87–91.

18. *Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб. : Нестор-История, 2015. 442 с.

19. *Приемышева М.Н., Стукова Е.Г.* У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». СПб. : ИЛИ РАН, 2018. С. 7–17.

20. *Круглов В.М.* Неизданные фрагменты «Словаря Я.К. Грота – А.А. Шахматова» второй половины 1920-х гг. из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 927–937.

21. *Круглов В.М.* Об издании неизвестных страниц академического «Словаря русского языка» (1930–1936): общая характеристика архивного материала, правила публикации, пробный фрагмент // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. 14, № 1. С. 401–440.

22. *Отчет* о работе Института <языка и мышления> за 1934 г. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 1. / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. : Наука, 2013. С. 382–398.

23. *Приемышева М.Н.* Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова: pro et contra // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 887–909.

24. *Державин Н.С.* История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 4. С. 1–12.

25. *Державин Н.С., Обнорский С.П.* История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 7. С. 13–26.

26. *Словарь* русского языка. Инструкция для выборщиков / сост. Е.С. Истриной, И.А. Фалевым. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 39 с.

27. *Словарь* русского языка. Инструкция для редакторов / сост. С.П. Обнорским. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 75 с.

28. *Проект* Словаря современного русского литературного языка / сост. Е.С. Истрина, И.А. Фалев, В.И. Чернышев, Р.Э. Порецкая, С.С. Советов. М. ; Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 98 с.

29. *Словарь* современного русского литературного языка. Инструкция для выборщиков / ред. А.М. Бабкин. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 24 с.

30. *Отчет* о работе Института <языка и мышления> за 1933 г. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. IX, ч. 1 / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. : Наука, 2013. С. 352–358.

31. *Словарь* русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 1: А–Ажно. Новое переработанное и дополненное издание. Вып. 1. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. II стр. + 224 стлб.

32. *Истрина Е.С.* Л.В. Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880−1944) : сб. ст. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. С. 82−87.

33. *Чернышев В.И.* Отрицание «не» в русском языке // Приложение к 1 вып. VIII т. «Словаря Русского Языка, издаваемого II Отделением Академии Наук СССР». Л. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1927. XII стр. + 98 стлб.

34. *Постановление* Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. № 7–8. С. 80.

The Academic *Dictionary of the Russian Language* (1929−1937) Edited by N.S. Derzhavin in the History of Russian Explanatory Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 195–212.
DOI: 10.17223/22274200/17/10

Marina N. Priemysheva, Ekaterina G. Stukova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru / e.g.stukova@gmail.com

Keywords: Russian lexicography, explanatory dictionaries, history of Russian language.

This summarizing article briefly covers the history of the little-known *Dictionary of the Russian Language* that was edited by N.S. Derzhavin and created in the USSR Academy of Science in 1929−1937, and states its role in the history, theory and practice of Russian explanatory lexicography. The aim of the article is to discuss the previously unexamined and insufficiently studied (because its creation was ceased due to political reasons in 1937) *Dictionary of the Russian Language* edited by N.S. Derzhavin, whose official history "dissolved" in the history of the late years of the Shakhmatov Dictionary's existence. The article describes the place and role of Derzhavin's Dictionary in the history of explanatory lexicography. Despite the fact that the Dictionary, as well as its precursor, the Shakhmatov Dictionary, was not completed, a certain range of lexicographic techniques and methods that had been applied to it later became traditional. An important fact is that the Dictionary became a laboratory for making preparations for the *Dictionary of the Modern Russian Standard Language* and an essential link between the Shakhmatov Dictionary and the latter. The article adopts a descriptive method. Based on the materials of the Dictionary, historical and linguistic primary and secondary sources, a brief pre-history and history of the Dictionary is described. The following parameters are analyzed in detail: (1) the methodological basis (creation and, for the first time in history of Russian lexicography, publication of instructions for working with the Dictionary and a set of policy papers), (2) the word-list and illustrations (lexis and quotations from newspapers of the 1930s caused it to become a unique source of genuinely rare language material); (3) the uncommonly deep semantic development of words (among the authors of the Dictionary in the 1930s were L.V. Scherba, S.I. Ozhegov and some other outstanding Russian linguists: their high professional level as well as the forerunning traditions of the Shakhmatov Dictionary enabled an especially thorough development of semantics in the Dictionary); (4) certain facts witnessing that the material of the Dictionary and the range of its lexicographic achievements were used in the *Dictionary of the Modern Russian Standard Language*. While the history of the Dictionary is covered to some extent in certain sources, the four parameters of the Dictionary that were mentioned above may be characterized as scientifically new. The conclusion at the end of the article is noteworthy for its scientific novelty. The main conclusion is that the academic explanatory *Dictionary of the Russian Language* (1929−1937) edited by N. S. Derzhavin may confidently be regarded as an independent lexicographical project and may be characterized as an independent lexicographical publication that has made a significant contribution in the history, theory and practice of Russian lexicography.

References

1. Tseytlin, R.M. (1958) *Kratkiy ocherk istorii russkoy leksikografii (slovari russkogo yazyka)* [A brief essay on the history of Russian lexicography (dictionaries of the Russian language)]. Moscow: Uchpedgiz.

2. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1998) *Istoriya russkoy leksikografii* [The history of Russian lexicography]. Saint Petersburg: Nauka.

3. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2016) *Kto est' kto v russkoy leksikografii* [Who is who in Russian lexicography]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

4. Nikitin, O.V. (2012) *Ocherki po istorii russkoy leksikografii pervoy poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the 20th century (explanatory dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani: Slavyansk-na-Kubani Branch of Kuban State University.

5. Bulakhovskiy, L.A. (1937) *Kurs russkogo literaturnogo yazyka* [A course of the Russian standard language]. 2nd ed. Kharkov: Radyan'ska shkola.

6. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 206–242.

7. Ozhegov, S.I. (1952) O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 85–103.

8. Galkina-Fedoruk, E.M. (1954) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Lexis]. Moscow: Moscow State University.

9. Shimanskaya, I.N. (1964) *Akademicheskiy slovar' russkogo yazyka pod red. A.A. Shakhmatova* [Academic Dictionary of the Russian Language edited by A.A. Shakhmatov]. Philology Cand. Diss. Leningrad.

10. Kogotkova, T. S. (1970) Slovar' Ya. K. Grota–A. A. Shakhmatova [Dictionary of Ya.K. Grot–A.A. Shakhmatov]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 35–37.

11. Kruglov, V.M. (2016) Novye dannye ob upotreblenii spetsial'nykh pomet v tolkovom akademicheskom "Slovare russkogo yazyka" 1891–1937 gg. (po materialam arkhiva Bol'shoy slovarnoy kartoteki ILI RAN) [New data on the use of special marks in the explanatory academic "Dictionary of the Russian Language" of 1891–1937 (based on materials from the archives of the Big Dictionary Card Index of Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 1 (12). pp. 736–743.

12. Es'kova, N.A. (1995) Ukazatel' k akademicheskomu slovaryu 1891–1937 gg. [Index to the Academic Dictionary of 1891–1937]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Filologicheskiy sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.V. Vinogradova* [Philological Collection. On the 100th anniversary of the Academician V.V. Vinogradov]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. pp. 149–153.

13. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Sokrovishchnitsa russkogo slova. Istoriya Bol'shoy slovarnoy kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Treasury of the Russian word. History of the Big Dictionary Catalogue of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Nauka.

14. Galavanova, G.P. (1953) *Ya.K. Grot kak leksikograf* [Ya.K. Grot as a lexicographer]. Philology Cand. Diss. Vols 1–2. Leningrad.

15. Komissiya po russkomu yazyku Akademii nauk SSSR [Commission on the Russian language of the Academy of Sciences of the USSR]. (1933) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Pt. 2. Leningrad: USSR AS.

16. Flegon, A. (n.d.) Predislovie (Istoriya sozdaniya slovarya) [Preface (History of the dictionary)]. In: *Slovar russkogo jazyka. 1891–1929.* Vol. 1. London: Flegon Press. pp. 1–29.

17. Kostina, V.M. (2014) Istoriya sozdaniya akademicheskogo slovarya russkogo yazyka kak otrazhenie "totalitarnoy" lingvistiki [The history of the creation of the academic dictionary of the Russian language as a reflection of "totalitarian" linguistics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5. pp. 87–91.

18. Kruglov, V.M. et al. (2015) *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative-stylistic labels in the explanatory academic dictionaries of the Russian language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

19. Priemysheva, M.N. & Stukova, E.G. (2018) [At the origins of the "Dictionary of the modern Russian standard language": from the history of sensible academic lexicography of the late 30s. 20th century]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: current status and development prospects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 3–5 October 2018. Saint Petersburg: Nestor-istoriya. pp. 7−17. (In Russian).

20. Kruglov, V.M. (2015) Neizdannye fragmenty "Slovarya Ya.K. Grota – A.A. Shakhmatova" vtoroy poloviny 1920-kh gg. iz arkhiva Bol'shoy slovarnoy kartoteki ILI RAN [Unpublished fragments of the "Dictionary of Ya.K. Grot – A.A. Shakhmatov" of the second half of the 1920s from the archive of the Big Dictionary File Cabinet of Institute of Linguistics RAS]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 927–937.

21. Kruglov, V.M. (2018) On the publication of unknown pages of the academic "Russian language dictionary" (1930-1936): general characteristics of the archival materials, publication rules, trial fragment. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 1 (14). pp. 401–440. (In Russian).

22. Institut <yazyka i myshleniya> [<Language and Thinking> Institute]. (2013) Otchet o rabote Instituta <yazyka i myshleniya> za 1934 g. [Report on the work of the <Language and Thinking> Institute for 1934]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 1 (9). pp. 382–398.

23. Priemysheva, M.N. (2015) Tezaurus russkogo yazyka v kontseptsii A.A. Shakhmatova: pro et contra [Thesaurus of the Russian language in the concept of A.A. Shakhmatova: pro et contra]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 887−909.

24. Derzhavin, N.S. (1932) Istoriya yazyka i raboty Akademii Nauk SSSR nad izdaniem "Slovarya sovremennogo russkogo yazyka" [History of the language and work of the USSR Academy of Sciences on the publication of the Dictionary of the Modern Russian Language]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 4. pp. 1–12.

25. Derzhavin, N.S. & Obnorskiy, S.P. (1932) Istoriya i tekhnika sozdaniya slovarya russkogo yazyka Akademii Nauk SSSR [History and technique of creating a

dictionary of the Russian language of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 7. pp. 13–26.

26. Istrina, E.S. & Falev, I.A. (eds) (1936) *Slovar' russkogo yazyka. Instruktsiya dlya vyborshchikov* [Dictionary of Russian language. Instructions how to select citation]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

27. Obnorskiy, S.P. (ed.) (1936) *Slovar' russkogo yazyka. Instruktsiya dlya redaktorov* [Dictionary of Russian language. Instructions for editors]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

28. Istrina, E.S. et al. (eds) (1938) *Proekt Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Project of the Dictionary of the Modern Russian Standard Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

29. Babkin, A.M. (ed.) (1955) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Instruktsiya dlya vyborshchikov* [Dictionary of modern Russian standard language. Instructions on how to select material]. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR.

30. Institut <yazyka i myshleniya> [<Language and Thinking> Institute]. (2013) Otchet o rabote Instituta <yazyka i myshleniya> za 1933 g. [Report on the work of the <Language and Thinking> Institute for 1933]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 1 (9). pp. 352–358.

31. Komissiya po russkomu yazyku Akademii nauk SSSR [Commission on the Russian language of the Academy of Sciences of the USSR]. (1932) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Pt. 1. Leningrad: USSR AS.

32. Istrina, E.S. (1951) L.V. Shcherba kak leksikograf i leksikolog [L.V. Shcherba as a lexicographer and lexicologist]. In: Larin, B.A., Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Pamyati akademika L'va Vladimirovicha Shcherby (1880−1944)* [In memory of Academician Lev Vladimirovich Shcherba (1880−1944)]. Leningrad: Zhdanov Leningrad State University. pp. 82−87.

33. Chernyshev, V.I. (1927) *Otritsanie "ne" v russkom yazyke* [Negative "ne" in the Russian Language]. Leningrad: USSR AS.

34. *Vestnik AN SSSR*. (1937) Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR [Decree of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. 7−8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛАНДИНА Екатерина Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
E-mail: balandinaes@susu.ru

ГЕРАСИМОВА Марина Владимировна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.
E-mail: marinagrekova@gmail.com

ГО Лицзюнь – д-р филол. наук, декан факультета русского языка Университета им. Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай).
E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

ГРОМЕНКО Елизавета Сергеевна – мл. науч. сотр. лаборатории антропологической лингвистики Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: el.gromenko@gmail.com

ЗЫКОВА Ирина Владимировна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора теоретического языкознания Института языкознания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: zykova_iv@mail.ru

МАЙОРОВ Александр Петрович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ).
E-mail: map1955@mail.ru

НОВИКОВА Элеонора Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: linx@rambler.ru

ПЕРЕДРИЕНКО Татьяна Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
E-mail: peredrienkoti@susu.ru

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
E-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru

ПРИЕМЫШЕВА Марина Николаевна – д-р филол. наук, зав. отделом лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

СЕРГЕЕВ Михаил Львович – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории компьютерной лексикографии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: librorumcustos@gmail.com

СТУКОВА Екатерина Григорьевна – аспирант, лаборант отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: e.g.stukova@gmail.com

СЮЙ Хун – д-р филол. наук, декан факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков (Китай).
E-mail: katiaxu@shisu.edu.cn

ФИВЕЙСКАЯ Елена Александровна – науч. сотр. лаборатории компьютерной лексикографии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: alfiveisk@gmail.com

ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: shilyaevc@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2020. № 17

Редакторы: Н.А. Афаанасьева, Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 10.06.2020 г. Формат 80×84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 13,5; усл. печ. л. 12,5. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4320.

Дата выхода в свет 19.06.2020 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru